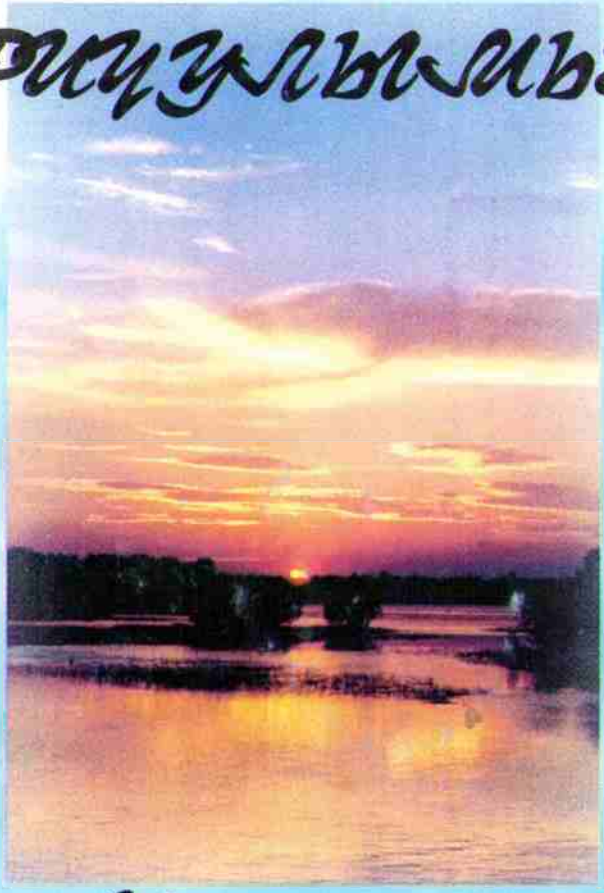
Петр Коваленко

ПРИЦУЛЫМЬЕ МОЕ, ПРИЦУЛЫМЬЕ



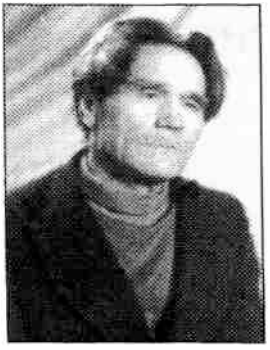
Стихи, поэмы

Петр Коваленко

ПРИЧУЛЫМЬЕ МОЕ, ПРИЧУЛЫМЬЕ

Стихи, поэмы

Издательство
«КЛАРЕТИАНУМ»
Красноярск
2003



О СЕБЕ

Стихи, стихи!
Они, как дети
Ночами спать мне не дают.
Упрямо будят на рассвете,
В поля закатные ведут.

Я родился в семье, где не всегда был хлеб, но всегда любили песни. Безграмотная мать, от брата, который учился в школе, подслушивала музыкальные стихи Лермонтова, запоминала их наизусть, пела над моей зыбкой. Отец-безбожник, любил петь молитвы. Его сильный, сочный бас мне слышится даже сейчас. Меня тянуло мальцом что-то высказать первому кто встретится... В школе писал первые стихи в стенгазету. Потом в районку, в краевую газету «Сталинские внучата». На фронте в газеты: «Фронтовая правда», «Бей врага», «Мы победим» и др. армейские, дивизионные. И до сих пор поэзия для меня — все что есть хорошее и плохое. Но жизнь сложилась так, что я не смог закончить МГУ. Набраться тех верхушек, которые порой мешают понимать действительность. Я пишу о том, что пережил, что близко мне и дорого. Пусть не всегда по-модному, но — верно. Отдаю низкий поклон читателям и почитателям, кто понимает и принимает меня своим автором. Выношу глубокую благодарность всем, кто помог издать эту книгу, поддержал меня морально. Это: глава администрации Ужурского района Владимир Константинович Матиков, его заместитель — Ковшова Татьяна Геннадьевна и депутаты районного Совета. На их внимание я отвечу книгой: «Под пулями по лезвию ножа». Которую пророчу к 60-летию Дня Победы. Дай Бог дожить...

Петр Коваленко

МЫ ПОМНИМ ВСЕ
ИЛИ
БЕЗЫМЯННАЯ ПОЛЯНКА

✧✧✧

Тяжело ворошить былое,
Кое-как зажившие раны.
Да опять не дают покоя
Всколыхнувшие воспоминанья.

Первый день войны

Не терзайте себя.
И не тешьте надеждой на встречу.
Не глядите с тоскою в багровый закат.
В первый вечер войны —
Кровью залитый вечер —
Он границу прикрыл
И ни сделал ни шагу назад.
Приняв первый удар,
Он не умер от страха
Гнев и ярость огнем закипели в груди.
«Для гостей — пироги,
Для захватчиков — плаха.
От заслуженной кары никому не уйти».
От ожогов порою коробилась кожа,
Кровь слепила глаза,
Заливала и уши, и рот.
А солдат все стрелял в озверевшие рожи.
«Пока жив я никто никогда не пройдет!»
Отбивался и снова бросался в атаки.
В рукопашной — грудь в грудь.
И под траки — бросок...
Не терзайте себя.
Он с границы не сделал ни шагу,
Он прописан навечно у развилки дорог.

Перед боем

За бруствером
Кипит свинцовый ветер.
Шрапнель дырявит
Временный накат.
А нам приказ из штаба: «На рассвете
Поднять в атаку
Сводный полк солдат».
Взять до пенька сожженную деревню,
Где никого, наверно нет, в живых.
О, сколько их,
Таких селений древних,
Фриц, изголяясь, утопил в крови!
Бой будет дерзкий.
Укрепился враг.
Но мужество умножив на внезапность,
Мы катами устелим каждый шаг.
Как могут только русские сражаться.
Все это будет завтра...
А пока,
Обняв в охапку ветки смоляные,
Под вой шрапнели витязи полка
Спят, как младенцы
Матери-России.

✧✧✧

Когда под свист июльских трелей,
Под плач детей, сестер и жен,
Составы наши вдаль летели.
До крыш набитые, на фронт.

Прищурясь в сумраки седые,
Давясь соленою слезой,
Нас провожала вся Россия
На правый бой,
Нелегкий бой.

Мы, как умели, утешали...
Что мы могли сказать родным?
Одно тогда мы твердо знали:
Умрем в бою иль победим.

✧✧✧

В блиндаже, у печурки горящей,
Перед боем солдаты сошлись.
Повели разговор настоящий
Про далекую мирную жизнь.

И ушли под снаряды и пули,
Полегли под метелью свинца.
А в печурке светились угли,
Будто их пламенели сердца.

✧✧✧

Когда под свист июльских трелей,
Под плач детей, сестер и жен,
Составы наши вдаль летели.
До крыш набитые, на фронт.

Прищурясь в сумраки седые,
Давясь соленою слезой,
Нас провожала вся Россия
На правый бой,
Нелегкий бой.

Мы, как умели, утешали...
Что мы могли сказать родным?
Одно тогда мы твердо знали:
Умрем в бою иль победим.

✧✧✧

В блиндаже, у печурки горящей,
Перед боем солдаты сошлись.
Повели разговор настоящий
Про далекую мирную жизнь.

И ушли под снаряды и пули,
Полегли под метелью свинца.
А в печурке светились угли,
Будто их пламенели сердца.

Песчаный бугорок

За этот вот песчаный бугорок
В неравных схватках
Полк гвардейский лег.
А через год,
Мы здесь сражались снова,
И сколько было выплескано крови!
О том не скажет
Ни ковыль, ни камень,
И только сердце будоражит память.
И в черных шрамах матери-березы
Роняют листья желтые, как слезы.
Я вспоминаю прошлое...
Зачем?
Кто был здесь — нет.
Кто не был —
Глух и нем.
А наверхах
Во всю идут дебаты.
Карманы надшивают депутаты.
«Кому земля бесплодная нужна?
Продать — и наша вырастет казна.
Продать!
Возможно, даже за «бугор».
Какая подлость!
И какой позор!
И... вижу!
Всколыхнулся бугорок.
И ...слышу!
Гневный рокот, как поток
Толчками бьется,
Рвется из земли:
«За что же мы
Костьми здесь полегли?
Обмыли кровью
Каждый куст и камень,
Мы были

И остались не рабами.
Нас предали!
Но нас нельзя продать.
Земля навеки нам — родная мать.
Прочь руки!
А не то мы встанем вновь.
Христос воскрес,
И свята наша кровь!»

Склонялась над телами рожь

Да, было так:
В огне разрывов
Метался раненый закат.
Упал на стоптанную ниву
Свинцом подкошенный солдат.
Упал...
Горячею рукою
Зажал пробоину в груди,
И стриженною головою
Припал к земле:
«Прощай!.. Прости!»
Бой утихал.
Все дальше, жальше
Катился шквал...
Стихала дрожь...
И, напитавшись кровью павших
Склонялась над телами рожь.

На Мамаевом кургане

На Мамаевом кургане седина.
Спят герои не покинув боя.
Голубая волжская волна
Шелком шелестит у изголовья.
И зимой, и летом по утрам,
Встав на карауле у бесмертья,
Флаги зорь кладут к его ногам
День за днем,
Столетье за столетьем.
И чуть свет
Опять к нему спешат
Все, кто был,
И кто родился после.
На земле обугленной горит
Вечный пламень
И цветы, как звезды.
И когда заката тишина
Мир объемлет,
Ночь смешает краски,
На груди его лежит луна,
Верная судьбе солдата каска.

Он был сапером на войне

...И с ходу с головою в снег.
В грязи,
Под проволокою с током,
По бурным рекам и протокам
Он нам прокладывал дороги.
Он был сапером на войне.
Впиваясь пальцами до сини
В колючий лед
И скользкий наст,
Он, обезбреживая мины,
Как Бог спасал себя и нас.
Не ошибается и Бог
Иначе не было бы воин.
Судьбою жестоко обездолен,
Сидит наш повадырь без ног.
Он был сапером на войне.
Но грозный Марс бывает щедрый,
Своим законам вопреки,
На две культяпые руки
Один оставил палец средний.
Сжимай покрепче кулаки!
Сжимает бывший воин зубы.
Как я сжимал...
(Их нет давно.)
А Марс калечит наших внуков,
И грезит новою войной.
Войной!
А видишь перст проклятья!!
Друг был сапером на войне.

На бурой расхлестанной пашне

Под шквальным огнем пулеметов
На пашне залег батальон.
Не пашня — гнилое болото,
Солдатский крутой Рубикон.
— Что делать?
— Лежать, как мишени?
— Прицельным побьют, как цыплят.
— Не мешкай, комбат!
— В наступленье!
— Промедлишь... во век не простят!
Раздумью нет времени...
Кто-то,
В искусстве мальчишек — мастак,
Как птиц поднимал к небосводу,
Пронзительно свистнул в кулак.
Не раз я ходил в штыковые.
Меня не щадила беда.
Но те, что я видел... впервые,
Забыть не смогу никогда.
Рванувшись из грязного плена
Сквозь шквальный свинцовый огонь,
Как летом мальчишки в деревне,
По лужам бежал в наступленье,
Бежал босиком батальон.
На бурой расхлестанной пашне,
Где только что смолкла гроза,
Во славу ушедших и павших
Чернели, вразлет, нараспашку
Обмотки и бати

*) кирза

*) батя — командир батальона.

Глаз не поднять от стыда

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой...
Константин Симонов

Опять мы уходим из боя,
Покинув родные места.
И сердце не знает покоя,
И глаз не поднять от стыда.
Уходим, оставив могилы,
Кто лег в эту землю костьми.
Неужто мы клятвы забыли?
И гордость утратили мы?
А мы все отходим, отходим...
Так скоро к Уралу дойдем.
Покрыв себя вечным позором,
И тех, кто спит праведным сном.
Я вижу, как павшие рати,
Взрывая могильную тлень
Прижав, как кресты, автоматы,
Встают у родных деревень.
Прикрыв городские руины,
Бросаются в полымь огня.
За честь нерожденного сына,
За нас — за тебя и меня.
И те, кто шел с нами в атаки
И морок окопный делил,
Остались верны присяге
И святости братских могил.
А мы все отходим от боя,
Оставив родные места.
И сердце не знает покоя,
И глаз не поднять от стыда.

Фронтовой закат

День угасал.
А схватка разгоралась.
Броня и камни плавились в огне.
Горело все,
Что днем еще осталось,
И раненый лежал я на стерне.
Земля в глазах,
Земля и кровь во рту,
И кровь струею
Бьет из рваной раны...
Я с головой ныряю в темноту
И спотыкаюсь,
Как в хмельном дурмане.
И снова взрывы — черные столбы,
И перехлест повсюду трупы, трупы...
И, как поганки, горькие грибы,
Во рту скрипят, чужие зубы.

Так было

В окопе душно, как в печи.
Жара петлей сдавила глотку.
Огней скрестилися мечи,
Над головою танк рычит...
А ПТЭР затих, молчит...
Молчит Сережа-пулеметчик.
Он даже крикнуть не успел
И не успел сомкнуть ресницы,
Как будто отдохнуть присел,
Пилотку сжав, как горсть пшеницы.
Судьба на линии огня
Свела в атаке нас и под Клином:
Он в рукопашной спас меня,
А я его спас у Починок.
Но на войне, как на войне —
И генералов убивают.
Что новый бой готовит мне?
А что тебе?
Никто не знает.
Ушел...
Но не закрыл глаза,
Не замутил прощальной грустью.
Не ойкнул,
Не шагнул назад —
Так умирает только русский.
А это больше, чем приказ.
Солдатский долг
За всех за нас,
За тех,
Кто в свете лет угас.
Стоять!
Стоять! Хоть кровь из глаз!!

Песня разведчиков

Запахнув потертые шинели,
Спит пехота, кроме часовых.
Пеплом тишина на луг осела,
Черный лес задумался, притих.

Только нам ни сна и ни покоя,
Что ни ночь, то снова маята:
Вспахиваем поле перед боем
Взад, вперед — и все на животах.

Роем носом черные сугробы,
Руки в кровь и в ссадинах тела.
Сколько ты таких дорог, Европа,
На своих полях вместить смогла.

Мы пройдем,
Где заяц не проскочит,
Проползем по лезвию ножа,
Если даже пулями проточит,
Не закроем ясные глаза.

Это нас приветствуя, ракеты
Обжигают небо до Луны.
Доживем, ребята, до Победы,
А потом махнем до Марса мы.

Баллада о моряках

Гудело море,
Море клокотало.
Враг очертело лез со всех сторон.
Прижатый к черной пропасти и скалам,
Сражался окруженный батальон.
Горели волны,
Облака горели,
Кипела сталь и плавился гранит.
Казалось, ничего не уцелело
И каждый мертвый
В пятый раз убит.
Но только враг,
Победой опьяненный,
К осаде делал первые шаги.
Из-за утесов,
Кровью обогренных,
Бросались в контратаку моряки.
Летели в пропасть рыцари-тевтоны,
Летели в бездну каски и кресты.
И развивалось знамя батальона
На гребне безымянной высоты.
Шли день за днем,
Неделя за неделей.
Кипела сталь и трескался гранит.
Казалось ничего не уцелело
И каждый мертвый в сотый раз убит.
Шумело море,
Море клокотало.
Фашистский вал трещал у берегов.
Остались в груду сваленные скалы
И раненая горстка моряков.
Они стоят у моря и поныне —
Бессмертие отлитое в бетон...

Мы победили

Мы с боем отходили на восток.
Телами устилали метр за метром.
И что скрывать:
Порой холодный шок
Охватывал...
И было шаг до смерти.
Фашисты зажимали нас в тиски.
И тут, и там захлестывали петли.
Но мы вставали из огня и пепла
И скрещивали намертво штыки.
Мы не забыли схватки роковые
И не забудет никогда СС,
Как бастионом верности России
Встал на пути им богатырский
Брест.
Но враг по трупам оголтело лез.
Мы отходили...
И за нами следом
Тянулись нивы,
Обгорелый лес,
Тянули руки плачущие дети.
И встали мы.
Ни четверти назад!
Поднялась в рост великая Россия.
И верный сын Отчизне, Сталинград,
Вписал в Победу строки золотые.

Оборона

Мы на третьем этаже
Занимаем оборону.
Фриц — на первом давит вшей,
Невтерпеж.
Трясет кальсоны.
Пляшет русский наш гопак
Под симфонию мороза...
Допекает сибиряк,
Жижа капает из носа.
Отощал.
Где бравый шик?
Неприветлива чужбина.
Не колбаску,
Не шашлык —
Гложет дохлую конину.
»Осетринки бы кусок.
Млека тепленького фляжку».
Получайте!
Вилы в бок!
Штык гвардейский между ляжек!
Подгонял Адольф вояк
Волгу вычерпать до капли,
Да явился сибиряк
И зажал пришельцев в лапах.
Мы по-русски фрицев-вшей
Бьем гранатами с балкона.
И на третьем этаже
Занимает оборону.

Молитесь за нас

Особники мне в спину не стреляли.
Я был послушный в армии солдат.
Но так хотелось автоматным шквалом
Все семьдесят один пустить назад.
Мы в бой идем...
Идем, рискуя жизнью,
И захлебнутся многие в крови.
Зачем же так презрительно и низко
Держать на мушке мертвых и живых?
А если бы из этих автоматов,
Что в спины нам нацелены сейчас,
Ударить вместе по пришельцам-гадам,
То многие бы не закрыли глаз.
А нас лишили и наград, и званий
И на колючки бросили в огонь...
Молись за нас...
Пусть повезет на рану...
Прощай!
И биографии не тронь.
И в грудь,
И в спину бьет в упор огонь.

Я в пояс поклонюсь

А я все там — в пылающей Смоленщине,
Где только груды пепла и золы,
И печи почерневшие,
И женщины
Согбенные в моленьях до земли.
Я там — у братских,
У заросших холмиков,
Что разбросала, не скупясь, война.
Отцы седые,
Одногодки-школьники,
Вы не забыли?
Помните меня?
Мы вместе, поднимаясь,
Шли под пули,
Ползли и мерзли в топях ледяных.
Кого скосило...
А кого минуло,
Как мало, редко я встречаю их!
И в зарослях осок и горицвета,
Стряхнув с росою тягостную грусть,
Вам, неизменным витязям победы,
По-русскому я в пояс поклонюсь.

Я в памяти все ясно берегу

Все так же:
Беспокойные рассветы,
Закаты в торопливой суете.
И оборвалась песня недопетой,
И плач...
И поцелуи в темноте.
Все те душе знакомые волненья,
(Напрасно я в ночи искал покой),
Под звездами горит костер сомненья,
И жажды жизни буйствует прибой.
И в полночь,
Когда сон сжимает веки,
(Все в памяти я четко берегу)
...Идут солдаты в темноту по снегу
И умирают на заре в снегу.

✧✧✧

Деревья, как ракеты,
Нацеленные ввысь,
На цыпках до рассвета
На взгорке поднялись.
Мирам далеким внемлют
Коронами ветвей,
Вцепившись крепко в землю
Корнями...
Так верней.

✧✧✧

Мы уходим с боем в дали,
И с болью падали на лед...
А матери о нас рыдали
И ждали годы напролет.

Не потому ли в испытаньях
Тверды мы были, как алмаз,
Что наши муки и страданья
Сносили матери за нас.

✧✧✧

Они не говорили ни о славе,
Ни о суровых подвигах своих.
И падали, подкошенные, в травы
На раненых дорогах фронтовых.

И не в обиду
Ни родным, ни близким —
Такой всегда
Войны суровый рок —
Одним воздвигнут
Славы обелиски,
А кто-то безымянным
В землю лег.

Рожь

Да, было так:
В огне разрывов
Метался раненый закат.
Упал на стоптанную ниву
Свинцом подкошенный солдат.
Упал...
Горячею рукою
Зажал пробоину в груди,
И стриженою головою
Припал к земле:
«Прощай!..
Прости!»
Бой уходил
Все дальше, дальше
Катился шквал...
Стихала дрожь...
И, напитавшись кровью павших,
Над павшими склонилась рожь.

Сердце швырну как гранату!

Если лишусь я рук,
Буду ногами драться.
Если лишусь и ног —
Рано еще сдаваться.
Плюну в глаза врагу —
Время пришло расплаты!
И выплеснув с гневом тоску —
Сердце швырну, как гранату.

Такого знать нам не дано

Во сне мне часто снятся кони.
Скачу верхом...
И вслед за мной
Во весь галоп летит погоня,
И в спину целится конвой.

И за барьерами барьеры
И пропасти...
Темным темно...
Да есть ли испытаньям мера?
Такого знать нам не дано.

Сталинград

О чем задумался, сержант,
Нахмурил брови так сурово?
— Да вспомнил снова Сталинград,
Тот Сталинград, сорок второго
Не город — огненный вулкан,
Костром пылающая ВОЛГА,
А нам приказ верховным дан,
Стоять без всяких перетолков.
И без приказа ясно все —
Назад ни шагу оступаться.
Война свернула колесо,
Лавиной в город рвутся фрицы.
Несутся танки на таран,
И в небе самолетов стаи,
Но мы упрямо твердо встали,
Мамаев закипел курган.
Сердца на взводе, как гранаты,
Отвага — жизнь,
Победа — риск.
Вот так мы дрались в Сталинграде
И пред врагом не пали ниц.

Баллада о Женьке-сибирячке

Жизнь полна случайных парадоксов.
— Петька, Петька,
Эй, айда за мной!
Я не очень увлекаюсь боксом,
Но без схватки не оставлю бой.
Бились мы на честность кулаками,
Не щадя ни рук, ни животов.
И в шеренги встали с синяками
Добровольных сталинских полков.
Пролетали дни пыля тревогой,
Пахли гарью травы и хлеба.
На военных путаных дорогах
Разлучила нас с тобой судьба.
Но, как эхо за глухою стенкой,
Слышался мне в грохоте атак
Голос твой, друг побратимый Женька:
— Бей внакаут, Петька-сибиряк!
Жизнь полна случайных парадоксов,
А на фронте их не перечесть.
Батальон наш, отступая в Рославль,
Вышел в тыл дивизии СС.
Путь отрезан на восток и запад,
Давит глотку черная петля.
Свастики обугленные лапы,
Как кресты, маячат
Из огня.
Ни гранат в запасе, ни патронов,
Бьемся в рукопашных на штыках
И справляют праздники вороны
Над фашистской нечистью в полях,
Ночь.
Ледок похрустывает звенько,
Каждый мускул яростью набряк,
И, как взрыв гранаты, голос Женьки:
— Бей внакаут, Петька-сибиряк!»
Бились до последнего дыханья,

Рвали петли свастики в клочки...
Женя, Женька!
На твоей поляне
Расцветают в мае огоньки.
Холмик, как оброненная каска,
В мирном небе россыпь ярких звезд...
И мальчишки,
Нашей, знать, закваски,
Жизнь встречают яростно, на бокс.

Кружился ворон надо мной

Кружились вороны над полем,
Где утром шел горячий бой.
Лежали мертвые на поле,
А кто-то был еще живой.

Лежал и я, к земле пришитый,
Сжимая рану пятерней.
И одинокая ракита,
Как мать, склонялась надо мной.
А снег все шел,
И засыпал
И засыпал убитых.
А кто-то был еще живой...
Кружился ворон надо мной.

Убийца

Он убивал.
И сам убитый,
Забытый всеми много лет
Лежит в бурьяне не зарытый
Чернеет высохший скелет.

Щетины жесткого пырея
Торчат занозами ресниц.
И растревоженные змеи
Шипят, ощерясь, из глазниц.

✧✧✧

Когда рассвет над поймой Уссурийской
Рассыпал тихий радужный каскад,
Густую синь свинцом вспороли выстрелы —
Упал убитый на посту солдат.

За каплей капля кровь в траву сбегала,
Взгляд костенел осколком тишины.
А люди спали,
Люди мирно спали.
В тот день, по сводкам, не было войны.

✧✧✧

Хохочет девчонка.
Ах, ты, озорница!
А глобус по воле
Ручонки кружится.
А я содрагаюсь,
Газеты читая,
Так атомной бомбою
Дяди играют.

✧✧✧

Все уходит.
В мире все не вечно.
Есть всему начало и конец.
Мне вчера над зыбкой пели песни,
А сегодня я уже отец.

Все уходит...
Как на марше роты.
Пропылят и скроются года,
Но героев, павших за свободу,
Время не состарит никогда.

Над Курилами часто сгущаются тучи

Над Курилами часто сгущаются тучи.
Ветер с морем ведут незаконченный спор.
Вал за валом, рыча,
Бьются лбами о кручи,
И тайфуны морской будоражат простор.
Чья-то шхуна мелькнула
В тумане рассвета,
И укрылась за скалы, в затонах глухих.
И опять браконьеры
Засыпали сети,
Любят русскую рыбку в заморских пивных.
Рыщут тайно
Подводные лодки-акулы,
Подбираются к нашим родным берегам.
Но не спят моряки,
Моряки в карауле,
Преграждают дороги незванным «гостям».
И кипит вал за валом, бросая на кручи
Клочья рваных сетей
И заморских трофей...
И ползут, и ползут
Над Курилами тучи,
И тайфуны ревут,
Словно своры чертей.

Тост 9 Мая

Где б ни был ты,
А в эту дату —
Как водится —
От всей души
Стакан вина
Иль чашу браги
Солдатским залпом осуши.

Пускай, кто не был там, осудит:
Святых не делала война.
Откуда знать им — мирным людям —
Всю горечь нашего вина.

Им не пришлось за нас стыдиться,
Как не пришлось и нам за них...
За павших!
Пусть им крепко спится!
За новый,
Светлый день живых.

Нас было много...

Нас было много,
Много было нас,
Веселых пареньков неугомонных.
Но грянул гром в рассветный летний час,
И небо раскололи стрелы молний.

Мальчишки, не познавшие любви,
Девчонки в фиолетовых веснушках,
С врагом сразились у ворот Москвы
За каждый дом,
За каждый взгорок русский.

В огне по грудь,
И в ярости по брови
Они прикрыли Родину собой
И что ни поле — стало Куликовым,
И что ни бой — то Бородинский бой.
Закажет недруг правнукам и внукам,
Как зариться на Матушку-Москву.
Нас было много...

Отыграла вьюга.
Напрасно я друзей своих зову.
Они ушли:
Кто в песни, кто в легенды
Кто безымянным в глубь веков ушел.
Горит зари малиновая лента.
Шагает юность, срок ее пришел.
Она несет погибших эстафету
По своему преобразуя мир.
И кружится вокруг оси планета
В веснушках солнца,
В родинках чернил.

Солдатская правда

У солдата две судьбы
В жизни не бывает.
Или орден на груди,
Или в лоб шальная.
Вместе мерзли на снегу
И сигнал: «В атаку!»
Кто-то вспыхнул набегу,
Кто — броском под траки.
Кто снарядом разнесен
На кровавой пашне.
И зачислен в списки он
«Без вести пропавшим».
Кто-то ловко в борозде
Скрылся в наступленье.
И добрался к высоте
С новым пополненьем.
Обнимают «старика»
— «Вот он чудо-воин!
— Орден есть наверняка.
— Заслужил! Достоен!»
А бывало даже так —
Не ходил в атаку.
А умел держать черпак —
Первый «За отвагу».
Только я не о таких —
Не черню солдата.
Если честно — штык-на штык,
Получай награду.
Только свято помни тех —
Без вести пробавших.
Кто упал в горящий снег
На кровавой пашне.

Комиссары

Давайте скажем правду,
Все, как было.
Пред павшими не покривим душой.
Найдем травой заросшие могилы,
И тех, кто не зарыт еще землей.
Когда фашист размял границы наши,
К Москве рванулся огненной чумой.
Безбожники схлестнулись в схватке страшной
И повели Россию за собой.
Чапаевской закалки комиссары,
Тимуровцы-юнцы политруки
Тушили кровью огнищи пожарищ
И танки принимали на штыки.
Вы можете чернить их в чем угодно,
Но ратных дел не трогайте! Не сметь!!
Они свершили подвиг благородный,
Лицом к лицу достойно приняв смерть.
И, поднимая памятные тосты,
Клянемся нашей честью фронтовой:
Потухшие зажечь над прахом звезды
Безбожников Великой мировой.

✧✧✧

Не знаю как мы выжили и жили.
Не дай Бог никому
Судьбы такой.
Безногих жизнь
Плясать нас научила,
И, плача, крест
Ложить культей.

Кровавый дождь

На горизонте тучи,
Тучи ворохом.
Закрыли нежный маковый закат.
Ни дождевые сгрудились,
А пороха,
Сверкнет искра
И взрывы загремят.
Раскатисто, размашисто и властно,
Ударит из орудий с треском гром.
И, сквозь туманы — порванные снасти,
Кровь хлынет на земь проливным дождем.

2003 г.
Накануне нападения США на Ирак.

За Полярным кругом

За Полярным кругом белые медведи
Собрались впервые на совет.
На Аляске строит дядя Буш ракеты.
Видно помутился у владыки свет.
Долго совещались мудрецы седые
И сошлись на мнении одном:
Сколько будет в мире Матушка-Россия,
С ней мы безопасно проживем.

ВСПОМНИМ, ДРУЗЬЯ!

Стихи о Чечне, Афганистане.

Поэмы:

Двенадцатая застава,

Боевая юность

Память

Мы не забыли о войне.
Не заглушили годы память,
Нет-нет да вспыхнет битвы пламя,
Скует ознобом в тишине.

И снова дым,
И взрыв фугасок,
И закипает жаркий бой,
Мы только числимся в запасе,
А память — на передовой.

Вспомним, друзья...

Друзья мои,
Где вы, где вы, откликнитесь?
В какую даль судьба вас завела?
Пускай не все, не все мы можем свидеться,
Есть поважней свиданья и дела.

Но если ты остался верен дружбе,
Пусть не со мной,
С другим фронтовиком,
Как с братом брат,
Налей полнее кружки,
Что есть — не обязательно вино.

И по глотку, как мы тогда делили,
Распейте все до капельки, до дна,
И на поверку выйдите к могилам,
Где чутко, чутко дремлет тишина.

И поклонитесь в верности и дружбе...
Пусть не со мной, с другим фронтовиком.
Мы разопьем вино иль пива кружку
И вспомним, вспомним снова о былом.

Баллада о друге

Я расскажу вам о друге,
О друге живом и мертвом,
Вернее — полуживом.
Он был откровенный малый,
Простой — душа на распашку.
Плясун, балагур и комик
Влюбленный еще мальчишкой
В отцовскую гармонь.
Весной,
Когда за околицей
В росах кипели травы,
И белые стаи бабочек
По ветру пускала черемуха,
Он брал на ремень тальянку
И шел за закатом к речке,
Перебирая лады.
Как вечером месяц ясный
Выводит на небо звезды,
Он шел в хороводе девушек,
Шел в хороводе песен
И медными голосами
Трогал сердца влюбленных.
Бежали навстречу тропки,
Теснились вокруг полянки
И рощицы белоногие
Заглядывали в глаза.
В глаза его синие-синие,
Цвета весенней лазури,
Полные юной радости,
Невысказанной мечты.
У речки, у тихой заводи,
Где плещутся в полночь русалки,
Где нежно цветут, целуются
(Он был маляром на стройке),
Не красит — играет кистью,
Играет и все поет.

Направо мазок и — зорька
Горит кумачем на стенке,
Налево — цветною радугой
Повис над крыльцом карниз.
— Талант! — восхищались люди,
— Артист!
— Золотые руки!
А голос! Как у Шаляпина...
Гордились Алешей мы.
Но он обрезал мне строго:
«Довольно молоть пустое.
Я только всего строитель,
Строитель, причем — рядовой.
Не знаю, кто прав был в споре,
Быть может, все и — Алеша,
Строителем надо тоже
Художником быть душой.
Но только жизнь по-иному
Решила судьбу погодков.
Война оборвала юность,
В шинела одела нас.
Ушел рядовым Алеша,
Ушел добровольцем в роте.
Туда, откуда немногим
Вернуться пришлось назад.
Длинна пехотинца дорога,
Ухабистый путь и тяжелый.
Можжат от натуги плечи
И ноги уже не поднять.
Упал на обочину слабый,
Лежит ни живой, ни мертвый
И... спит,
Как не спал ни разу
За прожитых двадцать лет.
Опять пошатнулся кто-то —
Идти больше нету мочи.
Рот затромбован пылью,
Пылью забило нос.
Но локоть сжимая другу,
Верстает пехота, верстает
Тяжелые версты войны.
Еще далеко до привала

И где он? Никто не знает
Короткий и может последний
Нелегкий солдатский привал...
И вдруг, расправляя плечи,
Малиновые дорожки
Хлестнула волной перезвоном
Израненная гармонь.
Прошлась по рядам колонны,
Вспугнула с ресниц дремоту,
Солдатку — подругу песню
Ракетой взметнула ввысь.
Гудят под ногами дали,
Пехота идет, пехота,
Невспаханным полем идет!..
Солдату не много надо,
А с песней вдвое меньше:
Побреется шилом без мыла,
Окурком согреется взвод.
И песня — гармошка за полночь
Ведет утомленные роты.
О самом родном и далеком
Поет гармонист-сибиряк,
Идет он какой уже месяц!
Идет от привала до боя,
Четвертые стерлись подметки,
И шрамов на теле не счесть...
Но только не тужит Алеша.
Грустить не умеет Алеша,
Алеша — артист по призванью,
Алеша — Судьбою солдат.
А завтра — победа. И флагом
Заря на штыках заалеет,
Салютами вызвездит небо,
Войне обрезая концы.
Но это все — завтра...
Сегодня
Метут пулеметы над полем
И кто-то опять умирает,
Обидно — у мира в дверях...
Ах, что замолчала тальянка?
Простреляны руки и ноги.
И пуля застряла в гортани.

Не плюнуть,
Не выхаркнуть с кровью,
Не вырвать, не проглотить.
Чужое холодное небо
Дрожит, холодцом застывая...
Гармонь захлебнулась в пыли.
Гулять бы ему по лужайкам,
Водить бы с русалками пляски,
На свадьбах Большою Медведицей
Росу с медовухою пить.
Да, видно, с судьбой не поспоришь,
И, видно, ее не поправишь,
Хотя говорят: «Человеку
Судьбою дано управлять».
Сто раз умирая в атаках,
Сто раз воскресая в санбатах.
И ангелом в рай не приписан,
И чертом не принят в аду.
Судьбу подминая под ноги,
Алеша в село возвратился.
От смерти ушел, спотыкаясь,
О землю стуча костылями.
Другие танцуют и пляшут,
Веснянку разводят по кругу.
Встряхнул бы плечами Алеша,
Чтоб месяц зарылся в кудрях.
Да сил не хватает ...калека,
И что-то не гнутся протезы.
Скрипят, как разбитые дроги,
А с ними и сердце скрипит.
Рванул бы с размаху тальянку,
Пройтись по ладам переборам,
Чтоб рощицы в ситце зеленом,
Сообрались у речки в кружок.
Да только культей не сыграешь,
Наборы — меха не растянешь,
Лицо без других не умоешь.
Скупую слезу не сотрешь.
Он даже забыл когда плакал —
Слезами беде не поможешь,
Слезами потерь не воротишь,
Лишь счастье отравишь другим.

И, скрипнув зубами, Алеша
Часами сидит у калитки,
Сидит у бобыльего дома
Чужую любовь стережет.
О, если бы вы заглянули,
Мечтатели новых сражений,
В его обожженные горем,
В сгоревшие в муках глаза!
Вы больше б не сделали шагу,
Вы в гневе бы их утонули,
Вы в пепел бы трижды сгорели,
Как порох сгорает в огне...
...Встают над землею рассветы.
Дробятся над степью закаты.
Другие спешат на работу,
Другие к любимым спешат.
И рвутся к планетам ракеты,
И нивы шумят на просторах,
И новые песни о дружбе
Разносят ветра над землей.
И снова веселые парни
Девчат вызывают на пляску...
...И верит Алеша, что юность
В обиду Россию не даст!

Радость выдавали по пайкам

Прикоснулась дочь ко мне щекою:
— Папа, сколько у тебя морщин!
Разве был один ты на один
В рукопашных с черною бедою?

— Никогда не знать бы, дети, вам,
Что морщины эти прочертило.
Нам беды на всех
С лихвой хватило,
Радость выдавали по пайкам.

✧✧✧

Не говори: «Пропал без вести»,
Он не животное — солдат.
В лесу смоленском
Или в Бресте
Его прямой накрыл снаряд.

И... только черная воронка
На месте том, где он стоял.
Так и пишите в похоронке:
Исчез без вести —
Не пропал.

✧✧✧

У времени испытанные меры.
Свои критерии и свой аршин:
Отвергнутым, признав,
Откроет двери,
Лжегениев, смеясь,
Швырнет с вершин.

Вставай, партизанка

В бору, на лужайке,
Где сосны-кухлянки
Ветвями укрыли
Могилку войны,
Вздыхает с тальянкой,
Рыдает с тальянкой
Седой, как полярный
Песец, инвалид.
Вставай, партизанка,
Лихая смуглянка,
Гляди, как багрово
Пылает закат.
Опять спозаранку, душа наизнанку,
Заморские танки
У Бреста рычат.
Ты помнишь, как было?
Неужто забыли!
И снова в угаре
Торопятся в ад.
И вместе с тальянкой
Вздыхает могила.
Могилы ведь тоже не спят.
В бору, на полянке,
Где сосны-кухлянки
Ветвями укрыли
Могилку войны,
Вздыхает с тальянкой,
Рыдает с тальянкой
Седой, как полярный
Песец, инвалид.

В веках не смолкнет слава градов

В вёках не смолкнет слава градов.
Но говорю вам, как солдат:
У каждого был свой Кранштадт,
Свой Сталинград,
Своя Варшава.
Свой безымянный бугорок.
Упал солдат... и не поднялся.
Под Клином раненый, без ног,
Каким-то чудом жив остался.
А тот,
Что рукавом пустым,
Как журавель, культею машет,
Одессу брал...
Штурмуя Крым
Нырнул в гнилую топь Севаша.
Да где бы ни был ты — солдат,
В боях за Оршу,
Иль Полтаву,
С наградами иль без наград
Достоин почести и славы!

Мы помним все

«Черта подведена.
Дебатам места нет, —
Воскликнул дипломат из Нью-Йорка.
Европа — нам для атомных ракет,
И никаких не может перетолков».
Он вместе с бизнесменами, втайне
Вынашивал секретно план коварный,
И днем, и ночью грезил о войне,
И тосты возносил высокопарно.
Прищуривая хищные глаза
Лавировал отточенною фразой:
«С востока лезет русская гроза,
Нам надо обеспечить безопасность».
Стучали в залах жидкие хлопки
И — Нет!
В рукопашный с — Вето.
Он, словно волк, нащупывал шаги,
Чтоб съесть овцу и не оставить следа.
Ликует «победитель»-дипломат.
Я, помнится, встречал его на Эльбе,
И если б я не мира был солдат,
Давно бы он почил под старой вербой.
Мы помним все...
И по бурунам лет
Несем в сердцах ту клятву мира свято.
И свой портертый воинский билет
Храню я, как
Гвардейскую гранату.

Стоит солдат

Под небом северной земли,
Под кучевыми облаками
Он был рожден не для войны,
Мальчишка с синими глазами.
Над колыбелию его
Не о походах песни пели,
Шептало золото хлебов,
Будили зори свиристели.
Мальчишка рос влюбленный в мир,
Влюбленный в бабочек и в книжки.
И часто, часто в школе мы
Дразнили девочкой мальчишку.
А он на девочек взглянуть
Не смел, казнясь и протестуя.
Ушел мальчишка на войну
Не зная радость поцелуя.
Война, суровая война...
Дожди свинцовые, косые,
Детей, горящих из огня
Не раз солдаты выносили.
Спасали девушек чужих
И матерей чужих спасали,
И, падая, в полях сухих
Флажками маков прорастали.
А те, кто оставался жив,
В боях убитых заменяли.
Сама Европа, как родных,
Их крепко, крепко целовала.
Не знаю где,
В какой стране,
Чьи заслонив собою вишни,
Погиб мальчишка на войне,
Оставив девушек и книжки.
На Европейских площадях,
Среди вишневых тихих улиц,
Стоит с ребенком на руках
Солдат, не знавший поцелуя.

Ракиты

Село мое, село родное
Таких немало на Руси.
Полста домов на рыжем склоне,
А рядом белые овсы.
Кругом сутулые массивы,
Как роты павшие солдат,
Оцепенев лежат под ливнем,
Под снегом, скорчившись, лежат.
И по извилистым долинам,
Смывая слезы — пыль веков,
Течет речушка в три аршина,
Как кровь текла твоих сынов.
Над ними вдовушки-ракиты
В нарядах девичьих до пят
Стоят, метелями повиты,
В грозу под бурями стоят.
И я у краюшка дороги
Стою, не узнанный, один,
Лишь осень щедрая под ноги
Бросает золото осин.
А у ворот галдят детишки,
Шумят в скворешнях воробьи,
И спорят девушки о книжках,
И парни спорят о любви.
Им до меня какое дело.
Кто я?
Зачем пришел сюда?
Над ними бури не шумели,
Им не ломала рук беда.
Стою, не в силах даже плакать,
Где мне заплакать одному?
За всех, что вечно спят в Карпатах,
Спят на Днепре и спят в Крыму.
Они в невиданных сраженьях
Прикрыли родину как мать,
И эту тихую деревню,

Где им уж больше не бывать.
И одинокие ракиты,
В нарядах девичьих до пят,
Стоят метелями повиты,
В грозу под пулями стоят.

Письмо с того света

Я — солдат.
Я погибший в сраженье солдат.
Я погиб не один —
Нас в земле миллионы лежат.
По заросшим траншеям,
У истлевших орудий
Нашей кровью поля
И доныне парят,
И в полуденный день
Мы глазами глядим незабудок.
Нам сейчас все равно:
Год иль тысячи лет.
Мы — земля.
Мы вздымаем зеленые всходы,
Мы поправу за прошлое держим ответ.
И сегодня следим
Кто какими дорожками ходит.
И обидно до слез,
До ломоты истлевших костей,
Что опять о войне,
Как о рынках судачат.
И не спят мертвецы
У затихших давно батарей,
И костями стучат...
(Мертвецы ведь не плачут.)
Неужели напрасно
Молодыми мы в землю легли?
Неужели живым
Не хватает ни солнца, ни ласки?
Нам хотя бы на день,
Да хотя бы на час
Приподняться с земли.
Мы надели б на них
Проржавевшие каски
И с плеча — на плечо

Вековушки-шинели,
Сапоги — напрокат,
Что с суглинком к ногам прикипели.
Пусть по-вдовьи над ними
Поплачут метели,
И могильные черви
Вопьются пиявками в тело
И зароют, как и нас,
Без гробов и крестов...
Не взыщите.
Законы войны нерушимы.
Остальное, неверно,
Понятно без слов.
Не поймете?
Напомнит
Вонючая заросль полыни.

У жизни свой особый счет

Давно ли провожали нас,
А вот сегодня мы, друг сами
Усталых не спуская глаз
В дорогу внуков провожаем.
И наставления даем,
Как их когда-то ожидали.
Так замыкая жизни круг,
Все повторяется сначала.
Сегодня дед, а завтра внук
Стоит уж дедом на вокзале.
У жизни свой особый счет.
К чему мольба и сострадания.
Как поезд, новый век придет
И отойдет по расписанью.

✧✧✧

Когда мне смерть уста сжимала,
Сознанья луч тушила мгла,
Ты напролет ночей не спала,
Что сделать ты еще могла?
Ты и в бреду была со мною,
По тропке-ниточке брела.
Ты нежной женскою рукою
Беду от сердца отвела.

Помянем

Не хмурься, друг, не надо.
Сегодня День Победы.
Победы, о которой
Мечтал весь род людской.
А мы ее солдаты,
Большой войны солдаты,
Мы — витязи ПОБЕДЫ
Над черною чумой.
Давай, дружок, помянем
Всех, кто топал с нами
По фронтовым дорогам,
А больше — без дорог.
Кто шел в огонь под пули,
Кто прусских «львов» таранил,
Кто за ПОБЕДУ-МАМУ
В сырую землю лег.
Помянем поименно,
Помянем безымянных,
Кто мерз в окопах-ямах,
В сугробах и в крови.
Кто выносил из боя
И бинтовал нам раны...
Помянем добрым словом,
Помянем, как живых.
Поднимем стопки горкой.
За тех, кто долго-долго
За нас в полях работал
И у станков стоял.
И жил на скудных корках,
И душу грел махоркой,
И верил в День ПОБЕДЫ
Надеялся и ждал.
Давай, дружок, помянем,
Всех, всех, кто топал с нами
По фронтовым дорогам,
А больше — без дорог.

Кто шел в огонь под пули,
Кто прусских «львов» таранил,
Кто за ПОБЕДУ-МАМУ
В сырую землю лег.

На Руси справляют панихиды

На Руси справляют панихиды
Кто погиб в Афганах,
Кто в Чечне.
Кто в квартире собственной убитый,
Кто покоится на океанском дне.

И грустят, грустят колокола,
И конца не видно черным спискам.
И чем больше мщения и зла
Тем все больше, больше обелисков.

Находка

Нашли мальчишку каску в травостое,
С пробоиной у самого виска.
Я возле уха тронул шрам рукою,
И кровью зарумянилась рука.

Домино

Стучат костяшки домино,
Как полковые барабаны.
И ходят по кругу стаканы,
Играет шалое вино.
Остатки рот и батарей,
Сжав оборону круговую,
Друг друга яро атакуют
Под папиросный блеск огней.
Сержант со шрамом на щеке
Бомбит майора беглым шквалом,
Не быть «пустышке» генералом,
Как было на Десне реке...
Сегодня мой играл «баян»,
Пошли «пятерки» в рукопашный...
Как не крути — победа наша,
И я сегодня — капитан.
Комбат минувшей славой грезит,
Награды гладит на груди.
И все скрипят, скрипят протезы,
Как устаревшие кресты.

Бывает и так

Ночь, как месяц, уголь в печке,
Догорает не спеша,
А конца не видно встрече —
Вспоминают, ворошат...
— Помнишь, было под Каховкой...
— Помнишь, было под Орлом...
— Если б только не сноровка...
— Как пошли мы напролом...
Вспоминают, восклицают
Тут же врут наперебой...
Внук историю читает
И качает головой.

Глаза матери

Вы взгляните в глаза им, взгляните
Сколько боли вместили они!
Сколько грусти, тоски и обиды
В них оставили годы войны.

Сколько слез, откипев на ресницах,
Загорелось огнем седины...
Не погасли сражений зарницы,
Не погасли пожаров огни.

Земля, как дремлющий вулкан

За взрывом — взрыв,
За взрывом — взрыв,
И снова взрывы,
Взрывы, взрывы.
Чечня, как свищ,
Чечня — нарыв.
Коварной ярости порывы.
Я ни кликуша,
Ни шаман.
Но мысль моя
Тревожно бьется:
Земля,
Как дремлющий вулкан —
Встряхнешь...
И сразу все взорвется.

2001 год

Пришел солдат с границы на побывку

Пришел солдат
С границы на побывку.
С тревожных мест
Пришел домой солдат.
Две новые сержантские нашивки,
Как две полоски радуги горят.
Слеза скатилась по щеке нежданно.
Крепись, солдат,
Ты знаешь: жизнь крута...
Он вспомнил тех,
С кем был в бою недавно,
Кто не придет домой уж никогда.

А по саду
Из края в край баяны,
Детей звонок сзывает на урок.
Целуют землю белые туманы,
И ждет в ночи кого-то огонек.

Пришел солдат с границы на побывку,
С тревожных мест пришел домой солдат,
Две новые сержантские нашивки,
Как две полоски радуги горят.

День памяти

День памяти,
День скорби
И печали,
И миг,
И вечность,
Сжатые в кольцо.
Не прячь в ладони
Бледное лицо.
Зажги свечу,
Пусть мир пребудет с нами.
И, преклонив колени,
Свято сам
Не придавайся
Козням и проказам.
Срывай все маски!
И бронещитам
Нет места там,
Где торжетвует разум.

Былинные истории

На земле сталинградской
Где пески и ковыль,
Сколько вырыто братских,
Одиноких могил?

На Дону и на Волге,
В камышовой тени,
Затерялись надолго
И отцы,
И сыны.

Заблудились в плавнях,
Угодили на дно,
И дороги обратно
Им уже не дано.
И поет степь ковыльная,
С Волгой-Матушкой Дон
О сраженьи былинных
На цимбалах времен.

Седина

В сухой песок чужой земли
У устья канувшей войны
Зарыли русских сыновей.
И у истоков тишины
В молчании седели мы
Намного раньше матерей.

✧✧✧

Я о годах своих уже не говорю.
Отцвел кудрявый клен,
Осыпался без времени,
И пусть я чубом звезд не достаю,
Не по весне опять красуюсь зеленью.

Зачем же о моей ты седине
Твердишь везде, где надо и не надо.
Пойми, я был солдатом на войне,
А седина, как орден для солдата.

Опять стучат в России костыли

Опять стучат в России костыли.
Скрипят, как дроги старые протезы.
И шрамы, шрамы
До костей пожгли.
Следы от пуль
И ножевых порезов.
Ребята, не дожив до двадцати,
Уходят в вечность...
Мечутся в палатах.
И кровью наливаются бинты —
Гуманитарка миротворцев НАТО.
Мир перечеркнут
И уже давно.
Пьем на помин прогорклое вино.
Стучат, стучат все больше костыли.
Вот-вот пробьют
Больную грудь земли.

✧✧✧

И мне не век брататься с ветром.
Такой закон судьбы любой
К земле не только гнутся вербы,
К земле вершины клонят кедры,
Дубы, сраженные грозой.

И я споткнусь на полдороге,
Прильну к земле: «Прости! Прости!»
Хотя б талиной при дороге
Дай мне для внуков прорасти.

Я быть хочу у тишины горнистом

В то утро на границе было тихо.
Пьянели в росах травы и сады.
И только соловьи щелкали лихо,
В предверье наступающей беды.
Крылатые волшебники-артисты
Встревоженно бросали трели в высь.
За всех дремавших в этот час горнистов
Будили мир:
Проснись!
Проснись!!
Проснись!!!
И падали в огонь от первых пуль...
Но трели вновь
Хлестали в грудь фашистов.
...Так я хочу,
Пока не смолкнет пульс,
Бессменным быть
У тишины горнистом.

В горах Кавказа

В горах затишье.
Ни стрельбы,
Ни трелей.
И нам запрещено зажечь костер.
Кривым кинжалом
Месяц желто-белый,
Как серне горло
Ткучу распорол.
И засверкали молнии-короны,
Венчая пики безымянных скал.
И грянул гром —
Раскатистый, со звоном...
И, захлебнувшись, тихо растонал.
И хлынул дождь,
Смывая плесень с плит...
Но чья-то тень чернит у водопада.
Не спи, солдат!
В такую ночь когда-то
У Машука был Лермонтов убит.

2001 г.

В ущелье Кавказа

В ущелье и сыро, и мрачно.
Грохочет то взрыв, то обвал.
Поток, как изгнанний несчастный,
Бунтует, зажатый меж скал.
Грызет и целует утесы,
И падает вниз кувырком,
И кровь,
И соленые слезы
Мешает с холодным песком.
Клочок беспокойного неба,
Пронизанный пиками льдов,
Мешает и были, и небыль,
С воронами гордых орлов.
А, может быть, это не птицы?
Слетелися демоны зла:
Наемные воры, убийцы
Вершить гробовые дела.
И сыро, и тесно в ущелье.
Изныла солдата душа.
На Волгу родную скорей бы!
Да рядом шакалы кружат.

2001 г.

Шуми, Аракс...

Аракс, Аракс!
Зажатый в скалах,
Как зверь голодный на цепи,
Рычит,
Грохочет,
Зубы скалит,
Встает свечою на дыбы.
Рожден на пиках белоснежных
Ты рвешь гранит в избытках сил.
Твоих кипящих струй мятежных
Веслом никто не замутил.
И за поспешное сравненье
Прости меня, строптивец гор.
Ты гибель предпочтешь плененью,
И не снесешь цепей позор.
Бурли, играй в своих тесненах
Под клокот реющих орлов,
И напои своей гордыней
России преданных сынов.

Скажи, Кавказ

Скажи, Кавказ,
Чем обездолен ты?
Чем обойден?
И кем ты был обижен?
С садами нашими
Твои цвели сады,
И зори алые
Цвели на наших крышах.
Парили в небе зоркие орлы,
Паслись отары на лугах и склонах.
И поезда твои в Россию шли,
Шли на Кавказ России эшелоны.
И не твои ль джигиты без вина
Хмелели от красот девчонок русских.
И пели влад гармошка и зурна,
И ширились, и крепли наши узы.
И, что скрывать,
Я тоже небезгрешный,
Когда твои черкески запоют,
Пьянею, как юнец в просторах вешних,
Огонь волшебства обжигает грудь.
Не только я —
Пьянела вся Россия
От черноглазых чар и жгучих кос.
Какие были годы золотые!
Так что стряслось?
Кто все задумал врозь?
Молчит Кавказ, насупив брови.
И взрывы снова, снова, снова.

В песках Афганистана

Пески, пески...
Каварные барханы.
Сверкнет змея, как лезвие ножа.
Здесь где-то нас
В засаде ждут душманы,
Как призраки,
Как тени миража.
Наш караван устал.
От зноя нет пощады,
А перевал нелегкий впереди...
Верблюды падают...
А мы с тобой — солдаты,
И падая должны вперед идти.
Хрипит миноискатель задыхаясь,
Ошибся чуть — другого не вини...
И клонятся на минах подрываясь
Солдаты необъявленной войны.
А там в дали, за синими горами,
Куда и ночью журавли летят,
Нас ждет Россия,
Ждут родные мамы,
И девушки над письмами грустят.
Идем шаг в шаг...
Тяжелые палатки
Несем по зыби скорбной тишины.
И снова, снова закипают схватки
Жестокой необъявленной войны.
А там в дали, за синими горами,
Куда и ночью журавли летят,
Нас ждет Россия,
Ждут живыми мамы,
И девушки любимые грустят.

1985 г.

Обед

Полдень.
Солнце жгет с задором.
Шестьдесят один в тени.
Расторопный ротный повар
На броне печет блины.
Можно даже по заказу
И картошку,
И омлет.
Только снова без оказий
Не обходится обед.
Сохнут губы,
Ноют раны...
От жарищи пухнет нос.
Хороша жара в Афганах!
Только лучше наш мороз!
А воды, как не старайся
На всю роту капли нет.
И не тронутым остался
На лафете наш обед.

Горянка

Спой, горянка, на прощанье
Песню древнюю свою.
Может при воспоминаньях
Я друзьям ее спою.
Спой без фальши,
Все как было...
Не тупи лучистых глаз.
Что скрывать — тебя любили,
Что таить — любили нас.
Служба — службой,
Дружба — дружбой.
А сердцам преграды нет.
Пусть не стал твоим я мужем,
Встретишь ты с другим рассвет.
Было время не до ласки...
На родимой стороне
Вспомню я тебя, как сказку,
И тебе приснюсь во сне.
Отщелкали пули-дуры,
Отсвистели соловьи.
Ярче губы!
Вейтесь кудри!
Нецелованной любви.
И смуглявая горянка
Чайкой по кругу плывет,
И вздыхает на прощанье
Сразу весь гвардейский взвод.

Глоток воды

Горячий ветер обжигает лица,
Жгет солнце сверху,
Снизу жгет песок...
Нельзя прилечь,
И даже прислониться,
Глоток воды во фляге — кипяток.
Пыль до рубцов прошила гимнастерки,
В руках гранаты — угли из печи.
И тянет от бархан удушьем горьким,
И хочется кричать...
А ты — молчи.
Идем локтями чувствуя друг друга,
Друг друга заслоним
В беде любой...
Хотя б на всех
Глоток сибирской вьюги,
И с громом майский дождик проливной.

У могилы друга

Вечер.
Рыжие перья
На скалах развесил закат.
Время настало доверья,
Время прощанья, солдат.
У необтесанной глыбы
Я в изголовье твоем
Оцепенев, как рыба,
Вспомнил вновь о былом.
Как я хотел, чтоб рядом
Был ты всегда со мной.
Только не знать солдату,
Где он последний бой.
Шрамы на теле, как угли
Будут на мне гореть...
Веки от горя вспухли...
Да не разделишь смерть.
Вечер.
Рыжие перья
На скалах развесил закат.
Я пред твоим бессмертьем
Молча склоняюсь, солдат.

Прощанье

И час настал.
Заглушены моторы,
И можно без боязни каски снять.
К чему, майор, пустые разговоры,
Приличней на прощанье помолчать.
Молчат машины
И молчат солдаты,
И командиры молча хмурят лбы.
И павшие встают с живыми рядом
На рубеже неласковой судьбы.
Давай, майор, по русскому обычью,
Чтобы добром здесь вспоминали нас
Посадим каждый дерево
И чистой
Польем водой...
И с миром в добрый час!
Сверкают дружно острые лопаты
И слезы с потом капают, как град...
И над землей склоняются солдаты
В последний раз,
Где их друзья лежат.

ПОЭМЫ

Поэма «Двенадцатая застава» написана на подлинном материале. Фамилии, имена тоже подлинные. Вымысла нет. Это произошло 13 июля 1993 года на Московской заставе. Эта поэма — память афганцам.

Подстава в горах

Многолетняя цепь политических ошибок привела к гибели российских пограничников

По ночам лейтенант Мерзликин мечется на госпитальной койке и кричит: «Застава, в ружье!» Только под утро, когда за окном начнут расступаться сумерки, Андрей забудется в коротком сне. А потом, наспех проглотив микстуру, он уйдет куда-нибудь поглубже во дворик — как можно дальше от участливых взглядов и дурацких расспросов. Летим на двенадцатую заставу. За бортом, сколько видит глаз, — горы, горы, горы. Редкие кишлаки в лощинах. Зеленая змейка Вахша в теснинах ущелья. И где-то за нами, в хвосте, — вертолет боевого сопровождения, один из трех, которыми располагают сегодня юные военно-воздушные силы Таджикистана. В тот день, 13 июля, все они были здесь, в небе над Саригором. Они выжигали НУРСАми окрестные склоны, чтобы поддержать горстку ребят, отчаянно удерживающих этот маленький пятачок уже много часов подряд. Только здесь начинаешь сознавать, как это было непросто. Застава — как ладонь, раскрытая навстречу окружающим ее отрогам. С ближайших гор все ее жизненно важные цели давно были пристреляны — казарма, штаб, склад боеприпасов... А если использовать фактор внезапности и численный перевес — успех «духам» практически был обеспечен. Они все сделали правильно. Выставили на господствующих высотах безоткатное орудие, две реактивные установки, гранатометы и минометы. В атаку пошли в четыре утра — излюбленный час агрессоров всех времен и на-

родов. Когда пограничники спросонок начали выскакивать в кромешную тьму, у дверей казармы их встретил шквальный огонь. Загодя была перерезана связь. Подходы к складу боепитания отсекли мощной огневой завесой. Одного не учли: в этих стриженых пацанах — русских, башкирах, белорусах, таджиках, узбеках — вдруг заговорила яростная энергия сопротивления. Сопротивления тому, что эту горную страну, в которую их отправили, теперь принято звать «ближним зарубежьем». Сопротивления тому, что на этой земле безнаказанно разбойничают головорезы, а в столицах делают вид, что ничего страшного не происходит. И еще тому, что им, делившим меж собой последний кусок хлеба и последнюю гранату, скоро придется ездить в гости друг к другу, оформляя визы и испытывая позор таможенных перетрясок. Им было обидно за державу, бездарно растранжирившую свою мощь, пустившую по миру свои народы, отдавшую свои окраины на поругание варварам. Больно ступать по этому выжженному пятачку. Под каждым шагом хрустят пустые гильзы. До основания разрушенная казарма с рядами обгоревших солдатских коек. Вольер, в котором расстреляли в упор общую любимицу овчарку Линду. Вот здесь, у вольера, геройски сражалось второе отделение. Его командиру, еще живому, бандиты отрезали голову. И вот, наконец, залитый кровью окопчик, в котором в первые минуты боя погиб начальник заставы Миша Майборода. С перебитым осколками позвоночником он продолжал командовать обороной, но вражеская пуля нашла его в темноте... Неравная схватка – 47 пограничников против двух сотен боевиков — кипела уже четыре часа, когда из Куляба на подмогу двенадцатой заставе вышел усиленный бронетехникой резерв. Пробивались медленно — боевики, планируя захват погранзаставы, предусмотрительно заминировали дорогу. Лишь к 14 часам группа поддержки вышла в район боя — истекающая кровью застава держала оборону уже десять часов. Через сорок минут

дважды контуженный «замбой» заставы Андрей Мерзликин прорвался к резерву с девятнадцатью оставшимися в живых пограничниками. Рассказывает лейтенант Женя Буньков, который пришел сюда с группой поддержки:

— На несколько часов боевикам удалось занять заставу. Вечером 13 июля мы вышибли их отсюда, «духи» отступили в горы. Ночью на заставу не пошли — она могла быть заминирована. Утром же, когда рассвело, застали здесь ужасающую картину. Все ребята полегли на позициях, только один был в казарме — видно, не успел выскочить. Боеприпасов при них не было — все унесли бандиты. Сражались наши парни до последнего. Один пулеметчик, разорванный на куски тремя гранатами, продолжал отстреливаться, пока был жив. Жители кишлака, рассказывали, как зверствовали «духи». Овладев заставой, они забрасывали гранатами уже неподвижных, истекающих кровью бойцов, а потом для верности еще прошивали очередями. Утром 14 июля к нам на заставу вышел раненый пограничник, который скрывался в горах: «Я боялся спуститься раньше». Чуть позже, к обеду, вышли еще двое — старшина заставы с тяжелораненым бойцом. Но я никого не берусь осуждать... Двадцать пять пограничников, что полегли на берегу речушки Кофиркаш, уже отправились в свой последний путь — в Россию, в Дагестан, в Алма-Ату. Честь им, слава и пухом земля. Но драма на двенадцатой заставе — лишь эпизод, репетиция, проба сил афганских маджахедов и таджикских оппозиционеров. Они показали, что могут многое. Они отлично вооружены и экипированы. Во время боя они держали связь со штабом по ту сторону Пянжда. Они контролировали радиоэфир, пытались заманить на заставу один из вертолетов, прилетевших на помощь пограничникам. Они и сейчас, когда мы стоим в распадке меж двух отрогов, держат на мушке двенадцатую заставу. И не только двенадцатую... Из доклада генерал-майора Ошурова, бывшего командира 201-й российской дивизии, расквартированной в Таджикистане:

— По нашим данным, в северных районах Афганистана сосредоточено около восьми тысяч боевиков, подготовленных для переброски в Таджикистан. Они ежедневно просачиваются сюда группами по 10—15 человек с оружием, боеприпасами, продуктами. В Тигровой Балке и прочих укромных местах у моджахедов устроены тайники. Пока идет интенсивное накопление живой силы и вооружений, а также отдельные выступления, цель которых — дестабилизировать обстановку, запугать мирное население. Но речь идет не только о пограничных районах. Здесь, в окрестностях Душанбе, по ущельям, уже сейчас собралась «пятая колонна» — до полутора-двух тысяч боевиков, которые лишь ждут сигнала с той стороны. Развертывания активных действий можно ждать в сентябре. Каковы их планы? Для начала — отрезать Горно-Бадахшанскую область, где особенно сильна таджикская оппозиция. Дальше — захват Куляба и Курган-Тюбе. И, наконец, выход с востока и юга на Душанбе, свержение законного правительства, установление жесткого исламского режима. К нам уже поступали разведданные, что в республику заброшены люди, которым поставлена задача — уничтожить первых лиц...

Кажется, ничто в Душанбе пока не предвещает столь сурового поворота дела. Тихий, зеленый, залитый солнцем город. Дух шашлыка под плакучими ивами, бочка с вином в перекрестка, пацанва голышом резвится возле фонтана. Лишь вечером, когда наступает комендантский час, тревожную тишину улиц вспарывают редкие выстрелы.

Чего много в Душанбе — так это объявлений, написанных на заборах аршинными буквами: «Продается дом», «Срочно! Недорого! Квартира в центре города со всеми удобствами». Заборы периодически белят известкой — объявления появляются вновь. Это люди, в основном — русские, почуяв новую беду, кричат с душанбинских заборов...

— Почем здесь квартиры? — спрашиваю у нового знакомого по имени Мазари.

— На днях подошел сосед по подъезду, про-

сит: «Найти покупателя, двухкомнатную квартиру отдам за «лимон». Я ему в ответ: «Что ты, Леня, кто ж у тебя ее возьмет за такие деньги? Тысяч семьсот-восемьсот — еще куда ни шло».

Здесь в Душанбе, родилась поговорка: «Сначала уехали золотые головы. Потом уехали золотые руки. Теперь в дорогу собираются золотые зубы». ...Наверное, этот город никогда не видел столько лампасов сразу. В минувшую пятницу министр обороны России Павел Грачев привез сюда едва ли не всю верхушку МО и Генштаба. За столом переговоров с руководством Таджикистана число генералов превышало количество ребят, погибших на заставе. Жесткий разговор о военно-политической ситуации в республике без промедлений перешел в ночные бдения: к утру российский генералитет должен был представить план — как защищать южные таджикские рубежи. В субботу генералы признавались: в эту ночь глаз сомкнуть не пришлось. Утром план военной помощи дружественной республике был утвержден. А уже через час-другой в разных концах мира его принялись комментировать, и главный акцент таков: не втягивается ли Россия в новую афганскую войну? Зачем ей посылать ребят на верную смерть?

А правда — зачем? Ваня Майборода, брат погибшего начальника заставы, ответа на этот вопрос не знает. Он знает только одно: когда выпишется из госпиталя, снова поедет на двенадцатую — служить в десантно-штурмовой маневренной группе. Он так решил. Так же решили и все его одиннадцать соседей по палате.

Затейница-судьба придумала Ване такую вот биографию. Полгода назад, в феврале, он поехал в гости к брату — на двенадцатую заставу. Остался. «Когда кончились домашние пирожки», перебрался к ребятам в казарму. Хотя и не числился в штате заставы, ходил в дозоры, задерживал нарушителей. С обмундированием было худо — кое-что пацаны подбросили. Но с обувкой так ничего и не вышло — в роковую ночь на 13-е

воевал Ваня в тапочках. Какое время будут считать началом его службы — ноябрь 92-го или ноябрь 93-го, — Ване сейчас все равно.

— Уйти? — размышляет русский парень, полковник, командующий ВВС Таджикистана. — Легче всего махнуть рукой: «Айда, мужики, отсюда». Свернуть заставы, вывести технику и оружие — ума много не надо. А триста тысяч русских, которые пока еще живут здесь, — их примет сегодня Россия? А таджики? Я был в кишлаках, там живут сейчас впроголодь. Но говорят: «Не уходите. Мы последнюю рубашку отдадим, только купите такую технику, которая нас защитит». Чтобы судить о том, уйти отсюда или остаться, надо хоть раз видеть, что творят эти звери в мирных селениях. Они грабят дома, режут скот, насилуют женщин — этот промысел стал основной профессией для тысяч. Красота: работать не надо, все тебя боятся, сыт-пьян, да еще и «зеленые» платят. Если сильная Россия отвернется, пройдет мимо большой беды — я останусь с таджиками. ...На неспешном Востоке теперь тоже иные скорости. За одну ночь можно решить судьбу маленькой заставы, а можно — судьбу целой страны: повернет ли она к миру или скатится к войне. Но еще любимый герой советских космонавтов товарищ Сухов предупреждал, что Восток — дело тонкое. Количеством звезд и лампасов вряд ли его удивишь — печальный опыт имеется. Со времен Грибоедова многоопытная Россия предпочитала говорить в этих краях на языке дипломатии. Но молчат пока дипломаты. И где-то на российских пакгаузах уже закатывают в вагоны пушки. Страшно подумать, что они вновь заговорят в далеких ущельях и отзовутся эхом похоронок по деревням, кишлакам, станицам.

Неужели эпоху цинковых мальчиков Россия еще не пережила?

Валентин КАРКАВЦЕВ.
Фото Д. ГЕТМАНЕНКО.

А в это время

В минувшее воскресенье позиции правительственных войск Таджикистана в районе населенного пункта Тавиль-Дара были подвергнуты нападению крупнейшей вооруженной группировки таджикской происламской оппозиции. В результате боя было убито 7 и ранено 3 человека из подразделения Министерства обороны Таджикистана. В район боевых действий вчера были переброшены дополнительные силы Комитета национальной безопасности. Идут бои с применением авиации и артиллерии.

Умед БАБАХАНОВ.
(Наш корр.).
Душанбе.

ДВЕНАДЦАТАЯ ПОГРАНИЧНАЯ
(поэма)

Песок и камень,
Камень и песок,
И солнце раскаленное —
Отрава.
Клочек земли,
Прицеленный клочек —
Далекая Московская застава.
Тревожная таджикская земля
Багровая от зноя и от крови
Потрескалась...
Метелки ковыля,
Ползет змея,
Сверкая, за змеею.
Мелькает в щели
Хвостатый скорпион.
И, скованная вековым коварством,
Застыла тишина...
Молчит заслон...
И горы, горы
Моджахедов царство.
Песок и камень...

И клинками ввысь
Вонзились неприступные вершины
И пропасть...
Гляди, не оборвись!
Оступишься...
Мать не дождется сына.
Не оступись,
Не задреми, солдат,
Прислушайся
К тревожным звукам ночи...
Вглядись...
Не кишлаков огни горят,
Горят зрачки
Наемной своры волчьей.
И темнота
Слепит глаза.
Шевелятся расплывчатые тени.
Из очертанья угадать нельзя,
От них у испуге прячутся гиены.
Всем писанным законам вопреки,
И тем,
Что не писалися веками,
Они сползлись
Во тьме в Пянж-реки,
Как вурдалаки,
Щелкая зубами.
...А время шло.
Уже крылом фазана
Заря зардела над хребтами гор.
Уже в садах,
Сквозь кисею тумана
Сочились трели —
Птичий разговор,
И в мороке предутреннем застава:
Три домика,
Собачья конура,
Одна на всех
Охрана и забава,
Овчарка Линда,
Предана, добра.
Как чутко спит,
Кто на посту в дозоре

Следит за каждой
Тропкою молчком.
Шумит поток,
Как сто цыганок спорят,
И пену с гневом —
На скалу —
Швырком.
Не спится
И начальнику заставы.
В который раз
Он обошел посты,
Шестым чутьем
Он слышит сап картавый,
В ночи о чем-то
Шепчутся кусты.
Майбороде
Все это не впервые,
Не раз встречал
Непрошенных гостей...
Он знает их
Коварные, крутые
Повадки жадных духов-лихачей.
«Ну что ж у нас
Открытые ворота
Для всех,
Кто не сжимает кулаки.
Издревле мудро говорят в народе:
«По делу — честь,
По гостю — пироги».

2

Рассвет.
Вот-вот,
Охаживая куриц,
Петух азартно закричит: «Подъем!»
Но в это утро
Все перевернулось.
Обвал в горах?
И не обвал,
Не гром —
Десятки минометов и орудий
Заранее нацелены,

В упор,
Ударили взахлеб
По мирным людям
Как-будто исполняли приговор.
Бурун огня,
Свинца,
Железа,
Стали
Обрушился на пятачок земли.
Где русские солдаты охраняли,
Таджикскую границу стерегли.
И закипел
Неравный смертный бой.
Трещат гранаты,
Жалят змеи-пули.
Огонь и мрак,
Нахлынули стеной,
Весь мир вверх дном,
Дробя, перевернули.
Горят дома,
Пылает склад запасов,
Весь двор в разрывах,
Поднят на дыбы,
Но бьются пограничники —
Солдаты
На лезвии изменчивой судьбы.
И рати автоматчиков-бандитов
Перекосив искусанные рты,
Идут на штурм
Уверенно, открыто...
«Ах, как легко
Вы думали пройти!
Идите!
Есть и вина, и закуска.
И жданным,
И нежданным стол готов...
По нашему обычаю, по-русски,
Без плова
И шипящих шашлыков.
А на похмелье — свежие могилы,
Два метра исковерканной земли...
Да, извините,

Мы вас не просили,
В загробный мир
Уйдете без муллы,
На злобных лицах синькой —
Смерти пятна,
В глазах испуг,
Расширены зрачки.
Немногие уйдут
На Пяндж обратно
Хваленые кой-кем боевики.
Попробуйте покушать!
Нате!
Нате!!
Надеялись нас в клочья разнести...»
И в морды раскрасневшие
Гранаты!
Булыжники!..
Куски сухой земли!!
«Ошпарились!
Бегут,
Бегут с позором!
Бегут не все...
От трупов — гнили чад.
Майборода
Ножом афганку порет...
И раненый, хватает автомат.
Он не один,
С ним рядом Барабашев.
«Ах, Витя, Витя!..
Забинтуй потуже!
С комфортом жить,
Конечно, хорошо.
Но кто-то здесь
Сегодня больше нужен.
Я не целован девушкой...
И ты
Еще любимой не обласкан тоже.
Но нам девчата
Принесут цветы,
И маршалы, скорбя,
Венки положат.
Мы только жизни

Ощутили вкус,
И как бы нас
Ни сберегали мамы,
Закроем от беды
Святую Русь.
В обугленных песках Таджикистана.
Сейчас я их накрою!»
И...
Упал в окоп,
Захлебываюсь жаром.
Афганка зарумянилась в крови.
И смолкли сердца
Пылкого удары.

3

Враг обозлен
Кровавой неудачей,
Как зверь-подранок,
Злобен и свиреп.
Он жаждет мести
И подмогу клянчит...
Устроить русским
Памятный вертеп.
За штурмом штурм.
Им счет давно потерян.
Зажатое в смертельное кольцо
Застава бьется...
Есть у русских вера
И в смертный час
Смотреть врагам в лицо.
Как воронье
Слетается к наживе,
Как змеи вьются в плети
И, шипя,
Ползут между камней неторопливо,
Слюною задыхаясь
И хрипя.
Подонки всех
Пивных и ресторанов,
Наемники всех мафий
И дельцов,
Рискуя шкурой

Лезут, как вараны,
На горсточку израненных бойцов.
Разбитая,
Расщепленная,
Смята
Горит застава,
Стонет...
И в огне
Сражаются российские солдаты
В чужой,
Но близкой сердцу стороне.
Прикрыв телами
Мученицу-землю,
Кто жив еще,
Кто падает во тьму...
Святую клятву,
Как молитву, внемлют:
«Мы не уступим пяти никому!
Как памятное
Поле Куликово,
И Чудский лед,
И день Бородино...
Их подвиги
Венчают внуки снова,
Их славе повториться суждено.
Великой славе
Прадедов достоен,
Пред сворою разъяренных врагов,
Встал в рост еще мальчишка —
Грозный воин,
России воин
Миша Куликов.
Рванул рубаху.
«Ну, стреляйте, гады!
Нигде вам в мире
Больше не видать,
Как русские
Сражаются солдаты
И как достойно могут умирать!»
И в перекошенные злобой морды —
Последнюю гранату:
«Нате!

Ну!..
И рухнул...
Неповерженный и гордый,
Как будто в омут Шуи...
В тишину.
Погиб герой,
Но все сердитей бой.
Сражаются погибшего друганы,
Бьет пулемет,
Схлестнулись в штыковой...
Как мало сил!
Как кровоточат раны!
Кипит гранит,
И плавится броня...
Патронов нет...
В грудь ранен Елизаров.
Последняя граната — для себя.
Одна на всех...
Нам не нужна пощада!..
Еще бы ленту...
Ворог, не уйдешь..
Галдят,
Шипят
Разъяренные гады:
«Здавайся, русаш!
Без башка умрешь!»
«Прочь, саранча!
Всем будет вам расплата!
Подмога долгожданная пришла!!»
В песок уткнулся
Головой Володя...
У шее коброй лезвие ножа.

4

...Нож занесен.
Кривой бандитский нож.
Змеей сверкает...
Тешится...
И вьется...
Сейчас вопьется в сердце...
«Рушь, умрешь!»
И борода клыкастая смеется.

Довоевался горюшко солдат!
Какой большой!
Какой парнишка рьяный!»...
И лезвие к гортани
«Рано, гад!
Справляешь мне поминки!
Рано!
Рано!!
И все, что было,
Чудом Бог сберег
В истерзанном,
Пробитом юном теле,
Идет
В родную Тверь на Волге...
Там домик есть
На самом берегу.
Идет по жарким
Росплескам пустыни,
Собралось в сгусток,
В яростный рывок...
Бросок...
И снова схватка закипела.
Сплелись в один
Упругий черный жгут
Презренье,
Подлость,
Ненависть
И ярость...
Не растащить,
Ничем не растянуть.
Решит косая,
Что кому досталось.
Прижатый вновь
К обугленным камням,
Лежит сержант
Глаза обняли небо...
И боль течет
По шее...
По рукам...
Истомою течет куда-то в небыль.
И, кажется,
На выжженном пригорке

Он встал,
Стряхнул
С усатых плеч тоску.
Шепнул,
Идет
В родную Тверь на Волге...
Там домик есть
На самом берегу.
Идет по жарким
Росплескам пустыни,
Стирая пятернею
Кровь со лба...
И под ногами
Желтые, как дыни,
Трещат убитых
Духов черепа.
Сутулятся песчаные барханы...
А, может, не барханы,
А гробы?
И в щели искося
Глядят душманы,
Легли крест на крест
Поперек тропы.
Но он не алчный,
Он не жаждет мести,
Ему сейчас бы
В ливень с головой...
Под русую березоньку
С невестой,
И пить зари малиновый настой.
Судьба моя —
Таджикская земля
Волшебных гор
И песенных арыков,
Приму достойно
Смерть я за тебя,
Как принимали
За Москву таджики.
И в тот последний,
В тот прощальный миг
Воскресло бытие
Из прошлой жизни,

И стопки недочитанные книг,
И милые глаза
Родни и близких.
С улыбкой строгой
Мама у окна
Грозит мизинцем:
«Снова был на речке!
Рыбачите до самого поздна...
Застыл-то как!
А ну, быстрей на печку!»
Берет из рук
Трепещущий улов —
И строгости
Как-будто не бывало.
Как много мама
Говорит без слов,
Как мало мы
О мамах знаем,
Мало!
И вот уже,
Налив горячий чай,
Несет ему любимое варенье.
«Садись к столу,
Кормилец, почевай,
А я спеку
Пирог на удивленье».
А по утру
Друзья стучатся в дверь:
«Айда!
Не опоздать к началу кросса.
Ты гордость наша,
За тебя артель.
Какого атлетического роста!»
Со стартплощадки
Прямо на завод.
Опять друзья —
Рабочая закваска.
А мать не спит,
С волненьем сына ждет...
О, сколько в ней
Тепла и ласки!
Ох, мама, мама!

Сколько я тебе
Оставлю скорби,
Боли и печали?!
Но разве мог бы я
Простить себе,
Паромщиком оставшись на причале».
Бегут к реке
Ручьи вперегонки,
Потоки, руша скалы,
Мчатся к морю.
Так и у юных
Взмахи широки,
И никому не знать,
Где встретишь горе.
Германия, конечно, хороша.
Европа есть Европа...
Блеску много...
А юг?
Границы банды ворошат.
Пока не наши...
Дай им только сроки.

5

И целый месяц
Не было ни строчки.
Рыдает по ночам
В подушку мать.
А почтальон проходит мимо...
Точка...
Наверно, сына
Больше не видать.
Письмо пришло бодрящее...
Да он
Не хныкал,
Не хандрил,
Не обижался.
Мать плакала от счастья...
Почтальон
Сквозь слезы, поперхнувшись,
улыбался.
«Я среди гор
И чудных анаши.

Здесь все неописуемо красиво!
Тебя прошу, родимая, пиши
Как там на Волге?
Как живут в России?
Я на границе...
Мы одной семьей
Живем
Башкиры,
Русские,
Чуваши...
Одна судьба на всех...
Нет никому другой,
Ни рядовым,
Ни тем,
Кто званьем старше.
Живем неплохо.
Только жгучий зной...
Опять бушует
На заставе пламя...
Глоток воды!
В сугроб бы с головой!..
Росинку бы...
Сгараю!
Мама!
Мама!!»
Судьба моя,
Таджикская земля,
Волшебных гор
И песенных арыков.
Я смерть приму
Достойно за тебя,
Как принимали
За Москву таджики.

6

Погиб герой.
Но продолжалась схватка.
Рвануло с ходу
Подкрепленье в бой,
Хватила маджахедов лихорадка,
Душманов,
Как ошпарило чумой.

Испугом перекошенные губы,
Страх распирает
Узкие глаза...
А БМП
Со всех орудий лупит,
Бандитов в горы
Отпускать нельзя.
И саранчу миозную — под траки.
Вампиров охмелевших — на штыки
Вот пир вам по заслугам,
Забияки!
По делу — честь,
По гостю — пироги.
Грохочет бой.
Атакам счет потерян,
Трещит...
И разлетается кольцо.
Застава бьется.
Есть у русских вера:
Всегда, во всем
Сводить конец с концом.
Тех подвигов
Не описать в поэмах,
Прозаикам
Не поместить в томах.
Они промчатся
Обгоняя время,
Легендами откликнутся в веках.

7

...И под кинжалом
Захрустела шея...
И закричала в ужасе земля,
И ахнули, бурея и чернея,
Столетние настои ковыля.
И содрогнулись,
Застонали горы,
И стоны их,
Взрывая ширь и высь,
Как молнии,
Швыряя весть о горе,
Громами по вселенной понеслись.

И зарыдали провода
И трассы,
Наперебой колоколам — гудки,
И грохнули о землю
Лбами вязы,
Сжимая корни, словно кулаки.
За громом гром
Помчался по России,
Где столько травостоя
И цветов,
Где сыновей
Ждут матери седые,
Невесты ждут
Красавцев женихов.
Ждет и Володю
Скромница Светлана
В заволжском мирном
Городе Твери.
Она дождется...
Любит...
И румяны
Пылают на щеках
Цветком зари.
Еще немного.
Счет уже — недели.
И вдруг воочию видит:
Входит Он
Подтянутый,
В афганке,
Не в шинели,
Окрепший,
Загорелый,
Награжден.
Заходит...
И не верится,
Как пьяный,
И слезы
Черным омутом в глазах.
«Простите,
Что негаданно,
Нежданно...
У нас ЧП,

У нас беда в горах».
Мираж,
Иль сон?
Какой был день хороший.
Откуда гром?
И ливень — спасу нет.
Трезвонит медь...
Весь мир переполошен...
Дверь распахнулась...
И закрылся свет.

8

Над гробом мать,
Убитая несчастьем.
Отец согбенный
Тяжестью судьбы.
Как горе к нам
В дома приходит часто,
Как вносят часто
Скорбные гробы!
«Единственный,
Красавец сизокрылый!
Не для войны
Мы ростили тебя.
Как дуб, поднялся
Стройный и пытливый,
Тревожный мир
Доверчиво любя.
Ты открывал
Всем душу нараспашку.
И всеми был
Обласкан и любим,
Чем заслужил
Такой кончины страшной?
За что такую кару заслужил?
Прости нас,
Если чем не угодили,
Что не сумели
От беды сберечь
Есть выше нас
Всеемлющая сила,
Безжалостный,

Тяжелый власти меч.
Прощай, сынок!
Пуская земля родная
Возьмет твой прах,
Рыдая и скорбя,
Росою чистой
Очи омывает,
Лебяжьим пухом
Будет для тебя.
Склонились в горе
Вязы вековые.
Заохала армейская труба.
И с матерями
Плачет вся Россия,
И в горе
До последнего, любя.

9

Песок и камень,
Камень и песок
И солнце раскаленное — отрава.
Клочок земли,
Обугленный клочок,
Далекая Московская застава.
Здесь каждый камень
Рябоват от пуль,
И кровью ополоскан
Каждый выступ.
И не ветров —
Бушует боя гул,
Где ни ступи,
В упор стреляют гильзы.
Воронка на воронке
Будто здесь
Сто буровых
Ворочали годами.
Оплавленный металл —
Не перелезть,
И рвань,
И тленье
В обгоревших ямах.
И, как предупрежденье

Вся и всем,
Кто на чужое
Смотрит часто слишком,
Израненная,
Не во всей красе
Стоит, как прежде
Постовая вышка.
И где-то рядом
Звенькает топор,
Поет пила старинной актавой,
И всем врагам
Живет наперекор
Далекая Московская застава.
Таджикская земля —
Солдат судьба.
Край чудных гор
И песенных арыков,
В беде прикроем
Грудью мы тебя,
Как прикрывали Русь
Не раз таджики.

От автора примечание:

13 июля 1993 года (десять лет назад), на Московскую заставу, что расположена на границе Таджикистан—Афганистан напали маджахеды и душманы, в несколько раз превышающие по численности и вооружению гарнизон пограничников. Бой длился 14 часов.

Погибло 22 пограничника и экипажт прибывшего подкрепления БМП (3 человека).

Награждены посмертно орденами «За личное мужество» командир заставы М.Н. Майборода, рядовой М.Г. Куликов, В.Ф. Елизарову присвоено звание Герой Российской Федерации (посмертно).

Материал взят из центральных газет.

Памяти друзей, погибших в боях за Родину

БОЕВАЯ ЮНОСТЬ
(Поэма)

Слово из песни не выкинешь,
Пулею солнце не вычеркнешь,
Ветром костра не затушишь,
Ливнем зарю не зальешь.
Время героев не глушит,
Время горнистом послужит,
Если с ним в ногу идешь.

1

Пылят дороги и тропинки...
— В военкомат!
— В военкомат!
Пестрят фуражки и косынки,
Рубахи, кофточки пестрят.
Военкомат...
И мы с рассвета
Ждем у захватанных дверей.
И пишем первые анкеты
Короткой юности своей.
— На фронт!
— Какие запасные?!
— На фронт!
— Мы знаем, где нужней!..
Огнем объятая Россия
Зовет на помощь сыновей.
А сыновьям всего семнадцать,
Пушок небритый на губах,
А им бы в девочек влюбляться,
Кататься с горок на коньках.
А им бы...
Рвут меха тальянки,
Басы поют наперебой:

«Потеряю я свою кубанку
С удалой кудрявой головой».
Ваня набок вскинул чуб цыганский,
Постригут...
До слез чуприну жаль.
Только здесь не будешь торговаться...
Пой, тальянка,
Экая печаль!
Кто бы знал...
Гудят военкоматы,
Плач и смех слились в один поток.
Много в мире тропок не помято,
Только нет для нас других дорог.
За плечами — мамины гостинцы
Накруто посолены слезой.
Поцелуй, родная, и простимся,
Не зови, родимая, домой.
Знаю, лето сельское в разгаре,
Дел, хоть к суткам двое прибавляй,
На лугах пошли метелкой травы,
В огороде — шубой молочай.
Взял бы косу, вышел бы на зорьке,
Зазвенел росою-серебром.
И прокос к прокосу — хоть на тройке
Пронесись в раздолье с бубенцом.
В полдень солнце выбелит рубахи.
Выступит на лбу горячий пот.
Повариха в розовой рубахе
Позовет обедать под зарод.
Рухнешь на земь потный и усталый,
С квасом ковш пойдет, как на пиру.
«Эко, травы парня укачали...»
Так в России испокон бывало:
От Ивана топало к Петру.
Где-то сладко,
Где-то слишком горько,
На чужой не зарясь каравай,
В горе с мхом мешали мы махорку,
В радости — бугрилось через край.
— Сыпь, Иван!
...В теплушке жмется рота.
Но для пляски место есть всегда.

На носках плясун черту проводит.
В ночь летят на запад поезда.

2

Пляска.
Тряска...
Гром трясет вагоны,
Все смешалось:
Небо и земля.
Воют бомбы...
Кто-то с хрипом стонет...
«Вот вам фронт...
В дыму чадят поля.
А до фронта — сутки пешедрала.
Да и где он, тот рубеж войны?
Сколько их до срока укачало
На кривых качелях сатаны!
Мы лежим ничком на колкой бровке.
Расступись,
Укрой, сынов, земля!»
Злость вперед не вскинешь, как винтовку...
Стиснув в пальцах щетку ковыля...
Кто смелее — после разберутся.
Выдадут винтовки и бинты...
Бомбы — справа,
Бомбы слева рвутся,
Вьются в небе черные кресты.
Все огонь и сталь перемесили,
От бессилья грусть в глазах черна.
Наскоро в воронке мы зарыли
У разъезда Колю-плясуна.

3

Ночь.
Наощупь топаем на запад,
На огни горящих деревень,
Бьет по боку жесткая лопата,
Впереди — Таинственная тень...
Грязь...
Едва вытаскиваем ноги.
А команда ротного:

«Ложись!»
В месиво расхлестанной дороги
Смаху носом — в глиняную слизь.
«Окопаться!»
Слышен гул моторов.
Что там слева?
Справа?
Впереди?
Роем в безымянном косогоре,
Молча роем норы, как кроты.
Роем.
Гложем...
Скрип зубов и стали,
В ход пошли и каски, и ножи.
— Танки сзади!
— Вот не ожидали!
— Занять огневые рубежи!
А рубеж — приплюснутый пригорок,
С русою березкой на яру.
С песней
О невыплесканном горе,
В кофте, выленявшей на ветру...
И цветок глазастый горицвета
С мирною мохнатою пчелой,
Кажется, вот-вот и с песней дети
На поляну выбегут гурьбой.
На щеках — чернильные веснушки,
Белые от мела рукава
Но гремят кругом громами пушки,
И горят деревья и трава.
Солнце, показавшись из-за горки,
Спряталось от страха...
— Уходи!..
Кровью набухают гимнастерки,
Сердце разрывается в груди.
Все смешалось в месиве разрывов:
Сталь и камни, люди и земля,
Но встают из пламени живые,
Добровольцы — верные друзья.
Кто гранату бросил в гусеницу,
Кто с горючкой...
Вспыхнула в руках...

Факелом бросается на фрицев,
Смерть — бессмертье приняв на глазах.
Мы в одном окопчике с Иваном
Ждем, когда настанет наш черед.
Танки — вот!
Несутся ураганом,
Танк над нами, всей махиной жмет.
От натуги лопается кожа,
Ни дохнуть, ни шевельнуть рукой,
Рвет Иван кольцо зубами!
Лежа...
И бросает:
«Фриц, умрешь со мной!»
Говорят, бывает в жизни чудо,
Я не верил сказкам никогда...
Но они рождаются и будут,
Верьте в чудо,
Верьте сказкам, люди,
Чудеса рождаются всегда.
Танк горит!
А мы лежим под танком...
Ваня, Ваня!
Грош тоске такой.
«Потеряю я свою кубанку
С удалой кудрявой головой».

3

Лежим плечом к плечу в окопе,
Кругом обугленные рвы.
Земля в глазах,
Земля и копоть,
Рубахи рваные в крови.
Зачем себя нам тешить сказкой,
Зачем обманывать себя.
Осколки цокают о каски,
Не позавидуешь — судьба!
Встань, мама, рядом
В трудный час со мною.
Дай силы удержаться, победить.
Ты смерть мою переживешь седою,
А мой позор тебе не пережить.
Пусть правда горькая, но правда,

Паду в метелки ковыля.
Как эти вот мальчишки-парни,
Жизнь не познавшие, как я.
Они жениться не успели,
Не целовали милых глаз.
В семнадцать лет в горячем деле
Судьба испытывала нас.
А жить так хочется, ребята!
Ведь жизнь дается только раз.
И только нам дано, солдатам,
Познать ей цену в трудный час.
Мы от судьбы не ждем пощады
И, пересилив в сердце страх,
Под танки бросимся с гранатой
У всей планеты на глазах.

4

Бой притих...
Но он еще не кончен.
Только утро.
Впереди — весь день.
Миной пополам разрублен Кочен,
На бегу упал Сергей Крутень.
В ковыле,
Обняв руками землю,
Спит Тарас, праправнук Кобзаря.
А приказ:
«В атаку, в наступленье!
Взять деревню Алая Заря!.
На войне приказ не обсуждают.
Долг солдата — выполнить приказ.
Встал на бруствер — ноги обжигает,
Только б не споткнуться, не упасть.
На земле, распаханной железом,
Страх поправ
И жизнью смерть поправ,
Мы бежим, карабкаемся, лезем,
Через рвы, колючки, переправ...
Бьет в лицо разрывов хлесткий ветер,
Взрывы справа, слева, впереди...
Много есть других дорог на свете,
Только нам другого нет пути.

Все сошлось на линии прицела,
На горячем лезвии ножа.
Прикрываем землю потным телом,
А земля-то, не земля — зола.
Только нет ее милей на свете,
С нами в муках мечется она.
Мы ее и воины, и дети,
Чашу боли делим с ней до дна.
Вот они фашистские траншеи,
Кажется, раздавишь каблуком.
Но упал на бровку Елесеев,
Петрачков нырнул в бурьян ничком.
Ивановы, Сидоровы, Шопот...
И опять Петров и Иванов...
От окопа стелят до окопа,
Через трупы катимся врагов.
Ваня, Ваня! Где ты?..
Что с тобою?
Ни в живых,
Ни в мертвых нет тебя?..
Плачет в ранах поле роковое,
Стонет похоронная труба.
Говорят, сибиряка-мальчишку
Унесли солдаты в медсанбат.
Только будет жив ли... Еле дышит...
Про него ли люди говорят?
На войне не может быть иначе,
Он — сегодня...
Завтра — я упал.
Чья-то мать опять в России плачет,
Кровью набухает краснотал.

5

А пока...
Бывает в жизни чудо.
Я не верил сказкам никогда.
Но они рождаются и будут,
Верьте в чудо,
Верьте сказкам, люди,
Чудеса рождаются всегда.
Я – живой!
Шагаю с пополненьем.

Легкие царапины не в счет.
С ходу развивая наступленье,
Полк наш снова вырвался вперед.
Впереди — широкой лентой речка,
Чайки с криком кружат над водой.
Облака, как табуны овечек,
Издали спешат на водопой.
И стоят ракиты на откосах,
Как невесты в лентах голубых:
Почему так долго на покосах
Нынче задержали парни их?..
Почему рыдает в небе аист?
Где его столетнее гнездо?
Тишина стальной пружиной сжалось,
Угадай, где кроется? И кто?..
Речки, Речки!
Ах, как вы красивы!
То — стрелой,
То — выгнется, как лук.
Сколько разбежалось по Руси вас?
К северу,
То с севера на юг.
Сизые — весенним половодьем,
Синие — июньскою порой.
Были — песней, житницей народной,
Стали нам — кровавою судьбой.
Плот немудрый, стянутый лозою,
Два сырых бревешка на троих.
И луна, и звезды над рекою,
Сколько, сколько высыпало их!
Каждая щепа, как на ладони,
Жмем на весла молча, что есть сил.
А поток на отмель бревна сносит,
Кто-то на заторы угодил.
И когда, казалось, мы у цели —
Незаметно к берегу плывем.
От разрывов речка закипела,
Речка поднялась... И — кверху дном!
Разлетелась вдребезги, как люстра
Желтая полночная луна.
Плот за плотом трескаются с хрустом,
Заалела кровушкой волна...

Не один потом здесь будут, батя,
Чуб седой, рыдая, теребить,
Не одна девчонка на закате
Под плакучей ивою грустить.
Я бегу по отмели колючей,
Кто, еще не знаю, есть живой.
Пулемет кинжальный чешет с кручи,
Бьется берег вольтовой дугой.
И сквозь грохот,
Свист
И скрежет стали,
Из пучины вынырнув Днепра,
Поднялась,
Шагнула
И помчалось
Русское солдатское «Ура!»
Так оно катилось через Альпы.
(Так вело отцов на Перекоп),
Заглушая трескотню и залпы,
Силою солдатскою, живой...
И сплелось, смешалось в рукопашной,
Сталь — на сталь,
Прикладом — на приклад.
Ни живым пощады нет,
Ни павшим,
Ни вперед дороги, ни назад.
Только помню блеск перед глазами,
Свастика скривилась подо мной...
...Солнце встало.
И тропинкой мама
За руку ведет меня домой.

6

Говорят бывает в жизни чудо,
Я не верил сказкам никогда,
Но они рождаются и будут,
Верьте в чудо,
Верьте сказкам, люди,
Чудеса рождаются всегда.
Я живой!
Не потому, что в схватках
За чужою прятался спиной...

Госпитали шаткая палатка
Птицей распахнулась надо мной.
И как наяву, со мною рядом
Верные товарищи, друзья.
В битвах опаленные солдаты,
На передней линии огня.
Вижу их израненные лица,
И в глазах — зари пунцовый свет...
Горд я, что успел, как вы родиться
Чтоб Отчизну заслонить от бед.

ПРИЧУЛЫМЬЕ МОЕ, ПРИЧУЛЫМЬЕ!

Причулымье, мое причулымье

Причулымье мое, Причулымье.
Ширь хлебов да синеющих вод.
Над твоею безбрежной равниной
Лебединая флейта поет.
В бубен ухает выпь на болоте,
Рвет смычок на лугу коростель,
И цыганскою скрипкой полгода
За окошком рыдает метель.
И полгода за сорок морозы
Обжигают горячие лбы.
И в июльскую звень на покосе
Солнце парит льняные чубы.
Жгут ветра и полощут нас ливни,
Град, как плетью наотмашь сечет.
С той поры, как деды наши ссыльные
Здесь сибирский наш начали род.
Прокипели смолой мы и потом
И пропахли землей в борозде.
Не ломались, не гнулись в работе
И не падали духом в беде.
Здесь не будут с тобой зубоскалить
И похвальных анкет не прочтут.
Испытают на деле вначале,
А потом уже руку пожмут.
А потом на пиру не обидят
И в обиду в бою не дадут.
Вот какого мы нрава открытого,
Вот какие здесь люди живут!
И подстать им мое Причулымье,
Ширь хлебов и синеющих вод,
Где два раза в году над долиною
Лебединая песня поет.

Поет Чулым

Люблю я слушать шорох камыша,
Когда в степи горит рассветный пламень,
Когда былинка каждая, шурша,
Склонясь к плечу, ведет беседу с нами.
А мимо величаво, не спеша
Течет Чулым широкою лавиной,
Туда, к рассветным зорям Иртыша,
Где спит Ермак с отважною дружиной.
Чулым, Чулым,
Как много видел ты!
И блеск мечей,
И море бранной крови,
И пенилась, мутнея, глыбь воды,
И, как старик, ты строго хмуришь брови.
Текла вода.
Текли, текли века.
И кровь, и слезы шлифовали камень...
Чулым, Чулым — свободная река!
Какими ты рассвечена огнями!
Свою судьбу связали мы с тобой,
Бетон и сталь сплотили воедино,
И засверкал ты радугой-дугой,
Взбивая кудри гребешком плотины.
И я люблю, под сенью камыша
До косточек в речной промокнуть сини,
И слушать, как метелками шурша,
Поет Чулым мне древние былины.

И рыдать, и смеяться с тобой

Неуютная, ветровая,
С ливнями, с метельной кутеромой
Ты пришла мне по сердцу такая
И, поверьте, не грежу другой.
Я брожу по лесам в непогоду
И в жару по прокосам иду
И врагам, и чертям в неугоду,
К ней всегда я дорогу найду.
Запою, закричу иль заплачу,
Окунусь ли в траву с головой,
И хочу только так,
Не иначе.
И рыдать, и смеяться с тобой.
Если тропка моя оборвется,
Разразится гроза надо мной —
Верю, кто-нибудь мне отзовется
В стороне неуютной, родной.

Тальник

Невысокие, неказистые,
Я без шапки,
А вы без листьев.
Шли мы вместе по всем широтам,
Как в атаку идет пехота.
Шли по топям и по сугробам,
Задыхаясь не раз в озноб.
И дошли до просторов тундры
Встретить новой эпохи утро.

И рыдать, и смеяться с тобой

Неуютная, ветровая,
С ливнями, с метельной кутеромой
Ты пришла мне по сердцу такая
И, поверьте, не грежу другой.
Я брожу по лесам в непогоду
И в жару по прокосам иду
И врагам, и чертям в неугоду,
К ней всегда я дорогу найду.
Запою, закричу иль заплачу,
Окунусь ли в траву с головой,
И хочу только так,
Не иначе.
И рыдать, и смеяться с тобой.
Если тропка моя оборвется,
Разразится гроза надо мной —
Верю, кто-нибудь мне отзовется
В стороне неуютной, родной.

Тальник

Невысокие, неказистые,
Я без шапки,
А вы без листьев.
Шли мы вместе по всем широтам,
Как в атаку идет пехота.
Шли по топям и по сугробам,
Задыхаясь не раз в ознобе.
И дошли до просторов тундры
Встретить новой эпохи утро.

Снегом кроются поля

Снегом кроются поля,
Голые деревья.
Сединою ковыля
Серебрят деревья.
Тропки юркнули под снег,
Заровняли ямы...
На пригорке — детский смех,
У калитки — мама.
Возле прясел дед Андрей
Обновляет шубу,
А морозец все сильней
Жмет, целует в губы.
А на старческих щеках
Вспыхнули румяны.
«Знать зима берет размах,
Не торопься рано.
От Покрова новый счет
Поведу отныне.
Девяносто...
Поворот —
Жизни половина».
На пригорке детский смех,
Свищут санки — ветер.
Сыплет, сыплет белый снег,
Засыпает лето.

Чем пахнет хлеб?

Идут комбайны по ниве.
А ниву взглядом не обнять.
Как величаво!
Как красиво!
Какая в мире благодать!
А ты попробуй у штурвала
Отдать всю силушку земле
Тогда поймешь,
Чем пахнет сало,
Каврига хлеба на столе.

✧✧✧

Откипела страда сенокосная.
Задремали стога на лугах.
Нива-нивушка к полюшку клонится.
Закипела страда на полях.
Спозаранку по хлебному морю
Вереницей плывут корабли,
И ссыпаются в бункеры зори
С даром щедрой родимой земли.

Паромщик

Его на деревне зовут старожилом:
Высокий, угрюмый, с седой бородой,
Полвека он водит паром по Чулыму,
Полвека он дружит с бурливой рекой.
Я часто бывал у него малолетком.
Чинил ему снасти, стругал поплавки,
Таскал к шалашу буреломника ветки,
Чтоб вечером греться могли рыбаки.
Меня он за это возил на пароме,
Напутствуя строго: «Смотри и учись!
Я стар, скоро буду сидеть уже дома,
Твоя же, сынок, впереди еще жизнь».
С тех пор отшумело метелей немало,
Немало в Чулыме воды утекло.
Знакомой тропинкой спешу я к причалу,
Спешу из столицы в родное село.
Знакомые ели шумят надо мною,
Черемуха белыми ветками льнет,
И тот же паромщик с седой бородою,
Как сына целует и руку мне жмет.
— Ах, дедушка, здравствуй!
А что ты не дома?
Он брови нахмурил: «Еще подождем!»
И твердой походкой спустился к парому,
Проверил канат и сказал: «Поплывем!»

ИЮС

Здесь валуны,
Как черепа,
Блестят обглоданы рекою,
Спиралью узкая тропа
Уходит в облако седое.

А выше — небо полукруг.
Белков сверкающие пики.
И, словно пули, каждый звук
К ногам сбивает облепиху.

Желтеют листья на песке,
Как пятна маралиной крови.
И тонут радуги в реке,
С вершин спустившись к водопою.

Рукопожатье

Пахнет степью,
Пахнет медом,
Пахнет печью свежий хлеб...
Шаньги, розовые торты
Пламенеют на столе.

Хлебы легкие, как тучки,
Возвышаются горой.
Только я люблю покруче,
На закваске, хлеб ржаной.

Подрумяненную булку
В руки бережно беру.
Не ломоть, я руку друга,
Хлебороба руку жму.

Сеятель

Он в степь пришел в потемках.
Рядом где-то
Кричала чомга,
Бил в ладошки ветер,
Стонали на пригорке журавли.
Он в пальцах мял
Щепоть сырой земли,
И нюхал, как саранки, чернозем.
Шли трактора,
Рассветным полем шли!
— Пора, пора!
В счастливый путь,
Начнем!

По рукам о людях я сужу
Не люблю я,
Не люблю я руки,
Скользкие и мягкие, как воск.
До локтей засунутые в брюки,
Руки, продушенные насквозь.

Жадные, дрожащие с испуга,
С ноготками — вылащенный лак.
Лучше поздороваться с безруким
За пустой расплюснутый рукав.

Может быть, серьезные пробелы
Есть в моем мышленье — не тужу.
По рукам узнаю, что ты делал,
По рукам о людях я сужу.

В полях

В полях гудит колосьев перезвон.
Поет земля счастливая набатом.
Овсам густым
Рассветы бьют поклон,
В пшенице тонут спелые закаты.

Шумят ветра,
Секут с плеча дожди,
Порой внахлест
Косым ударит градом.
Но соком наливаются плоды,
И вторят нивы золотым набатом.

Вот так и мне
Хотелось жизнь прожить,
Клоня к закату голову с поклоном...
И не рассыпать,
Зря не уронить
На трудном поле выращенных зерен.

Щедрость

Наклонилась к плечу рябина,
Возле ног родничок журчит.
Утро ниточкой-паутинкой
В волосах серебром блестит.
Серебро.
Кто сказал, что проседь?
Это отблеск штыков, огня.
Это — милых проселков росы
Утро брызнуло на меня.
И ручьи,
И настои хмельные
Мне вовеки их не испить.
Чем за щедрость тебя, Россия,
По достоинству одарить?

✧✧✧

Первые ласточки мартовской рани.
Липкие почки на ветках кустов.
Солнечный зайчик бежит по поляне,
В лужах застрял караван облаков.
Воздух, прозрачней воды родниковой,
Сцедит весна через ситец зимы.
И почему-то, как у хмельного
Сердце до боли щемит.

Сенокосный гул

Снова солнцем полнится
Голубой июль.
В даль зовет из горницы
Сенокосный гул.
Ливнем ополоскана
Нежится земля.
Скромная,
Неброская,
Как судьба моя.
Но что есть, все начисто
На, бери, неси...
Есть такое качество
На святой Руси.
Всем делиться поровну
Просто, без посул.
Тучи солнцем порваны,
Буйствует июль.

Протока

Ах, протока-лежебока!
Заросла по грудь осокой.
Обвенчалась с комарами,
Загрустила тростниками,
И, в раздумье, заодно
Месяц спрятала на дно...
И оброненной серьгой
Серебрится день-деньской.

Тропинка к родному дому

Топи, топи,
Камыш да осока,
Слеповатые бельма озер.
Тянет с пруда туман — поволока,
Молкнет птичий в ночи разговор.
Только вздохи подранков и выпи,
Запоздалые всплески весла,
И чернеют дома, словно глыбы,
На пригорке степного села.
За серьгою протоки, на круче,
Засветилась полоска огня.
И тропинка,
Как тоненький лучик,
До калитки доводит меня.

✧✧✧

Закат овсяною половой
Дотлел на взгорке за селом,
И ночь, роженица-корова,
Лизнула небо языком.
И месяц, золотое диво,
На рожки встал
И не спеша
Побрел по бесконечным нивам,
Суслоны-тучки вороша.
И звезды — выспевшие зерна —
На землю сыплет с вышины,
И красоту земную полнит
Не нарушая тишины.

На покосе

С утра по небу плыли облака.
То раздвигаясь,
То сбиваясь в тучи.
Отточенной литовкою река
Позвенькивала у зеленой кручи.
В такую пору — только не ленись,
Трава легка,
Прохладой веет ветер.
И жаворонок, взвинчиваясь в высь,
Поет нам песни о любви и лете.
Весь луг, как муравейник...
Тут и там
Мелькают грабли
И мелькают вилы.
А ну, поддай!
Ведь не впервые нам.
Еще есть вдосталь волюшка и сила.
Встает зарод к зароду...
А потом...
Когда за гору солнце занорится.
Усталые усядемся кружком
Испить холодной из ключа водицы.
И не спеша, в закатной тишине,
Как торбы, мужики развяжут думы,
Как лучше бы устроить жизнь в стране,
И как легко живется толстосумам.
Домой идем усталые, в потьмах,
Сигарами тропинки освещая,
И звезды на мозолистых руках,
Как малышей, соскучившись, качаем.

К тихоне речке

Сереж-Сереж —
Тихоня-речка.
Ах, что ты делаешь со мной?
Плетешь колечко за колечком,
Ведешь куда-то за собой.
Тебе легко.
Твой путь проложен,
Катись по пойме не спеша.
А мне- то как в местах нехоженных?
То топь,
То заросль камыша,
Ворчу.
А сам опять по кочкам
Чуть свет спешу на встречу с ней.
И вижу, как на вербах почки
Швыряют на зарю шмелей.
И за туманом-полушалком,
Играя в жмурки с водяным,
Хохочут резвые русалки
И чушут гребнем золотым
Свои запутанные косы
И кудри русые мои,
И карасями пахнут росы,
И пахнут медом кипреи.

Раскаяние

Я пришел в село родное,
А села в помине нет.
В черном колке волки воют,
На погосте — рысий след.
Ни ворота и ни ставни
Не открыли створки мне.
Краснощекие герани
Не красуются в окне.
На плетне
Сирень не вьется,
Не бредут с лугов стада.
И в заброшенном колодце
С горя высохла вода.
Помню: здесь была рябина,
Нет в помине и пенька.
Стала родина чужбиной —
И печальна, и горька.
Никому я здесь не нужен,
Да и нету никого.
Воют волки,
Ворон кружит,
Ждет, неведомо кого.
И завидую я птахе,
Что на ветке вьет гнездо.
Видно, в жизни дал я маху,
Жил не так,
И пел не то.

От села до села — сенокосная пора

Все поля, поля, поля,
Островками колки.
Ночью песнь коростеля.
Утром — перепелки.
По разливам зеленя,
К розовым рассветам,
С прытью резвого коня
Скачет махом лето.
Серебрятся удила,
Золотятся гривы.
От села и до села
Синева — разливы.
Жгут Петровки — сенокос,
Середина года.
Лупится картошкой нос,
Солоно от пота.
На зародах мужики
Чугунов чернее.
Гнутся с хрустом черенки...
«Подавай быстрее!»
Нажимаем, подаем.
Тучи хмурят брови.
Высекает с треском гром
Радуги-подковы.
По разливам зеленя.
По лугам, кюветам,
С прытью резвого коня
Мчится махом лето.

Тропинки

Тропинки,
Тропинки,
Тропинки
Сплелись, как пожатие рук
Сережки, Аринки, Маринки...
Тропинки надежд и разлук.
Такие безвинные с виду,
А судьбы узлы заплели.
Кого-то вернули в обитель,
Кого-то навек увели.
Кого-то...
Один пилигримом
Стою на задворках села...
Влюбленная парочка мимо
Моею тропинкой прошла.

✧✧✧

Снова за деревню
Увела дорожка.
Пахнет ранним сеном,
Позднею морошкой.
Запахи полыни
И медовой гречки,
Ветер лебединый
Шевельнул за речкой.
А едва почую
Запахи соломы,
Тропочку прямую
Нахожу я к дому.

И горло, и сердце сдавила удавка

Чернавка, чернавка,
Какая лукавка!
Опять на рассвете
Спешишь меня встретить.
Лапочет о чем-то,
Как будто ворожит,
Что было,
Что будет,
Чего не воротишь...
И тянет навстречу
Игривые руки,
И скачет девчонкой
По росному лугу.
И звонкие вьет
За колечком колечки:
«Целуй меня в губы!
Навечно... навечно!..»
И, вдруг, отшатнулась:
«Не пей!
Я больная!»
И сникла,
Заплакала,
Грудно вздыхая.
«Ах, что с тобой?
Кто запоганил тебя?»
Рыдает Чернавка:
«Такая судьба...
Прости меня!
Я не виновата ни в чем,
Я к людям спешу
С белогорья с добром.
Несу им
Студеную воду-прохладу.
И вот что, смотри,
Получила в награду».
И мимо меня

Покатилась она,
Черна от мазута,
От сбросов черна.
Нырнула поспешно
В корявый тростник,
И вырвался воплем
Отчаянья крик.
«Куда ты?
Прости!
Ах, Чернавка, Чернавка!»
И горло,
И сердце
Сдавило удавкой...

✧✧✧

Расписан заморозком лес...
Стоит, притихший, над долиной.
В коронах медных до небес
Березы в белых росах стынут.

Задумался зеленый клен
Тепло минуло незаметно.
И только ели тучной звон
Напоминает нам о лете.

Кружась, упал на землю лист.
За ним второй,
Четвертый... пятый...
И чей-то тихий, тихий свист
Ударил в струны листопада.

Кедр

Ему еще бы жить да жить.
Какие скалы пробурил корнями!
Какие выси обхватил ветвями!
Где и орлу не каждому парить.

Но перед смертью в мире все равны.
И падают на землю великаны.
Но лес опять встает из-за тумана —
Ему любые бури не страшны.

Поговори со мной...

Полоска угасающей зари.
Крик журавлей над поймою болота.
Со мной Сибирь седая говорит
На древнем милом языке природы.
Ворочается в берегах река.
Ей не уснуть
И не узнать покоя.
Ей чудится: казаки Ермака
Спешат тайгой к решающему бою.
Белесые метелки ковыля
Раскинули в полях костры седые.
То конники Батыя у огня
Толкуют о набегах на Россию.
Они найдут бесславный свой конец.
Каким бурьяном порастут их кости!
Ну, а пока буддейский их мудрец
Предсказывает славный пир по звездам.
Ты помнишь все.
Все бережно хранишь.
И, не скрывая шрамы и румяны,
Передо мной распахиваешь дни.
А разве знаешь, кем я завтра стану?
Пойду с пером
Или пойду с мечом,
Позором или славой увенчаю?
И ты в ответе за мое за все,
Как за тебя я жизнью отвечаю.
Во мне кипит, бунтует предков кровь
И Ермака,
И вольнодумцев ханов.
И слышится тяжелый стон оков,
И вторит им.

✧✧✧

Заненастило. Ветрено. Холодно.
Первый желтый лист лежит у ног.
Сыплет август спелую смородину
В подолы задумчивых проток.
Солнцем общелованные ягодки
Дорогими бусами горят.
Вот как жизнь
Порой нас щедро радует,
На крутых тропинках сентября.
Эту ветку загубило холодом,
Ту, в наливе душный зной обжег.
Сыплет август спелую смородину
В подолы задумчивых проток.

Поспеши

Дождь идет,
Дождь идет
Третий день напролет.
Дождь размокшую землю сечет.
Третий день почтальон
Не приносит газет
И молчит телефон
И ответа все нет.
И не верится, нет,
Что июнь в эту синь
Охры рыжие капли
Сентябрь обронил.
И слезится капель
Застилая окно.
Ты не верь, что надолго
Минуло тепло.
Будет солнце взахлеб,
Будет синь до бровей.
Ты придешь.
И снопы золотистых лучей
Загорят у моей августовской межи,
Только ты поспеши,
Поспеши.

✧✧✧

Закат потух.
Лимонной струйкой тонкой
Сбежал с полей по высохшей стерне.
И степь, доверчивая, как девчонка
К поселку молча жмется в тишине.

Золотая осень

Осень, осень моя золотая!
Ни дождливых рассветов,
Ни ветреных дней.
Будто бродит июнь,
Синеву разливая.
Будто август глядит
Сквозь ресницы ветвей.
Эта теплая осень
Меня натолкнула
На признанье о том,
Что давно бы пора
«До свиданье» сказать
Голубому июлю,
Что не меньше мила мне
Страда сентября.
И у школы,
Гурьбу ребятишек встречая,
Я любуюсь,
Как песнями детство звенит...
Осень, осень моя золотая,
Расставаний тревожные дни.

Не место красит человека

Село цепочкой над речушкой.
Две, три березки на задах.
И на заваленках старушки,
И все девчата на полях.

— Какая глушь!
Не сыщешь в свете.
Возница мне
Сказал в ответ.
— Не место красит человека,
А красит место человек.

От автора. Это стихотворение было мною написано в начале 50-х годов. О чем могу подтвердить публикацией в газете «Победа социализма» Ужурского района. Так что авторство летучих строк «Не место красит человека, а красит место человек» принадлежит мне. Вперед я не слышал.

А в сердце — майская теплынь

В лесу господствую морозы.
А в сердце — майская теплынь.
Метели ласковые косы,
Бросает полдень мне с вершин.
Ну, что с того,
Что давят плечи
Неповторимые года?
Березки вышли мне навстречу,
Бегут за мною по следам.
Точь-в-точь девчонки-хохотушки,
Честы девичьей простотой.
Как я люблю их голос слушать,
И любоваться их красой!
Умел я в жизни не скупиться,
За нежность нежностью платить.
И мне ль своих морщин стыдиться,
Под шапкой лен зимы носить!
Берите!
Сердце нараспашку
Как прежде в юности, пою,
Фортуной модной не обласкан
Иду горнистом я в строю.
Метель — серебряные косы
Бросает полдень мне с вершин.
В лесу трескучие морозы,
А в сердце — майская теплынь.

Проказы весны

Присело солнышко на крыше,
Спугнув со страхом голубей,
И вновь весны приказы пишет
На белом ватмане ручей.
А в небе первые стрижи.
И я,
И ты
В плену у солнца.
И даже рады от души.
И снег разнежившись от ласки,
Обмяк,
Слезою заискрил.
И лес, заслышав лета сказки,
Как уши, почки навострил.

Первый дождь

Сквозь решето
Весенних рваных туч
Он просочился ночью еле слышно.
И тишиной,
И почками пахуч,
Плеснул в едва
Проклюнувшие листья.
Застенчивый и робкий поначалу,
С домов и с улиц
Смыл тоску зимы...
А люди спали,
Люди прозевали
В то утро обновление земли.

Косачи

Октябрь.
Рассвет тревожно синий.
И первый, первый робкий луч.
Прозябший на ветру осенний
Столпился стайками у круч.

И на безлистые макушки,
Ломая крыльями лучи,
Расселись чинно вдоль опушки
Заманчивые косачи.

Не — крылья — радуги косые,
Не брови — пламя кумача.
Ах, кто не видывал в России
Чудесной птицы косача!

Стою под вербою с двустволкой:
Ни повернуться, ни вздохнуть.
Хотя б до той добраться елки,
А там бы можно и пальнуть.

А птицы вытянули шеи,
Они заметили меня,
И я от инея седею,
Так не подняв к плечу ружья.

Именины весны

Весна!
И лес, проснувшись предо мною
Качает гнезда шумные грачей.
Подснежник жмется нежною щекою,
Спешит навстречу, радуясь, ручей.
И все, и все торопятся, хлопочут,
Поют, свистят,
Кто влад, а кто невлад.
Разложены по нотам даже ночи,
Восходы и закаты нарасхват.
Весна, весна!
Не где-нибудь — в Сибири!
Какой размах!
Какая красота!
Поет лозинка каждая, как лира,
И каждая росинка, как звезда.
Звери и те, свои покинув норы,
На солнце греют тощие бока.
И хлещет хохот чайки белоперой
Над крохотной ладонью островка.
Шуми, вода,
Гони на север льдины
Мешай лучи с шугою пополам.
Весна свои справляет именины
И щедро отдает все, люди, вам.

Высотники

Леса все выше, выше, выше,
Плывут над нами облака.
Огнем в лицо нам солнце пишет
И стужей — млечная река...
Нам кудри — белые туманы,
Эмблема — месяц золотой.
И пьем мы сок зари багряной
Ковшом Медведицы Большой.
Здесь нет ни старших
И ни младших,
Мы все — высотники,
И нам,
Как талисман дано бесстрашье
Шагать к созвездьям по лесам.
А на ладонях — сохнет глина,
Дымит испариной спина.
И тянет нас к родным долинам,
Туда, где мирные рябины
Грустят, склонившись у окна.

Баллада о корове

...И опустел наш двор.
Не знаю, как стою.
В глазах круги,
Сплелись узлами тени.
Уводят тропкою дойницу мою.
Вот так половцы уводили пленниц.
Я помню, как теленочком она,
Едва поднявшись на тростинках-ножках,
Вся вздрагивая тельцем, как струна,
Тянулась теплой мордочкой в ладошки.
Я, соки зорь мешая с молоком,
Поил ее
И гладил лоб кудрявый,
И шел на луг с прадедовским серпом
Нарезать посочнее ранотравья.
Она меня встречала у ворот,
Шершавым языком целуя руки.
И был я счастлив...
Но всему черед...
Пока есть в мире встречи —
Есть разлуки.
Гляжу в ее тоскливые глаза,
Целую мятой пахнущие губы...
Не рассказать,
Да и понять нельзя,
Кто любит нас?
Кого?
За что мы любим?

✧✧✧

На Чулыме, на Чулыме на реке,
Где тайга глядится в зеркало воды.
Повстречала рыбака я в челноке,
Первого такого на пути.

Смотрим в воду,
Смотрим в воду и молчим,
А в воде моя полощется коса,
А в бору, в бору тоскуют косачи
И грустят девчонок голоса.

Опустил он сети — косы в синь-реку,
Золотую рыбку в сети ждет.
Я стою, стою одна на берегу,
Я, наверно, для него совсем не в счет.

Ты возьми меня, рыбак, возьми с собой,
Буду сети я тебе плести,
Буду рыбкой, буду рыбкой золотой,
На твоей плескаться буду я груди.

Смотрим в воду, смотрим в воду и молчим,
А в воде моя полощется коса,
А в бору без нас тоскуют косачи
И грустят в бору девчонок голоса.

Березы

У нас в полях
Всю ночь коростели
Скрипят, скрипят,
Как хлебные обозы,
Луна — ямщик
Минуя версты-звезды,
Жует, жует
Ржаные сухари.
Ночь зауздав
Медведицей Большой,
Как дорогим наборным недоуз
Ведет подводы
По долинам русским
С ржаной
И звездной терпкою мукой.
А на холмах
Седые от росы
Стоят березы,
Величаво строги.
Как предки
Поседевшие в дорогах
Что ямщиками были на Руси.

Чернавка

По валунам,
По камушкам
От самых облаков
Бежит, перекликается
На сотни голосов.
Бежит резвунья реченька
Колечки вьет меж скал.
Ах, как тебя, светляночку,
Чернавкою назвал?
Чернавка — ночка темная,
А ты чиста, как день.
В тебя на зорьке смотрится
Красавец гор — олень.
Игрунья белка в заводи
Колышит лапкой тень.
И ловит звезды-бабочки
Играющий таймень.
И тучки днями плещутся,
И лебеди трубят.
Ах, кто, скажи,
За что, скажи,
Обидел кто тебя?
Быть может,
Здесь, под кедрами,
На этом бережку
Чалдоночка-русалочка
Доверилась дружку.
Доверилась и сгинула,
Эх, зелена трава!
Осталась сиротинушка
Да черная молва.
И на песке
Меж камушков,
Оброненная брошь.
Горит луна червонная,
Близка, да не возьмешь.

А может, здесь умыкана
Разбойником краса,
Погибла, непокорная,
От острого ножа...
Кровь брызнула горячая
В холодные снега.
И потекла по камушкам
Речушка-стрекоза.
Бежит, бежит торопится,
Колечки вьет меж скал.
Ах, кто тебя,
За что тебя
Чернавкою назвал?

Поклон тебе, моя земля родная

Поклон тебе, моя земля родная!
Меня твои вспоили родники.
С твоих полей снимая урожаи,
Я хлебы пек, а в праздник — пироги.

В твоих озерах и в прудах раздольных
Ловил я рыбу вдоволь круглый год,
И сытно было все мое застолье,
Семья и кто на огонек придет.

В твоих лесах я тешился грибами,
Спешил на глухариные тока.
Тайга учила мудрости годами,
Отваге — беспокойная река.

Свою судьбу с твоею разделяя,
Всю поровну: и радость, и тоску,
Как сын, к твоей груди я припадаю,
К земному вдохновенью-роднику.

✧✧✧

Грустят в предвечерье березы,
Родные березы грустят,
Как вдовы, седые березы
Ни днем и ни ночью не спят.

Березы, березы, березы,
Вы помните юность свою,
Березы, подруги березы
Солдат прикрывали в бою.

Вы с нами в дыму поднимались
И падали молча в огонь,
Над павшими молча склонялись,
По вдовьи рыдая в ладонь.

Годами глубокие раны
Лечила колдунья-весна,
Сквозь осени бледный румянец
Пробилась зимы седина.

Простите, простите, березы,
Мы вас уберечь не смогли,
И ваши путистые косы
Листвой в изголовье легли.

А поросль встает молодая,
Зеленая поросль встает.
И новые зори ласкает,
И новые песни поет.

Шумят по России березы,
Зеленые рощи шумят,
Родные подруги, березы
Ни днем и ни ночью не спят.

✧✧✧

Растет у Чулыма размашистый кедр,
И лето и зиму зеленый,
В вершине его полыхает рассвет,
Скалу пробуравили корни.

Седой головою касается туч,
Крылами касается солнце.
Стоит богатырь и красив, и могуч,
Как будто отлитый из бронзы.

Не раз в поединке один на один
Сходился он с яростной бурей,
И падали вихри, дробясь, со стремнин,
И он расправлял свою бурку.

Коварные молнии целились в грудь,
Метали коленые стрелы...
По шрамам пахучие смолы текут,
И тучи дождем отшумели.

Растет у Чулыма размашистый кедр,
И лето и зиму зеленый.
В вершине его золотится рассвет,
И в скалы ушли его корни.

Зимняя россыпь

Зведы, звезды хороводом,
Звезды россыпью кругом.
На огромном небосводе
Звезды ходят ходуном.

Смотрят жадными глазами
Неизвестные миры,
Осыпая землю снами,
Занесенные дворы.

Дремота сжимает веки,
Кроет савоном поля.
Если только хрустнуть снегом,
Переломится земля.

Если крикнуть, как мальчишка:
«Здравствуй, зимушка-краса!»
Вам откликнутся, услышав,
Сразу оба полюса.

И осыплются созвездья
Прямо к нам на огород.
Изучайне неизвестность,
Жаль, что я не звездочет.

Надежда

Оставили скворешники скворцы.
Растаяли в осеннем поднебесье
И по утрам меня не будят песни —
Заливчатые птичьи бубенцы.
Холодная глухая тишина
Объяла двор,
Незваной в дом заходит.
И нет мне ни покоя, и нет сна,
И думы, словно тучи колобродят.
И над деревней сизые дымки,
Опять сельчанки затопили печи,
И в новых полушубках мужики
Вышагивают важно мне навстречу.
В глазах их и надежда, и тепло.
Вот на таких и держится планета,
С такими не тоскливо и село,
И зимушки приветливы, как дети.
Надежда —
Это крылья у мечты.
Согретые ее дыханьем вешним,
Преодолев далекие пути,
Скворцы вернутся в майские скворешни.

Родина

Уйду от друга.
Извини... прости!
Жену оставлю,
Ревность затая.
А от тебя
Я не смогу уйти,
Как не уйти
От самого себя.

Подсолнух

Он вырос соками весны,
Налился соками июля.
И зерна, словно в диске пули,
Хранит на верность тишины.

В июльскую ночь

Окунувшись с головой в росу,
Спит село, окутанное паром.
И всю ночь, в дремоте, на весу,
Как медный ковш
Горят, горят Стожары.

Июльский дождь

Пролился шумными дождями
Июль на теплые леса.
И пахнет первыми грибами
И медуницею роса.

Улетело лето

А сегодня ночью гоготали гуси.
Улетело лето в теплые края.
И невольно в строки
Льются ноты грусти,
И густым туманом
Кроется земля.
Улетело лето.
И в душе как будто
Что-то оборвалось,
Кануло навек.
И гнетет тревога...
А что завтра будет?
Нудный дождь с крупою?
Или хрупкий снег?
Срок всему в природе.
Время быстротечно.
День за днем мелькает
Кадрами во сне.
И зимой родятся радостные песни,
Нежные с надеждой о весне.

На пойме Сережа

Кочуют по пойме
Вихрастые колки.
Шатрами цыганскими
Жмутся к реке.
И, как цыганята
Горланят на релках
Оравы грачей в тальнике.
Пестрят травостоя
Цветастые юбки.
Как бусы Земфиры —
Цепочки костров.
И тростники,
Как баронские трубки
Сосут синеву омутов.
Клубятся дымки
И клубятся туманы,
Плывут по разливам
Челны-паруса.
И радуют сердце,
Волнуют и манят,
И брузжут росою в глаза.

✧✧✧

Кипит Чулым.
Бунтует все заречье.
Сверкают льдины, словно зеркала.
И вербы загораются, как свечи,
Купаясь в неге света и тепла.
Весна поет!
Ах, как она поет!!
В сто тысяч топок
Солнце кочегарит.
Ручей к ручью торопится, течет,
И каждый что-то, не поймешь базарит.

✧✧✧

По озерам, по старицам,
По купавинам болот,
Ходит радуга жар-птица
И росу с кувшинок пьет.
И, призывам грома внемля,
Не спеша взмахнет крылом,
И осыплется на землю
Теплым, ласковым дождем.

Почему?

Наш хмурый Север
На улыбки скуп.
И красками он не богатый тоже.
Так почему?
За что он стал мне люб?
И с каждым днем
Все ближе, все дороже.
И удивленный с детства,
И влюбленный
Я радуюсь до старости всему.
Ах, почему
В лесу сохатый стонет?
И горлица рыдает почему?

✧✧✧

Я представить себя не могу без Сибирь,
Без ее родников и стремительных рек,
Без дремучей тайги — зеленеющей шири,
Без степей, что навряд обойдешь и во век.
Без заветной тропинки к отцовскому дому,
Без задумчивых песен, что пела мне мать,
Что без боли до смерти, как ветку от клена,
И отрезать нельзя, и нельзя оторвать.

✧✧✧

Вот это лето!
Жаркое, как печка.
За сорок пять подскакивает ртуть.
С утра, ватага ребятни на речке,
Водой проточной тушит знойный зуд.
И тут же, рядом, как хитрец-ленок
Ныряет солнце в омут с головою.
И прячется под заросль поплавок
С лучистою, как спичка стрекозою.

✧✧✧

Ночью росы звездные
Засыпают луг,
Травы сенокосные
Ждут умелых рук.
Млеют зори ясные,
Сцедят синеву,
Звонкие и страстные
Манят и зовут.
И сверкает искрами
Лезвие косы.
Клевером душистым
Пахнет на Руси.

Кузнечик

В конопляннике кузнечик
Песни древние поет.
Не смолкая, целый вечер
Точит, пилит да кует.

Сто волшебных молоточков
Бьют по наковальне враз.
Это — приданое дочке,
Это — сыну в самый раз.

Всем подружкам по колечку,
А дружку не жаль и двух,
И кует, кует кузнечик
На колечки синеву.

В страду

Глаза туманила усталость,
Крутили руки холода.
Порой не выдержим, казалось,
И рухнет на плечи беда.

Но ночь огнями разгоралась
(Хоть искры сыпались из глаз)
И все сначала начиналось,
И повторялось в сотый раз.

Весна пришла

Зима почувствовала слабость.
Всю ночь скулит дворняжкой у ворот.
И в полдень обмороженную лапу
Под елью, как медведица сосет.

✧✧✧

Еще не шевельнула лед река.
Не выплеснули карасей озера.
Но жаворонок клюнул облака,
Ручьи о чем-то затевают споры.
И первая облетная пчела,
В обед покинув восковую келью.
Струной запела:
«К нам пришла весна!
Пора любви
И шумных новоселий».

✧✧✧

Весна! Потешная тревога.
Все взбудоражила кругом.
Сугробы скачут на потоках
В голоп, как конники верхом.
И тополь, выбежав на улицу,
Под трель прилетного скворца
Танцует вальс с гусыней в лужице.
И нету радости конца.

Февраль развесил радуги —
Победные знамена.
Февраль бодрит и радует
И тешится трезвоном.
Кует мечи каленые
На наковальнях белых
И мчится с эскадронами
Испытанной метели.
А в полдень в палисаднике
Заплачет растревоженный.
И в снег сбегают радуги
По пальцам обмороженным.

✧✧✧

Когда рассвет вершины выбелит,
Развесит бахраму кухты
И провода упрячет в инее,
И за туманами кусты.
И на сугробы горностаевы
Падет пушистая кайма,
Придет царицей величавой
Неотразимая зима.
Седую гвардию метели
Ведет дозорами в обход.
Мороз на наковальнях белых,
Как сабли, радуги кует.

✧✧✧

Была морозная и вьюжная
И белоснежная была.
Ушла...
И сразу стало грустно,
Как будто что-то отняла.
Как будто чем-то обнадежила.
А чем?
Не выскажешь в стихах.
Ушла...
И белую порошу
Забыла на моих висках.

✧✧✧

Трава припудрена порошей,
Даль и пустынна и светла.
Никто закат не потревожит:
Ни песен звон,
Ни свист крыла.

В тумане лес притихший стынет,
Луг заплеснуло серебром.
И при долине куст калины
Горит негаснущим костром.

Как я хочу...

На зимнем озере,
На озере пустынном
Свинцовой хмарью
Цепенеет лед.
У полыни,
Подбитая гусыня
Одна, без пищи,
Молча лета ждет.
Все меньше, меньше
Ленточка воды,
И стужа злей,
И яростней бураны...
Как я хочу,
Чтоб снова в мае ты
Навстречу солнцу
Взмыла в небе раннем.

В степи

Мне все здесь близко и знакомо:
Курганы, тропки и холмы,
И запах трав и чернозёма,
Рекой нахлынувший из тьмы.

И привкус чебреца, и мяты,
И ветра трепетного дрожь...
И сам я с головы до пяток
На степь безбожную похож.

И ночь, и день

С утра до вечера работа —
И день в степи,
И ночь в степи.
Фуфайки мокрые от пота,
И на зубах песок скрипит.
Берем размашисто и круто:
Весна не ждет.
Скорей, скорей!
Считаем каждую минуту,
Не замечая в спешке дней.
Здесь нет удачи, неудачи —
Есть поле, вешки и друзья.
И до азарта труд горячий,
И передышка у руля.
И снова грохот над равниной —
Попробуй силой удержать!
С землей срослись мы воедино
И без раздумья, как любимой,
Сумеем ей себя отдать.
И засыпая на рассвете,
Нам снится у седых костров,
Вся обновленная планета
Играет золотом хлебов.

Чибис

Над болотом с криком вьется чибис.
Вьется чибис в утреннюю рань.
Пусть не все, что думали мы сбылось,
Многому я отдал даром дань.
Как в апреле лепестки морозом,
Прихватил огонь друзей моих.
И поныне матери-березы
Плачут на пригорках ветровых.
И поныне в беличьих зимовьях
Будят в полночь сверстники меня.
И зовут дороги Подмосковья,
И Волыни скорбные поля.
Храп коней и звон чеканной стали,
Запах крови с запахом махры —
Все смешалось, кровью пропиталось
В черных вихрях огненной зари.
Мы ползли по стынущим сугробам,
Падали в дымящую траву.
Не об этих ли ты вспомнил тропах,
Чибис мой, взвиваясь в синеву.
Не мечись, встревоженная птица,
Не грусти над топями болот.
Пусть не все, что думали мы, сбылось,
Пусть прервала молния полет.
Мир живет к рассветам устремленный,
Полнится улыбками, добром.
По весенне трепетно-зеленым,
Окрещенный кровью и огнем.
Счастье быть его единоверцем,
И, шагая по разливам рос,
Выверять пульс раненого сердца
С трепетом задумчивых берез.

Чайка

Был майский день.
На солнечной лужайке
Подснежники взбирались на пеньки.
Над озером впервые взвилась чайка
За долгих восемь месяцев зимы.

Она плыла, крылом касаясь солнца,
И падала кометою к волне.
Я никогда не слышал песен звонче
Как ранний хохот чайки по весне.

И был бы я, наверное, в этом мире
Счастливым из счастливых сыновей,
Когда бы не столкнулся у залива
С бессмысленной жестокостью людей.

Смеялась чайка,
А из-за ракиты
Смерть щурилась коварна и черна.
Убийца, стой!
Тобой не птица сбита,
Убита песнь,
Расстреляна весна.

Я не хожу к заливу на лужайку,
Мне не забыть минуты роковой.
Там день-деньской,
Как дети, плачут чайки —
Обижены жестокостью людской.

✧✧✧

Отшумели ливнем листопады,
Отшептались, падая к ногам,
Ручейками звонкими прохлада
Меж стволов струится по утрам.

Под ногами выстрелами сучья
Расплескают тишь — едва коснись.
Осенью всегда бывает грустно.
Кажется, уже минула жизнь.

Только ты не сетуй об утратах,
О прошедшем лете не грусти,
Мы с тобой остаемся рядом,
Мы с тобой по-прежнему в пути.

Захлестнула нас горячка будней,
Увела нелегкою тропой.
И тебе, и мне бывает трудно
Успевать за ратью молодой.

И тебе, и мне — не в спину ветер.
Бьет в лицо снежинок кутерьма.
А в груди горит жарками лето,
В сердце лето — на висках зима.

Отшумели ливни листопадов,
Отшептались падая к ногам.
Ручейками звонкими прохлада
Меж стволов струится по утрам.

Раздумье у Чулыма

Клубится над полем вечерним
Черемух нетающий дым,
К ногам белоснежную пену
Венками швыряет Чулым.

Березы в закрашенном ситце,
С заречных лугов тополя
Сбежались толпою напиться
И смотрятся в волны, как я.

Глядят и губами не смеют
Коснуться звенящей струи,
Как я пред тобою робею,
Не высказав думы свои.

А думы мои бескорыстны,
Они не помутят воды,
Я только хочу научиться
По твоему скалы пройти.

По твоему петь и резвиться,
Мечты: как долбленки, качать...
Чтоб так, заглядевшись, склонился
Мой правнук, открывший тетрадь.

Клубится над плесом вечерним
Черемух нетающий дым.
К ногам белоснежную пену
Венками швыряет Чулым.

На перроне

Отходит поезд, курьерский поезд
В проемах окон мелькают лица.
И провожающие толпою
Спешат и медлят еще проститься.

Шумят, смеются и тянут руки.
Зовут улыбками и глазами.
Всерьез испуганные разлукой
Кричат: «Вернитесь!»
Кричат: «Мы с вами!»

А где вы были назад минуту?
А почему вы тогда молчали?
А, может, вместе вам было худо
И откровенности не хватало.

А, может, может и в самом деле
Признаться нужно без оправданья,
Чтоб оценить мы любовь сумели,
Нужны разлуки, нужны страданья.

След

Я бью с размаху костыли,
Как звезды искры высекаю,
И вслед за мной на грудь земли
Ложится колея стальная.

По ребрам шпал,
Сквозь версты лет
Идет в грядущее мой след.

✧✧✧

На разъезде дни однообразны.
Ночи беспокойные без сна.
Здесь, продрогший до костей,
Не раз я
Грелся у случайного огня.
Дядя Прохор,
Старый мой знакомый,
Оббивая веником пимы,
На меня, косясь, глядит с укором,
Так бы вас вот, сукины сыны...
Бьется мать,
Латает вам рубашки,
Делится последним сухарем.
Выросли и разлетелись пташки
Хоть мани до дому калачом.
Мой, беспутный, тоже за другими
Потянулся в город от тоски,
Стыдно говорить:
Торгует пивом,
Эко обмельчали мужики!
А ему бы гнуть в руках подковы,
В руки — лом, дорога — перегон,
И живи по чести на здоровье,
Ну, а я бы, нянчился в внучком.
Он хлебнул стакан крутого чая
И ушел в неласковую темь..
На стене, как маятник качалась,
Скрючившись, моя пришельца тень.

На перегон

Мороз в лесу ломает ветки.
Мороз — аж льдинки на губах.
Полоска зимнего рассвета
Торчит занозою в снегах.
Затихло все,
Молчит до срока.
Зимы незыблемый закон.
А мы поднявшись по тревоге,
Спешим скорей на перегон.
Какие там еще прогнозы!
Все наше,
Все сегодня нам.
Кругом сугробами наносы,
Носы приплюснуло к щекам.
Идем в туман, подняв на лапы
Зари скупые огоньки,
И справа нас,
И слева,
Рядом
Бегут стальные ручейки.
И тишина...
И стужи пламя,
И скрип шагов,
Как сердца крик,
И шпалы бронзою под нами
И мы, как медные, на них.

А улицу Ромашковой зовут

На улице Ромашковой,
Где было все в цвету,
Мальчишками вихрастыми
Играли мы в лапту.
Оравой босоногой
Сбивали городки.
И, убежав с уроков,
Стучали в пятаки.
(Чика — игра в мелкую монету)
На улице Ромашковой,
Где и травинки нет,
В афганке нараспашку
Встречаю я рассвет.
Ищу приметы детства:
Не радуется глаз,
Печальное наследство
Останется от нас.
Зову: «Кто есть?»
Ни звука.
Ни шороха кругом.
Стелетняя старуха
Маячит под окном.
И облысевший тополь,
Склонившись до ворот,
Из рыжеватой топи
Густую муть сосет.
И боль,
Как будто клещи
Мою сдавили грудь.
А улицу, как прежде,
Ромашковой зовут.

Весна трезвонит в бубенцы

Весна трезвонит в бубенцы.
Засони, открывайте двери!
Повисли с крыши леденцы,
И солнце в радугах, как веер.
И никому покоя нет.
Кто гнезда вьет,
Кто пашет землю.
И каждый столяр и поэт,
И сердце сердцу ласку внемлет.
И мне сегодня не до сна,
Скворцам бросаю вызов — песню.
Трезвонит в бубенцы весна,
И на земле от песен тесно.

Ах, что наделали снежинки!

Какой размах!
Какая сила!
А сколько света и тепла!
Всех захватила, закружила,
По теплым тропкам повела.
И я глотаю теплый воздух,
И на твоих крылах лечу.
Я не хочу твоим быть гостем,
А быть хозяином хочу.
Хозяином лесов и пашен,
До малой щетки ковыля...
Весна с улыбкой нараспашку,
И нараспашку с нею я.

Осеннее утро

А утро шагает по сельским дорогам,
Кряхтит на ухабах,
Спешит на рыси.
Осеннее утро в мечтах и тревогах,
В накрапинах пота,
Как в каплях росы.
В оранжевом мареве зыблются дали,
И с солнцем мешаются всплески костров.
Встречаются зрелость
И чье-то начало
На стыках дорог,
Перекрестков ветров.
И утренник свежий хватает за щеки.
От запахов кругом идет голова.
И будто былинника желтые строки
Шуршит и шуршит, осыпаясь листва.

Щедрость осени

Шалят в полях холодные ветра,
Ночами трутся у костров косматых,
И рассыпают бисер серебра,
И золото швыряют листопадов.

Сегодня щедрость осени во всем
И почему ветрам не порезвиться?
Над всей землею медный перезвон.
И медный ветер надо мною кружится.

Осеннее утро

А утро шагает по сельским дорогам,
Кряхтит на ухабах,
Спешит на рыси.
Осеннее утро в мечтах и тревогах,
В накрапинах пота,
Как в каплях росы.
В оранжевом мареве зыблются дали,
И с солнцем мешаются всплески костров.
Встречаются зрелость
И чье-то начало
На стыках дорог,
Перекрестков ветров.
И утренник свежий хватает за щеки.
От запахов кругом идет голова.
И будто былинника желтые строки
Шуршит и шуршит, осыпаясь листва.

Щедрость осени

Шалят в полях холодные ветра,
Ночами трутся у костров косматых,
И рассыпают бисер серебра,
И золото швыряют листопадов.

Сегодня щедрость осени во всем
И почему ветрам не порезвиться?
Над всей землею медный перезвон.
И медный ветер надо мною кружится.

✧✧✧

Грузнут гроздьями рябины,
Слышу посвист снегиря.
Ловят нитки-паутины
Позывные ноября.

По разливам желтых просек
Неустанно день-деньской,

Подбоченясь ходит осень
В лисьей шубке золотой.

И под маревом осоки,
Над раздумьем деревень
Птичьи клинья с поволокой
Словно усики антенн.

Приход зимы

Торжественно и властно
Приходит к нам зима.
Кто счастлив и несчастлив —
Все топают в пимах.
В ушанках, в теплых шубах,
Кто в дохах до колен.
Идут, сжимая губы,
Звень, звень, звень.
Кто щеки трет, кто руки.
(Мороз за сорок пять.)
И радуги по кругу
У солнца, как печать.
Туман замешан круто,
А мне вокруг светло!
И сердце почему-то
Некстати расцвело.
И те, кому семнадцать,
Кому за шестьдесят,
В пути не застоятся,
Спешат,
Спешат,
Спешат.
И дзинькают в сугробы
Застывшие слова...
Зима бодрит, торопит,
Как в праздник торжества.

Встреча с летом в зимней лесу

Здесь метели по неделе,
И по месяцу пурга
Будто нет другого дела
Знай, тусуй, греби снега.
А как грохнут стын-морозы,
Хвухметровый лед трещит.
И поземка тянет косы,
Аж душа заледенит.
Но по стынущим сугробам,
Как прожилка на руке,
Засинели чьи-то тропы,
Кто-то крикнул в тростнике.
Расплескавшись, как в полете,
Подожгла лужок лиса.
За ружье, и на охоту!
Мчусь в заветные леса.
Снег похрустывает звонко,
Что ни веточка — алмаз.
С робким трепетом ребенка,
Не свожу с рябины глаз.
И быть может, на удачу,
Или к лету поворот,
Величаво озадачен
По сучку паук идет.
И усищами раскосо
Снег напористо гребет...
А округу от мороза
Оглушает треском лед.

Золотой листопад

День за днем,
Как раненые птицы,
Падают и падают в закат.
Сединою поле серебрится,
Роем закружился листопад.
Здравствуй, осень!
Мы давно знакомы.
И, веселый,
Радуясь,
Любя,
Я к тебе спешу
Чуть свет из дому,
Песнями приветствуя тебя.
Ты меня сегодня натолкнула
На простую истину о том,
Что не все хорошее минуло.
Дни идут...
И жизнь кипит ключом...
Слышишь,
Как в горах трубят олени,
Задыхаясь ревностью в любви?
И горят жарки в лесу осеннем...
Наслаждайся красотой, не рви.
Мять ногами прелести не надо.
Нежности к природе не таю.
Лучше я под шелест листопада
Песню лебединую спою.

Березка под моим окном

Она не спит
Ни днем, ни ночью,
Склонясь к окошку моему.
Она сказать чего-то хочет,
Сказать мне только одному.
И все никак-никак не смеет
Перешагнуть через порог,
И на морозе коченеет,
Роняет на землю снежок.
А давит грудь мне,
Колет сердце...
К ее щеке я льну щекой...
И чувствую,
Как в хрупком тельце
Стучится пульсом сок земной.

Гроза в июле

Золотистою иглой
Молния сшивает тучи...
До чего же травостой
Перед дождиком пахучий!

Тучи порохом чернят.
А одна — бела косою.
Как бы не ударил град
С леденящею крупою.

Бабка молится: «Христос!
Унеси злодейку в горы.
Хлеб на вырост,
Сенокос.

И без града хватит горя».
За поклоном бьет поклон
Богу, древняя старушка.
И пылает небосклон,
И грома гремят, как пушки.

В преддверии осени

То зной, то хмарь,
То нудные дожди,
Как незаметно пролетело лето!
Зароды побурели от воды,
И от ожогов поле порыжело.
Еще не кончен страдный сенокос,
Еще дурманит запахами мята,
А из тайги в тучнеющий овес
Уже торят тропинку медвежата.
И как снаряд, сверкая синевой,
Косач взметнется в марево заката.
Хозяйка-осень в розовом халате
В раздумье загрустила над рекой.
И на деревне гомон до утра,
Теребят гребни петухи друг другу,
И сединой садится тишина
На бронзу затуманенного луга.
А мне мила осенняя пора,
Студеные оранжевые зори,
Крик журавлей пролетных по утрам
И заморозка первые узоры.
И травы, отходящие ко сну,
Багровым посоженные пожаром
То ниткой-паутинкою сверкнут,
То заклубятся белым-белым паром.
Хозяйка-осень, яблоком хрустя,
В лукошко сыплет урожай июля.
В такую осень многие грустят,
Грустят, что лето красное минуло.
А я, признаться исренно, давно
Люблю полей осеннюю прохладу,
Сентябрьских зорь холодное вино
И тихий-тихий шелест листопада.

Мне так легко,
И дали так светлы,
И в сердце с песней
Лето где-то рядом...
Прощаясь, улетают журавли
Под тихий, тихий шелест листопада.

Чулым — моя судьба

Не от пыли,
Не от дыма
Обожгла щеку слеза —
Волны, радуги Чулыма,
Синью брызнули в глаза.
Разметался неуемный,
Катит вдаль
За валом вал.
Сколько светлых,
Сколько темных
Дум и судеб укачал.
И мою несет долбленку
Между черных валунов.
За спиною — ветер звонкий
Свищет в сотни голосов.
Ошибешься — только память
И оставишь о себе...
И кудрявые туманы
Отросятся на тропе.
Буруны встают, как свечки,
Тонут в бездне облака...
За колечком вьет колечки
Неуемная река.
А потом, как распахнется!..
Тише малого дитя
Голубая радость льется
И ласкаясь, и шутя.
Залюбуюсь.
Сам не знаю,
Чем он ближе мне, милей?
Или резвостью?
Шальная!
Или кроткостью своей.
Захватил — не отпускает,
Не отпустит никогда.
И, ветра перегоняя,
За бортом шумит вода.

Подснежник

Под конопатой,
Русою березкой,
Тонюсенький напружив стебелек,
Как озорной парнишка и повозки,
Навстречу солнцу выскочил цветок.
По детски любознательный и нежный,
Пронизанный до жилок синевой,
Малюсенький, доверчивый подснежник
Кричит взахлеб:
«Приветствую с весной!»

Памятники лету

Незаметно наступила осень
С ливнями и с первою крупой.
Охрой подрумянились березы,
Шепчутся о чем-то меж собой.
Может быть, они грустят о мае,
Может, лета вспомнили зарю.
И прозябший лист к ногам роняя,
Промывают взоры октябрю.
Так вот все мы в жизни незаметно
От весны к седой зиме идем,
И в кудрях утраченного лета
Нити заиграют серебром.
И грустим,
И плачем,
И смеемся,
И опять о прожитом грустим.
И над нами, расставаясь, вьется
В сером небе журавлиный клин.
Бьет в лицо крылом холодный ветер.
Кружит рыжей стаей листопад.
И в полях, как памятнику лету
К стогу стог задумавшись стоят.

И снова день встречаю я в пути

Тебя влекут заморские края,
Тропические нежные мимозы.
А мне дороже отчая земля,
С березкой русой на крутом откосе.
За перелеском медное жнивье,
Как шлемы, копны золотой соломы.
Все, все здесь сердцу близкое, мое,
И каждый куст, и колосок знакомы.
Мои желанья, думы и мечты
Слились с делами матери-России,
И я живу, не зная пустоты,
Не замечая будни трудовые.
И если радость навестит мой дом
Или настигнет горе-неудачи,
Со мной друзья встают к плечу плечом,
Со мной смеются
И со мною плачут.
И снова я встречаю день в пути,
Творю трудом свое земное чудо,
И белым цветом полнятся сады
На радость мне,
На счастье добрым людям.

✧✧✧

Мне все здесь близко и знакомо:
Ручьи, тропинки и холмы,
И запах трав и чернозема,
Рекой нахлынувший из тьмы.
И привкус чебреца и мяты,
И ветра трепетного дрожь...
И сам я с головы до пяток
На степь безбрежную похож.

✧✧✧

Когда гляжу я в даль рассвета,
Мне часто чудится: вот-вот
То впереди, то рядом где-то
Со мною солнышко идет.
Напрасно простираю руки,
Напрасно я к нему спешу.
По заколдованному кругу
К закату ближе ухожу.

✧✧✧

Поля, поля
Без края и начала.
Снега костром зари припалены.
Поземка на сутулых перевалах
Качает вихри — белые челны.
Я ухожу в заснеженные дали,
Где на сугробах млеет синева.
У ветра позаимствовать начало
И новых песен звонкие слова.

Половодье

Вся пойма залита водой.
По шею в воде тростинки.
Довольные шалою весною
Повсюду свистят кулики.
Срывая мосты, и плотины,
Потоки уносятся в даль.
И весну приветствуя, льдины
Звенят, как уральский хрусталь.
И мутным потокам навстречу
Торопится рыбья орда,
Как ханы спешили на сечи,
И в схватках кружится вода.
И розовым фламингом солнце
Танцует по плесам весь день.
И плещет, бушует и льется
Весны стоголосая звень.

✧✧✧

Уймись, зима.
Твои капризы
Уже и детям не страшны.
Капелью белый шарфик вышит,
Капели падают с ресниц.
И, распахнув зимы пеленки,
По синим мартовским холстам,
Бегут ручьи-скороговорки,
По взгоркам кудри растрепав.

Раздумье в поле

Вчера я вышел в поле первый раз.
Оно, раскрыв обьятья предо мною,
Росистыми туманами клубясь,
Казалось необъятною рекою.
И я, как открыватель-следопыт
Плыл к островкам — чернеющим курганам.
Хотелось знать,
Кто в них, когда зарыт?
Кому и кем
Поставлен этот камень?
За валом вал катились синевы.
А мне казалось —
Рать теснила рати,
И багровели ковыли в крови...
Я вспомнил вас
Погибшие солдаты...
А возле ног,
Сквозь пепел и золу,
(Как быстро все приходит и уходит!)
Наперекор насилию и злу
Щетиной к солнцу выбросились всходы.
Расти и буйствуй в мире зеленя
Побегом каждым
И листочком каждым!
Проходит войн кровавая грызня...
И торжествует: мир, любовь и счастье.

✧✧✧

Осенний день
Ни пасмурный, ни ветрен.
А листопад бушует — не унять.
Не каждому дана такая щедрость:
Под ноги золото бросать.
Не каждому дано такое счастье —
Любить и быть любимым в октябре.
И хочется быть искренне причастным
И к нежности такой и к доброте.
Чего скрывать: мы в суете и спешке
Не замечаем рядом красоты,
И топчем в мае первенец-подснежник,
И в октябре — прощальные цветы.
Мы все спешим,
Спешим неудержимо,
Нам не хватает ни ночей, ни дней.
А жизнь летит
Все мимо, мимо, мимо,
Как тот косяк кочующих гусей.
И — град в лицо,
И — ледяные ветры,
И редко, редко — осень — благодать...
Не каждому дана такая щедрость:
Под ноги золото бросать.

В саянах

Гранит и сталь,
И пропасти без дна,
И в лапах сосен
Стиснутое небо,
И без конца
Дремучая стена,
Где, как следы,
Сплелись и быль, и небыль.
Медвежьей пастью
Скалится обвал,
На рыжих бровках
Черепа сохатых.
И пламенеет кровью краснотал
У тропок,
Где с друзьями шел Стофато.
Дорога мужества
Отлитая в бетон,
Дерзаньем воли
Влюбленная в скалы.
По гребням гор
Бежит за горизонт
И плавится в заре на перевале.
Гранит и сталь,
И пропасти без дна,
На рыжих бровках
Черепа сохатых,
Под стук колес
Брусникой тишина
Осыпалась с кустов
На след Стофато.

Стройки начинаются мечтою

Стройки начинаются кострами.
Так сказал московский наш поэт.
Извините.
Не согласен с вами,
Этого не может быть и нет.
Стройки начинаются мечтою,
Думами, летящими во мрак.
Робкою горячею слезою,
Спрятанной любимою в рукав.
Дальние разъезды-перепутья,
Снег по пояс, сиверка взахлеб,
Дикое замшелое безлюдье,
А потом костры, как россыпь звезд.
Да, костры,
На лежбищах оленей,
На пальцах, на сопках ветровых,
За семидесятой параллелью
Бок о бок у айсбергов седых.
Города шагают за тобою.
Впереди дождя и ветра дрожь...
Стройки начинаются мечтою,
Без мечты и свечку не зажжешь.

✧✧✧

Трава запудрена порошей,
Даль и пустынна и светла.
Ничто закат не потревожит
Ни песен звон, ни свист крыла.
В тумане лес притихший стынет,
Луг заплеснуло серебром.
И при долине куст калины
Горит негаснущим костром.

✧✧✧

На синем озёре,
На озере пустынном
Свинцовой хмарью цепенеет лед.
У полыни подбитая гусыня
Одна, без пищи,
Молча лето ждет.
Все меньше, меньше ленточка воды,
А стужа злей
И яростней бураны...
Как я хочу,
Чтоб снова в мае ты
Навстречу солнцу
Взмыла в небе раннем.

✧✧✧

На перроне поздней осенью
Средь зевающей толпы
Плакал пес, судьбой заброшенный,
И хозяином забыт.

Мокрый, глиною испачканный,
Ребра — стиральной доской.
Но ни хлебом он,
Ни лаской
Не позарился чужой.
Видно, был когда-то нужен.
Дом стерег, ходил в тайгу...
Не собаку,
Кто-то дружбу,
Кто-то верность оттолкнул.

Мой поезд несется...

Мы все начинаем со станции Детства
Наощупь, доверчиво жизненный путь.
Минуя пикеты,
Минуя разъезды
Торопимся Юности дверь распахнуть.
Разъезды, разъезды
Недели и годы,
Пикетные столбики — куцые дни.
Лишь детство аукнет,
Глянь — юность приходит,
И станции Зрелость мелькают огни.
Огромная станция с пиками стрелок.
Прямые пути,
Боковые пути.
Здесь столько работы,
Горячего дела,
Что хочешь не хочешь задержишься ты.
А время торопит.
Сигнал отправленья
Поют перегоны, аж ветер в ушах.
Мелькают разъезды в тумане осеннем
Последние версты...
А жизнь хороша!
Мой поезд несется в закатном пожаре.
Летит над землею колес перестук.
Все ближе последняя станция Старость.
Расписан по графику трудный маршрут.
Ну, что ж...
Я не очень жалею об этом.
Мы славное племя взрастили орлов.
Больших перегонов, попутного ветра
И меньше в пути вам глухих тупиков.

Прости меня

Россия-мать,
Как гордо,
Как красиво
Назвали землю,
Где мне довелось
Родиться,
И расти,
И крепнуть силой,
И, возмужав,
Подняться в полный рост,
Твои щедроты
Скромны и неброски.
Заметить их не каждому дано.
А я, мальчонком,
Пил взасос из соски
Березы сок
И хвойных рос вино.
И не в хоромах,
А в избе крестьянской,
Где хлеб и квас
Был золота ценней,
Познал я по крупицам
Жизни счастья,
Семилинейки свет во мгле ночей.
Ты мне дарила
Гроздья жар-рябины
И в новый год
Гирлянды снегирей.
И мне хотелось
Стать достойным сыном
Любви твоей
И щедрости твоей.
А после
Я тебя не упрекаю,
По жневьям собирая колоски,
Я восхищаясь прелестями мая,

Украдкой прятал слезы в кулаки.
Чернели пальцы,
И живот сводило,
Подтягивало ребра к позвонкам...
Ведь пайки слишком мизерными были,
Каких не пожелаешь и врагам.
И на войне,
На маршах, и в окопах,
Протиснувшись в землянку —
Черный склеп
Я вспоминал рябинушки в сугробах,
В хлебах и в травах
Причулымья степь.
Я к ним шагал
Под минометным яростным огнем.
И все, казалось,
Сделал слишком мало,
Но сделаю,
В родной вернувшись дом.
Земля моя!
Омытая слезами,
И солью просоленная насквозь.
Прости меня!
Достойными стихами
Воспеть тебя,
Увы!
Не довелось.

Родной этюд

Не ахти какой пейзаж —
Озерко — подкова.
Возле заводи шалаш,
Пастушок с коровой.
Мальчугану шесть-семь лет
Вряд ли наберется.
А заботливо, как дед
О скоте печется.
Что-то чертит на песке
Хворостинкой малый.
Сколько так вот налегке
Нас здесь прошагало?
Две березки на бую
Обнялись ветвями.
И пронзили грудь мою
Цепкими корнями.

Прорубь

В нее застывшая река
С тоской глядит на облака.
И видит звезд, звезд далеких россыпь,
Как на лугу, июльском росы...
И тянет золоту-корону
На дно, созвездья Ореона.

Ужурочка

Ни метелицы, ни бури,
А белым-бела земля.
По Ужурке,
По Ужуру
Распушились тополя.
По Зареченской,
По Главной,
Вереницей там и тут,
На долбленках
И на санках
Гуси-лебеди плывут.
То сугроб,
То белый ворох.
Закурить — не торопись
Тополиных пух, как порох,
Обронил искру-держись!
Знаю ждешь.
И в сердце — буря.
Но любовь не подведет.
По Ужурке,
По Ужуру
Кружит белый хоровод.
По Зареченской,
По Главной,
Вереницы там и тут
На долбленках
И на санках
Гуси-лебеди плывут.
Обойду все рощи, уголки,
За Полярный круг уйду.
А свою любовь — ужурочку —
И на дне морском найду.
Не своди так брови хмуро.
Опоздал — не виноват.
Над Ужуркой,
По Ужуру

Кружит белый звездопад.
По Зареченской,
По Главной,
Вереницы там и тут.
И в долбленках,
И на санках
Гуси-лебеди плывут.

Город наш и родной, и любимый

Посвящаю городу Ужуру

На развилках тревожных дорог,
У лобастых пригорков ковыльных,
Зародилось село, городок
С непонятным, но ласковым именем.
На кострищах кочевых племен,
Пастухами пришельцами, ссыльными
Поднимался над топями он
На костях каторжанской России.
Устремленный в рассветы с мечтой,
Жадный к жизни,
Упрямый,
Ранимый.
Стал он в жизни для многих судьбой
И за что-то по-свойски любимый.
За него на кровавых полях
Бились доблестно воины наши.
Подвиг их не померкнет в веках
И живых, и в сражениях павших.
Город наш хлебосольный, родной,
Град бескрайних полей Причулымья,
Стал он в жизни для многих судьбой
И за что-то по-свойски любимый.
Ничего, что чуть-чуть маловат
Подрастет на просторах пшеничных.
И сегодня о нем говорят
С похвалою в палатах столичных.
Устремленный к рассвету с мечтой,
Жадный к жизни,
Упрямый,
Ранимый...
Стал он в жизни для многих судьбой
И за что-то по-свойски любимый.

РАССВЕТ В ТАЙГЕ

Рассвет в тайге

Пробито солнце пулею навылет.
Брусничный сок
Намел сугробов вылит,
Скатились звезды в гущу сосняка.
В густую синь
Фонтаны снега взмыли.
Начался вылет,
Глухариный вылет.
И встрепенулась,
Ожила тайга.

✧✧✧

На столе брусничным соком
Догорает отблеск дня.
Дремлет лайка у порога
В рыжих крапинках огня.
Следопыт судьбой доволен,
Хоть она и не легка.
Вдоль стены хвостами молний
Светят беличьи меха.

Старость

Был молод,
Знал дыханье бури,
Ходил один с кожом на шатуна.
Прошли года...
На старой шкуре
С потухшей трубкой
Бог каюров
Лежит холодный, как луна.

Удачной охоты, друзья!

Проверено ружье,
Уложены патроны,
Пес от восторга возле ног — кругом.
И я не то хмельной,
Не то влюбленный
Еще до зорьки покидаю дом.
Иду по бездорожью луговиной,
Сбивая с трав уснувшую росу.
А надо мною — роем звезды синие,
И месяц — талисманом навесу.
Уснувший мир,
Какой он нежный, тихий...
Но, вдруг, как взрыв гранаты
Возле ног,
Вспорхнул косач,
А может глухариха,
Здесь был весною
Брачный птичий ток.
И — вдребезги ночная тишина.
Журавль тревожно затрубил побудку,
Аухнул филин,
Пискнула желна
И пронеслись со свистом мимо утки.
И кто-то там,
За речкой в камышах,
Дуплетом первым всколыхнул болото.
Привет, друзья!
Удачной вам охоты!
И неуемной радости в сердцах.

Только здесь ты оценишь Сибирь

Бискамжа, Бискамжа!
Горы в три этажа
И снега...
Горностаевой шубой
Укрылась тайга.
Выше крыш,
Выше сопок и скал
Голубые снега...
Я о вас тосковал.
— Только здесь побывав,
Ты узнаешь Сибирь.
Красоту и величье
Оценишь ее.
Горной Шории песни
Поет мне Кызыр.
Да вместит ли их сердце мое!
Каждый камень –
Легенда далеких времен —
Но не прелестью гор восторгаюся я.
На Кузбасс убегает с рудой эшелон,
От подъема к подъему
На стыках звеня.
И разносят ветра этот звон по горам,
И поет их тайга,
И поет их Кызыр...
Горной Шории песни
Послушать бы вам,
Вот тогда вы поймете Сибирь!

Волки

Он от погони стаю уводил.
И надо было этому случиться:
Коварный наст на искры раздробился —
Вожак в ловушку лапой угодил.

В колючий снег ударила струя
Из порванной на клочья чёрной вены...
И стая, молча опустив поленья,
Уселась в круг, презренье затая.
Кольцо сжималось...
Он их сам учил
Жестокости и ненависти к слабым.
Он понял все...
И грыз клыками лапу,
Как грыз собратьев раненых в ночи.

Но миг...
И тьму разрезал волчий плач.
Да, да, поверьте, волки тоже плачут.
Когда в борьбе минуют их удачи,
И тухнет пламя обреченных глаз.

Схлестнулись в вихрях
Ненависть и страх.
И после схватки яростной, неравной
Лежать остался череп на поляне
С откушенною лапою в клыках.

На Бирюсу

Тайга припудрилась снегами,
Раскинув древнюю красу.
Я с остроухими друзьями
Опять спешу на Бирюсу.
Спешу, на камысе скользя,
Не надо затоси и вешки.
Сверкают беличьи глаза,
Как раскаленные орешки.
Поет тайга,
Поет река,
Звенит, как серебро, шуга.
И тропка узкая легка,
Как кучевые облака.
Кругом узорами следы,
Миров неведанных короны.
А что там будет впереди?..
Тайги суровые законы.
Свистит в тростинку бурундук,
Токуют рябчики у пади.
И что ни куст — десятки рук
Берут молчком меня в обьятья.
И даже старожил глухарь,
Морошкой нарумянив брови,
Готов затанцевать, как ветер,
Усевшись на конек зимовья.
Поет тайга,
Поет река.
Поет огонь в камине-печке,
И с ними вместе я пою,
Щелкая бурые орешки.

Ищу я охотничье счастье

Чернеет горою валежник,
Расчищен сугроб до земли.
«Вот здесь и поцарствовать можно,
Сегодня мы славно прошли».
Напарник мой старше годами,
Изведал таежную жизнь.
У глаз его карих лучами,
Как тропки морщины сошлись.
Он лишнего слова не скажет,
Что скажет — завяжет узлом.
С собаками тянет упряжку,
Идет на медведя с ножом.
И реденький чуб из-под шапки
Сверкает, как горсть серебра...
Смолистые хвойные лапки
Танцуют на углях костра.
Я с ним путешествую часто
И снова на зорьке уйду.
Ищу я охотничье счастье,
И с ним я, уверен, найду.

Умирает огневой закат

Выскочил из заросли зайчонком
Зимний день
И спрятался в кусты.
И опять в застывшие ладони
Я ловлю холодный свет звезды.
На сугробе раненой огневкой
Умирает трепетный закат.
День за днем проносятся в погоне
И не возвращаются назад.

На перевале

Не молод я
И раненый к тому,
И с юностью мне больно не тягаться,
На перевале в розовом снегу,
Знать, суждено
Споткнуться и... остаться.
Но я руками разгребу сугроб
И разожгу костер их сухостоя.
Пускай для тех,
Кто заплутал без троп,
Он станет путеводною звездою.

✧✧✧

Льет и льет в кувшины глухомани
Хмурый вечер белые туманы.
Затопило молоком лосиным
Скользкие подножья и вершины,
Выступы Оленьего голца,
И костер,
И жаркие сердца.

✧✧✧

Над палаткой между веток
Зажигает спички рысь.
Слышишь, рысь, поберегись!
Не ходи за нами следом.
А не то неровен час
Строго брови мы нахмурим
От твоих лукавых глаз
Самокруточки прикурим.
Слышишь, пляшут топоры?
Мы не спички жгем — костры.

Белка

Зима.
И молнии в лесу.
Кухлянки-сосны подпалила,
Порошою засеребрила
И вдруг застыла на весу.
Играет шишкою-кедровкой
И любопытна, как дитя,
Пытливо смотрит на меня,
Склонив ушастую головку.
Здесь жизнь
И смерть, как на весах,
Кого и кто переиграет...
Мороз за сорок на Алтае,
И плещут молнии в лесах.

✧✧✧

Закон тайги не оскверняй — не смей!
Закон тайги — святыня для людей.
Мой дом — твой дом,
Мой хлеб — твой хлеб — бери,
И грейся у камина до зари.

Но, уходя в дорогу, не забудь
Истраченную теплоту вернуть...
Здесь издавно живут одной семьей:
Мой промах для тебя грозит бедой,
Твоя удача — радость для меня,
И судией нам всем тайга одна.

✧✧✧

К далеким глухариным токовищам,
Где хвоей настоялась тишина,
Зовет меня капель, срываясь с крыши,
Зовет неотразимая весна.
Там на лужайках спиртом муравьиным
Пьянит заря, ломая краснотал.
И пахнут травы молоком лосиным,
И мхом столетним пахнут облака.
И я спешу к токовьям глухариным,
Под говор беспокойных ручейков.
И крепкий спирт таежный, муравьиный
Пью, как дитя парное молоко.

Зверобои

Мы уходим в тайгу
Не на год, не на два,
Мы уходим в рассвет,
Не скрывая волненья.
Ну к чему наставленья
Пустые слова,
Мы вернемся домой,
Мы вернемся домой непременно.
Кто нам скажет,
Что ждет нас
На тропках лесных,
Где удача сойдется
Лицом с неудачей.
Кто когтистые шрамы
На скулах сухих
Из тайги принесет
Вместе с мехом впридачу?..
А сегодня мы в путь.
Пусть не дрогнет рука!
Мягким серебром ляжет
Зимы первопуток.
С добрым утром, тайга!
Золотая тайга,
И с удачей,
И с ветром попутным.

Хороши у нас в Саянах...

Хороши у нас в Саянах
Голубые беличьи снега.
Не снега — туманов караваны,
Легкие, как пена облака.

Зачерпнуть бы в пригоршню и выпить,
Обжигая губы холодком,
И идти лыжнею следопытов,
От зари к заре идти пешком.

Зашуршит хвоей на соснах соболь,
Расплескает выстрел тишину...
Ты стоишь на сахарном сугробе,
Снега горсть от счастья зачерпнув.

Рысь

Сливаясь с зарослью седой,
От лап до кисточек седая,
Она часами над тропой
Лежит, добычу выжидая.

Чу, шорох...
Сжалась, как пружина,
Стрегут безмолвные усы...
И чья-то смерть
На лапах стынет
Седыми каплями росы.

✧✧✧

Костер.
И лайка на сугробе
Грызет застывшую луну.
О хвою шубку чистит соболь,
Роняя искры в тишину.
В распадке, где-то ухнул филин
Замолкнет вновь на полчаса.
И осыпает с черных крыльев
Ночь звезды в темные леса.

✧✧✧

Дохнуло холодом с гольцов,
В лесу загорелись сугробы.
И по распадку вдоль кустов
Прошил наметом стежку соболь.
Спасаясь от зимы медведь
В берлоге сладко дремлет с храпом
И, как малиновую ветвь
Мусолит собственную лапу.

Спаниель

Спаниель — удач порука,
Хоть и ростиком мала,
По спирали, полукругом
Полвселенной обошла.
В буреломе, между кочек,
Где и ведьма не пройдет.
И пролезет,
И проскочит,
Проплывет,
И поднырнет.
Потеряется и снова
Ластясь, вертится у ног,
Понимает с полуслова,
К дому выйдет без дорог.
А как ловко и красиво
Подает мне крякаша...
Всем охотникам на диво
Спаниелька хороша!

Костер

Сверкнуло пламя
В звонком сушняке.
И, золотыми перьями играя,
Вспорхнул костер...
И крылья распростер,
И темный лес,
И небо озаряя.
И знаменем алел,
И факелом пылал,
И бился оземь раненою птицей,
И снова рвался в голубую синь...
И видел я, как на застывших лицах
У глаз теплели лучики морщин.

✧✧✧

Сверкнула молнией лиса,
Снег поджигая на сугробах
И гончей стаи голоса
Летят за ней в азартной злобе.
И вьются вихри-паруса,
И вслед метелица несется
Туда, где кончив бег, лиса
В след упадет кусочком солнца.

✧✧✧

Когда погаснет солнце над Саянами,
И окунется в сумраке тайга,
Твое мне имя шепчет неустанно
В ущелье беспокойная река.

И надо мной, луна меняя краски,
Идет от сопки к сопке босиком.
И по лесу бесшумно бродят сказки,
Нашептывая милым языком.

Сгустились и посеребрились тени.
Медведь раздвинул росные кусты
И даже осторожные олени
Пришли сюда...
Когда придешь к нам ты?

Смерть лебедя

Один.
От выводки один!
Не улетел, картечью мечен...
Шуршит река хребтами льдин,
Поземку тянет хмурый вечер.
На стылом озере — молчок.
Не зазвенит гагара в склянки,
Не свистнет в дудочку чирок,
Не разожжет огонь зарянка,
Пустынно,
Холодно,
Темно.
В глаза метелицы занозы.
Чем одному...
Так суждено...
И с песней в высь...
И... камнем о земь!

Нет места на земле убийцам!

К родным гнездовьям стая журавлей
Летела на рассвете в небе синем.
Но кто-то из прибрежных камышей
В упор дуплетом хлестанул по клину.
Вожак качнулся...
Закричал и взмыл
Свечою к солнцу
И на землю — камнем...
И небо закружилося туманом,
И эхо зычное ахнуло: «Убил!»
«Убил! Убил!» — заплакал коростель.
«Убил! Убил!» — заохали бакланы.
И серым пухом серая метель
Осыпалась на скорбную поляну.
«Убил!» — метались чайки на мели.
«Убил!» — стучал о древо старый дятел.
И плакали за тучей журавли
По старшему застреленному брату.
Всему черту подвел седой удот:
«Страданьям нашим больше нет границы!»
Наш справедливый птичий суд идет —
Нет места на земле убийцам!»

Не дай мне бог

Укрывшись в лапках пихтача,
Спугнув в кустах зарю-тетерку,
Охотник манит рогоча,
До сини сжав в руках двухстволку.
Поет взахлеб рожок любви,
Поет тайга,
Поет и стонет...
Остановись, стрелок, не рви,
И не трави сердца влюбленных.
В тайге незыблемый закон.
Она обмана не прощает.
Но, а пока призывный стон...
На зов соперник отвечает.
В прицеле стройный силуэт.
Глаза — огонь,
Раздуты ноздри...
В горах раскатистый дуплет
Метлой швыряет с неба звезды.
И скорбный выдох,
Прощальный вздох
Затрепетал в лесу пихтовом...
На почерневший тощий мох
Заря сбежала струйкой крови.

Проба

Темна тайга, темнее склепа.
Медвежьей шубой облака.
Метет мошка с земли и с неба,
Неумолимая мошка.
Она прожгла комбинезоны,
До стелек ичиги прожгла,
Кандальным звоном,
Диким стоном
Сердца людей надорвала.
И боль, и всю тоску веков
Она на нас свалила зудом,
На молодых сибиряков,
В тайгу пришедших кто откуда.
И сразу, сходу в оборот.
Терпенью проба.
Силе проба.
Кто устоит, кто повернет?
Уйдет искать торнее тропы.
Ты, стиснув зубы, промолчи,
Шагай неведанною далью.
И сталь становится лишь сталью,
Перекипев с огнем в печи.

Я, КАК ПРЕЖДЕ, ОСТАЮСЬ ВЛЮБЛЕННЫМ

Я, как прежде, остаюсь влюбленным

Изрядно грубой жизнью изнуренный
И списан раньше времени в обоз,
Я, как и прежде остаюсь влюбленным,
В шелк тополей,
И в серебро берез.
Едва-едва, на крышах крутолобых,
Весна с зимой затеют канитель,
Я, с внуком, на встревоженном сугробе,
Ловлю в ладони первую капель.
И, расцветают на лице улыбки,
Морщинки тают, как апрельский снег,
И, слышно,
Как в весеннем небе зыбком
Голубки чистят крылья в вышине.
И радость в сердце
Плещется октавой.
Я вижу, у открытого окна,
Растроганная нашею забавой,
Счастливо улыбается жена.

Не убей улыбку, не убей!

Не убей улыбку, не убей:
Грубостью,
Неосторожным словом.
Не всегда вернешь назад былое
Резкостью обиженных друзей.
Отойдешь, опомнишься,
Но поздно...
Жизнь, увы!
Несется с ветерком...
Не уйдешь...
Напомнят о былом,
Осыпаясь листопада звезды.

✧✧✧

Последние угли сгорают в печи,
Седым покрываются пеплом.
А ты, прикорнув на диване, молчишь,
И я — словно мумия в склепе.
А сколько хотелось тебе рассказать,
Навряд бы хватило нам ночи.
Друг другу глядеть, не мигая, в глаза
И счастье друг другу пророчить.
Но что-то занозой застряло в груди,
И до сини стиснуты руки...
И угли погасли,
И ночь впереди,
И мы далеки друг от друга.

Цветите, чудо Ярославны!

Зачем скрывать.
И я повержен
Не раз был женской красотой.
Походкой стройной,
Взглядом нежным,
Румянцем пышущей зарей.
От уст,
Как майские герани,
От синевы искристых глаз,
Я без вина
Не раз был пьяный,
Не отрезвел еще сейчас.
Цветите, чудо Ярославны,
Как по весне цветут поля.
Пускай о вас
Мечтают парни,
И ждут вас верные мужья.
Вы — радость жизни,
Вдохновенье,
Уют семейный и покой.
Без вас бы
Не было Вселенной.
Кому она нужна пустой.

Загляделась девчонка на парня

Загляделась дечонка на парня —
До чего же мальчишка хорош!
Намекнуть бы, позвать на свиданье,
Да, наверное, к другой ты идешь.
Может, та и стройна, и красива,
Может быть, и дурнушка она...
Почему я в любви не счастлива,
Почему я осталась одна?
Расступись, золотая пшеница,
Ночь-подруга, склонись надо мной.
Не хочу я с парнишкой проститься,
Не хочу я расстаться с тобой.
Завивайте седые туманы,
Осыпайся Галактики дождь.
Не спеши ты к другой на свиданье.
Не спеши...
От меня не уйдешь.

Куда?..

За электричкой — электричка.
И снова скорый напроход.
Куда моя Россия мчится?
Куда торопится народ?
Со скорого — на самолеты.
Всем катастрофам вопреки.
И лезут в спутники с охотой
В овчинных шубах мужики.
— Лечу на Марс!
— Я — на Стожары!
— А я махну на Ореон!
Ведь не случайно наш Гагарин
Был так в Галактику влюблен.
Щепоть родной земли в кармане,
Рюкзак-попутчик за спиной.
Благослови в дорогу мама!
И с марсианкой жди домой.
Мечта.
Но что-то есть в ней...
Что-то
Родится новое вот-вот!
Кружусь в людском водовороте,
Река шумливая течет.
За электричкой-электричка
И снова скорый — напроход.

Уйду...

Мятежная душа поэта
Чего ты хочешь?
Чего ты ждешь
Коварство буйствует по свету
Кругом предательство и ложь.
Дельцы нахрапом лезут к власти,
Рычат...
Друг другу глотки рвут.
И победив, цветут от счастья,
И чем солидней — больше врут.
Над миром властвуют мифозы,
Поправ и совесть, и любовь.
Зола не впитывает слезы,
Земля не впитывает кровь.
От гнева багровеют раны,
Печенки разрывает стон.
Уйду в гремучие урманы
От склок и карканья ворон.

Не солгу!

В моих стихах
Ни слова нету лжи.
Пускай они
Не блещут броской новью.
В них каждая строка
Омыта кровью
И что ни буква —
Крик моей души.
И не случайно
В боевом полку
Три года был я
Первым запевалой.
И песни те проверены металлом...
Там павшим я поклялся:
«Не солгу!»

Вечернее

Спит жена.
А мне опять не спится.
Засиделся долго у окна.
Вижу, как огневкою лисицей
Крадется к курятнику луна.
Приседая на пушистых лапках,
Втягивая глубже коготки,
Нюхает ночи манящий запах,
Заметая следья-пятаки.
И, надолго слившись с тишиною,
Добела промерзнув на снегу,
Опьянев земною красотою,
Попадает, как в капкан в строку.

...Кого ждала?

Я в дверь стучал —
Ты не открыла.
В окно стучался — тишина.
По небу бледному скользила
Слезой холодная луна.
А ты, за шторой ловко прячась,
Ждала, кривя в улыбке рот:
Кто постучится побогаче,
Кто красивей меня придет.

Спешат девчонки на свиданье

В весенний сад,
В вечерний сад,
Без опозданья,
Без опозданья
Несут на кофточках закат —
Девчонкам хочется вниманья,
Девчонкам хочется любви.
И как признанье,
Как признанья,
Звенят веселые ручьи.
А парни вновь на стадионе
До ночи режутся в футбол.
И всем влюбленным, огорченный
В ворота бьют за голом гол.
Над садом лунное сиянье —
Играют сполохи в ночи.
Идут девчонки со свиданья,
Несут футбольные мячи.
Девчонки тешутся признаньем,
Девчонки нежатся в любви.
Как оправданье,
Как оправданье,
Сбегаясь, шепчутся ручьи.

✧✧✧

Уходишь
Уходи!
Но не терзай мне душу.
К любви тропинки нет у нас назад.
Ведь издавна
Пожар пожаром тушат,
А пепелища, знаешь, не горят.

✧✧✧

Общипали березку поэты.
Нечем зябкое тело прикрыть.
Кто?
Когда перед миром ответит
За такую бездарную прыть?
И стоит она тихо, вздыхая,
Как забытая Богом вдова.
И уже сединою сверкает
Золотая ее голова.
А с гольцов валом катится стужа,
Юркий ветер листву ворошит.
И мороз леденит ее душу,
И мою, как наркоз леденит.

Не жалей меня...

Не жалей меня, не надо.
Я к такому не привык.
Остаюсь в душе солдатом,
Не обозник — фронтовик.
Годы юные — окопы.
Ни тропиночки любви...
Протянулись по Европе
Обагренные, в крови.
И девчонки к нам связными
Шли на встречи, в жаркий бой.
И доныне Мать-Россия
Ждет напрасно их домой.
Целовали — пули в губы,
Горячо — осколки в грудь...
Не успел влюбиться любый...
А влюбился — позабудь!
Не жалей, ведь я — мужчина.
Полукавь... и потоскуй...
Не целуй меня в морщины —
Лучше в губы поцелуй.

✧✧✧

Начальник, примите билет.
Мои отстучали вагоны.
Последний мой друг похоронен,
И верных товарищей нет.
Начальник, примите билет.
На гребне исчезнувших лет
Зачем мне искать приключенья?
Найду в тишине я забвенье...
Начальник, возьмите билет.

Стихи, стихи

Стихи, стихи,
Они, как дети,
Ночами спать мне не дают:
Весною будят на рассвете,
В поля осенние ведут.
И в колках филином хохочут,
И плачут в небе журавлем...
Я, спотыкаясь, к ним по кочкам
Бегу, как мальчик босиком.
И росы черные ладонью,
И пью взахлеб вино зари.
И сердце раненое стонет,
Как стонут в роще глухари.

Курит вечер трубку золотую

Сергею Есенину

Курит вечер трубку золотую,
Трубочку Медведицы Большой,
Вновь гармони рощи атакуют,
О любви поют наперебой.
Взял бы ты сейчас свою гармошку,
Ахнул так, чтоб «вспыхнули» меха,
Чтоб черемух белая пороша
Зазвенела рифмами в стихах.
Только жизнь сурова и капризна,
С ней нельзя,
Как с модницей шутить.
Слишком рано ты ушел из жизни,
Слишком поздно начинал я жить.
Я, как ты, ожаленный крапивой,
Росами умытый на заре,
Выхожу к малиновым разливам
Слушать на закате глухарей.
Но молчат встревоженные птицы,
Прячутся в забоках за рукой.
А гармонь поет и голосится,
И звенит, и манит за собой.
Слышишь, слышишь?
На полях весенних,
Гулом распахнув степную ширь,
Земляки твои, Сергей Есенин,
Воспевают матушку-Сибирь.
Жизнь у них
Совсем, совсем иная
И иные песни на устах.
Не ревнуй, коль я их запеваю
На твоих лирических ладах.
А весну с размаху атакуя,
Увожу их в степи за собой.
Курит месяц трубку золотую.
Трубочку Медведицы Большой.

Тебе

Что тебе?
Версты или годы?
А может все смешалось враз.
А может просто непогода
И искры сыплются из глаз.
А может даль, звеня трубою,
Сзывает нас на грань ветров.
И я с другими — не с тобою
Читаю строчки проводов.
Морзянкою меридианов
Стучит в окошко серый дождь.
И чудится: в седом тумане
Ты напрямик ко мне идешь.
Идешь, тайгу обняв в охапку,
Зарывшись с челкою в ветвях.
И солнца огненные капли
Цветут веснушками в зрачках.
Звенели струны-параллели,
В куски кромсая тишину.
Как мне хотелось,
Как хотелось
Хоть раз в твои глаза взглянуть.
Но даль страницу за страницей
Листала молча без тебя.
Костры волшебные жар-птицы
Вздували новые друзья...
Летели леденея нарты
По белым «пятнам» ветровым.
Так открывалась жизни карта
И познавался мир иным.
Иным,
Как две строки полозьев,
Что не сойдутся никогда...
Мои немеренные версты,
Твои тревожные года.
А мне хотелось,

Как хотелось
Хоть раз в твои глаза взглянуть
На самой крайней параллели,
Где тропки сходятся в одну.

Я Пушкина читаю наизусть

Я с Пушкиным сроднился в колыбели.
При тусклом свете, в тишине ночной,
Мне пела мама под баян метели
О петушке и рыбке золотой,
Ходил, мурлыча сказки, кот ученый,
Спешил Руслан на битву с головой,
А после непоседой-мальчуганом,
С трудом пробравшись сквозь колючий лаз,
Я убегал тайком к толпе цыганей
И не спускал с Земфиры нежных глаз.
Она меня манила и пленила,
И уводила в степи за собой...
Ах, милая волшебница Земфира!
Где ты?
Откликнись!
Что стряслось с тобой?
Зачитанные Пушкина «Цыганы»
Я сквозь огонь,
Под пулями пронес.
И нет надежней в жизни талисмана,
Любви, свободы, юношеских грез.
Я мерз в окопах,
Утопал в болоте,
Горел на нейтралках в штыковых...
И Медный всадник,
Как орел в полете,
Вел нас вперед
Наследников своих.
Плывут года — кочевники туманы,
Все перепутав — и мечты, и грусть...
Я, поседевший, Пушкина «Цыганы»
Читаю, как мальчишка, наизусть.

Встреча поэтов

Зима.
Завьюжены дороги.
Нет ни посылок, ни вестей.
Кольцом свернувшись у порога
Спит кот,
Конечно, без цепей.
Шуршит в руках веретено
У верной нянюшки Арины.
И льются,
Как в бокал вино,
Времен таинственных былины.
Но Пушкин не сомкнул очей,
Плывут, плывут воспоминанья...
То бородатый Чародей,
То с Ленским нежная Татьяна.
И вдруг,
Не бред это, не сон,
Как первый гром
Над майской пущей,
Хлестнул волною медный звон
И на крыльцо «взлетает» Пущин.
Два друга юности и муз,
Под стать друг другу, как два брата.
Не разорвать их крепких уз
Ни подхалимству, ни утратам.
Всю ночь не гас лампадный свет.
Лилось вино, шипели пунши.
Поэту открывал поэт
Цензурой раненые души.
А возле ног мурлыкал кот,
Как в годы юности шальные.
И пламенел уже восход
Над пробуждавшейся Россией.

А Пушкину достойного все нет

На площади,
На жестком пьедестале,
С кудрявой непокрытой головой,
Стоит певец —
Венок российской славы,
Творец,
Отлитый в бронзу, как живой.
Над ним пророк
Ломает молний стрелы,
То зори зажигает,
То огни.
И песни,
Что тогда Земфиры пели,
Из уст его,
Поют и в наши дни.
У ног его поверженные столпы...
Уходит в ночь закат
Встает рассвет.
И множатся ряды поэтов...
Толпы...
А Пушкину достойного все нет.
...А, может, был?
И сколько их убили?!..

Прожитое нами не забыто

Тороплюсь надышаться зимою,
Белым снегом, белой тишиною,
Звонкой синью просеки пустынной,
Легкою метелью лебединой.
Ухожу в Заречье бездорожьем
Мимо припорошенных валежин
По следам лесную жизнь читаю
И опять о прошлом вспоминаю.
И опять встают передо мною
Сосны, обоженные войною.
Смертью продырявленные каски.
Это — память,
Это, друг, не сказка.
Прожитое нами не забыто.
Не забыты огненные дни...
Не шумите, люди, не шумите,
Дайте мне напиться тишины.

Матери

За все, за все, что жизнь ты мне дала.
Что няньчилась, ночей не досыпая,
Что сберегла от черствости и зла,
Моя родная, милая, седая.

Что без отца одна для семерых
Такую в сердце находила волю,
Что научила верить нас, босых,
В большое солнце и большую долю.

Что зиму, коченея, без огня,
Назло судьбе, суровей и капризней,
Такую песнь вдохнула ты в меня,
Что грудью стала ей не дом — отчизна.

За все, за все, чем в жизни дорожим,
За красоту душевную, большую
Я поклонюсь тебе, как сын,
Как гражданин.
И крепко трижды маму поцелую.

✧✧✧

Была любовь,
Была надежда,
Но кто-то кляузу пустил.
И ты поверила невежде,
И след твой снег запорошил.

Но я уверен: ты поймешь,
Что нас с тобою разлучило.
А если верх одержит ложь
Считай тогда, что не любила.

✧✧✧

Люблю!
О, сколько, сколько раз
Ты мне в забвенье говорила.
И позабыв, в вечерний час,
Сама к другому угодила.

Скрывал разгульный след туман,
В окно холодный дождь стучался...
Не доверяйся друг словам,
А только сердцу доверяйся.

Бабье лето

Казалось:
Ярким солнышком пригретой
Траву июльский обласкал туман.
А приглядѣлся:
Паутинкой лета
Сшивала осень желтый сарафан.

Ах, что наделали!

Ломают девушки
Красу-черемуху.
По локти самые
Ломают белую.
Ломают с хохотом,
Ломают с песнями.
Ах, что плохого вам
Я, люди, сделала?
Зарей румянилась,
В сережки ряжена,
Порой весеннею
Склонялась до полу.
Была порукою
Всегда и каждому,
Поземкой-скатертью
Стелилась по полю.
Теперь культяпой мне
Стоять над омутом,
Персты озябшие
Тянуть к луне.
Чем я укутаюсь
Зимой от холода?
И в полдень жаркий чем
Прикрыться мне?
Ломают девушки
Красу заречную.
Несут охапками
Красу загублену.
Куда придете вы
На встречу вечером?
Ах, эти девушки!
Ох, счастье хрупкое!

✧✧✧

Человека обидеть не трудно,
Человека обидеть —
Как спичку задуть.
Почему иногда
Даже умные люди
Теплых слов
Для других не найдут.

А скажи только
Доброе слово,
Нежным взглядом
Его одари,
В ночь уйдет
Целиною он снова
Хоть на полюс,
До самой зари.

✧✧✧

И моя в саду черемуха цвела
И меня моя любимая ждала.
И мои в лесу звенели ручейки,
И меня манили в поле огоньки.

И не помню, сколько дней с тех пор прошло.
Сад наш белым-белым снегом замело.
Заровняло все дорожки и следы
И к черемухе не так легко пройти.

А еще трудней, трудней найти тебя.
Где ты бродишь, моя песнь, моя судьба?
Ах, зачем я, не спросясь, поцеловал?
Радость девичью нежданно испугал.
Зимним вечером один стою в саду
Все надеюсь, все зову тебя и жду.

Не беда, что каруселится метель,
Стала втрое ты дороже мне теперь.
Ты вернись, вернись, любовь моя и песнь,
Без тебя моей черемухе не цвесть.

Куда летишь, мой маленький челнок?

Куда летишь, мой маленький челнок?
Нам не вернуть потухшего заката.
А впереди опять чернит порог
И все сильнее грохот водопада.

Все круче волны хлещут о борта.
Как кратеры черным-черны воронки.
Кругом кипит и пенится вода.
И гребни волн белят, как похоронки.

Кто ждет нас?
Что?
Ни звезд, ни огонька.
Швырнет на мель?
Иль погребет в пучине?
И выбросит обломки от челна
На стылый берег, голый и пустынный.
И снова взлет...
Паденье...
И... бросок!
Летит челнок кометой на порог.

Непоседа

Ах, какая ты непоседа!
Все торопишься, все спешишь.
Захватила бы все рассветы,
Всю бы выпила в поле тишь.

Все бы зори взяла с собою,
Износила бы на платках:
То с каемкою голубою.
То с отливом зарниц в кистях.

Обняла бы ветра косматые,
Приласкала бы, как могла.
То восходами, то закатами
По нелегкой земле прошла.
Оглядела бы все, потрогала,
Все пригубила бы на вкус.
Испытала бы в жизни многое,
Не испытывая грусть.

Согреваясь кострами молний,
Жаром верности горяча,
Зноем, стужею опаленная,
Кофту скинешь, отдашь с плеча.

И опять по коврам-рассветам
В дали-дальние поспешишь...
Обнимать беспокойный ветер,
Пить звенящую в поле тишь.

Нежность

Свежею ноябрьскою порою
Выхожу на зорьке за село.
Вижу дочка топает за мною,
Похрустывая ледяным стеклом.
— Ты куда?
— С тобою на оху.
— Без ружья?
— Нам хватит одного.
А на лбу горят крупинки пота:
Целиною топать тяжело.
Ну, туда-сюда еще мальчишка,
А с девчонкой — только маята.
- Засмеют.
— Читала б лучше книжки.
— Пусть смеются, экая беда.
— Тяжело без лыж в такую пору.
— Ничего.
— И платьице порвешь.
А она карабкается в гору,
Где и сам гляди что упадешь.
А она уже стучит по кедру —
— Папа, белка!
Видишь, у дупла?
Прячется, хитрущая, за ветки,
А ведь я ей сушку принесла.
Я к ногам двустволку опускаю:
— Пусть твоя красавица живет.
Так вот дочь, сама того не зная.
Огрубедь мне в жизни не дает.

Искры поэзии

Когда нальется соком плод,
Он сам на землю упадет.

✧✧✧

Какой бы сильной птицей не была,
Чтобы вспорхнуть,
Ей надо два крыла.

✧✧✧

Стихи, написанные кровью,
Не умирают никогда.

Кинжал

Он знаменитый тем и стал,
Что гравировкою сверкал
И никого не убивал.

✧✧✧

С любовью не играйте, как с игрушкой.
Сродни саранке хрупкая она.
Пофлиртовала в юности кукушка
И на всю жизнь осталася одна.

✧✧✧

Любовь не спутаешь ни с чем.
Она обрушится обвалом...

✧✧✧

Как часто мы друг друга обижаем.
Как мало, мало дружбой дорожим!

✧✧✧

Пусть кто-то посмеется надо мной,
Когда я плачу над чужой бедой.
И радуюсь, когда другие рады.
Тем в жизни я счастливый и богатый.

✧✧✧

Человек без любви,
Как земля без воды.
Очерствеет, покроется пылью.
Ни семьи, ни друзей...
Человек без любви
И ничтожен, и жалок,
Как птица без крыльев.
Я могу пережить
Непосильную боль и тоску,
Задыхаться от жажды,
Идти суховеям навстречу.
Только дня без любви
Я прожить не могу,
Без взаимной любви человечьей.

Оттепель

Клюют капели белые сугробы.
На белых ветках капельки горят.
И, будто дятел, мелкой, мелкой дробью
Весна стучится в двери февраля.
Не верь обманной нежности, не верь,
И не гонись по снегу за весною.
Едва пахнет холодная метель,
И все застынет сказкой ледяною.
Какие бури вновь заговорят!
Какие закружатся карусели!
О, если бы сугробы февраля
Встревожить мне в ладонях, как капелью.

Зависть

Стою.
И сделать шаг не в силах.
И оторвать не в силах взгляд.
Весна в ладонь мне уронила
Капель — бесценный бриллиант.
На солнце вспыхнула искрою,
Во всей весенней красоте.
Я позавидовал, не скрою,
Ее хрустальной чистоте.

Почему ты холодна?

В тот день, шальной от солнца,
Постучалась к нам весна.
Почему ты не смеешься?
Почему ты холодна?
То ли жаль с зимой расстаться?
То ли хмель весны пьянит?
Даже к солнцу,
Даже к счастью
Мы бываем холодны.

Голубень

Лето распахнуло перегоны.
Солнце набирает высоту.
Русь моя,
Скажи, кто не влюбленный
В девственность твою и красоту?!
Полюбуйся, как рассвет играет.
Плещется рекою голубень,
На ладонях волн качая чаек,
В небо запуская голубей.
Зорька зорьке натирает щеки,
Зажигает факелы жарков.
И зовут русалки на протоки
Вечно неуемных рыбаков.
Льется перелесков синь густая.
Лес пронизан белизной берез.
Русь моя, сторонушка родная,
Твой я, кровный
До корней волос!
И, вспорхнув, летит лебяжья песня,
Будоража синеглазый день.
До чего размашиста, чудесна
Русского раздолья голубень!

Попробуй, догони!

Снег похрустывает звенько.
Утро сцедит синеву.
Запрягай каурых, Женька
В расписную кошеву.

Застоялись чудо-кони,
Шеи-радуги — вразлет.
Нас и ветер не догонит,
Не догонит самолет.

А чтоб сердце не томило,
Пела вольная душа
В кошеве есть место милой —
Всем девица хороша.

Плещут косы,
Плещут гривы,
Ленты зорями — вразлет.
— Расцелуй меня, любимый!
Пусть нас финиш подождет.

Вьются вихри.
Мчатся кони.
Нас никто не перегонит,
Не изменит нам любовь.

✧✧✧

На перекрестках, ветром обуян,
Прямой тропы не выбирая
Бреду...
Куда?
И сам не знаю,
Как древний пушкинский цыган.
Иду в рассвет.
Куда вернусь?
Кипит в душе тоска открытий,
Живет во мне былая Русь.
Костров, курений и кибиток.
Все ощутить и все познать:
Скитанье, поиски, оседлость.
Мы тропку в мудрость открывать.
Все начинаем в жизни с детства.

✧✧✧

Я и поэт, и гражданин.
Мои стихи — моя стихия,
Во мне ручьями кровь кипит,
Ключи бушуют зоревые.
Я модной рифмы не ищу,
Ищу доходчивое слово
В веселом щебете пичуг,
В дремучих песнях зверолова.
Моя любовь — моя тайга,
Ее судьба — мои тропинки,
Ее тоска — моя тоска,
И радость — жгучие слезинки.
От этой близости порой,
Как от счастливейшей удачи,
Пою с ручьями я весной
И с журавлями вместе плачу.

Песня полярников

За полярным кругом
Вьюга, вьюга, вьюга.
Пятый месяц звезды
Просевают тьму.
За полярным кругом
Жить нельзя без друга,
Даже очень сильному
Трудно одному.

Нас в зимовье двое —
Я да «Миша» пингвин
Кем-то в шутку птицей
Названный давно.

И гляжу я с болью
На его бессилье
Ведь без перьев крыльям
Небо не дано.

Нет без неба птицы,
Нет путей без дружбы,
Цепенеет море
В ледяном плену.

За полярным кругом
Жить нельзя без друга,
Даже очень сильному
Трудно одному.

Между нами тундры
Белые страницы,
Сполохи-тропинки
Замели снега.

И опять твои мне
Грезятся ресницы,
И ласкает пингвина
Нежная рука.

Ни мороз, ни стужа
Не сломают волю,
Есть у веры крылья —
Сердце не в плену.

За полярным кругом
Жить нельзя без друга,
Даже очень сильному
Трудно одному.

Первый снег зимы

Сегодня все кругом бело,
Как будто стая белых чаек,
Крылами землю прикрывая,
Пленила сразу все село.

Стою, не смею наступить.
Такая девственность в природе!
Земля — в обнимку с небосводом.
Да только долго ль миру быть?

✧✧✧

Потеряешь друга,
Как отрубишь руку.
Потеряешь сына —
Нет обеих рук.
А схоронишь мужа,
Нет страшнее муки,
Нет темнее ночи,
Нет больней разлук.
Спазма давит горло.
Утешать не надо.
Отгорит, затухнет,
Притупится боль...
В мире не бывает
Жизни без утраты.
Зарубцует раны
Слез горячих соль.

Любите жизнь

Мы все спешим, торопимся куда-то,
Не замечая пестроту годов,
А за спиной горят, горят закаты,
Как тысячи кочующих костров.
Мы, словно птицы, рвемся к солнцу ввысь,
Не зная, где полет наш оборвется.
Любите жизнь
И берегите жизнь!
Она нам всем один лишь раз дается.
Как тысячи кочующих костров
Горят над нами маками рассветы.
Бушуют весны зеленью садов,
А мы спешим, спешим, торопим лето.
И, словно птицы, рвемся к солнцу ввысь,
Не зная, где полет наш оборвется
Любите жизнь
И берегите жизнь,
Она навм всем один лишь раз дается.
А мы спешим, спешим, торопим лето,
Не замечая осени приход.
И хлещет нас в лицо холодный ветер,
И град сечет, и снегопад сечет.
А мы спешим, спешим, проходим мимо
Друзей своих и сверстников своих.
И, тушим хмурясь, свет в глазах любимых,
И тосты поднимает за других.
И, словно птицы, рвемся к солнцу ввысь
Не зная, где полет наш оборвется.
Любите жизнь
И берегите жизнь!
Она нам всем один лишь раз дается.

Ты люби меня, люби!

Ты люби меня, люби!
Не взирая на морщины.
Не отсевок я судьбы,
А по всем статьям мужчина.
Погляди, как бабьим летом
В сад торопятся шмели.
Значит есть еще секреты,
Что открыть мы не смогли...
Чем таинственней и дольше
В жбанах крепится вино,
Тем хмельней оно и горше...
Пить не каждому дано.
Не криви, как сабли, брови,
Рук моих не отводи.
Бес — под ребра...
Бог — с любовью.
И зимой цветут цветы.

✧✧✧

У каждого есть родина своя:
Кто бредит морем,
Кто грустит о нивах,
А для кого метелка ковыля,
Как воздух,
Как любовь, необходима.
Я обхожусь без шумных городов
И о приморских пальмах не скучаю.
Но без березки русской под окном,
Мне кажется, земля пустая.

Пробуждение

Я тебе благодарен.
Сто раз благодарен.
Не за письма,
Что вновь я читаю впотьмах.
За короткие встречи
У первых проталин,
За тоску нецелованных глаз.
Пусть не все...
Пусть пока это тайною будет,
Светлой тайной
Мужской неуемной любви.
Ты придешь...
Ты меня, непременно, разбудишь,
Ведь другой не была
И не можешь быть ты.

✧✧✧

Сколько было у тебя веснушек!
Где?
Куда попрятались они?
Мне в ответ смеется хохотушка:
На себя ты в зеркало взгляни.
Я гляжу, и сам себе не верю:
На губах веснушек карнавал.
Я забыл,
Что каждый, каждый вечер
Девушку в веснушки целовал.

Попробуй, догони!

Снег похрустывает звенью.
Утро сцедит синеву.
Запрягай каурых, Женька
В росписную кошеву.

Застоялись чудо-кони,
Шеи-радуги — вразлет.
Нас и ветер не догонит,
Не догонит самолет.

А чтоб сердце не томило,
Пела вольная душа,
В кошеве есть место милой,
Всем дивчина хороша.

Плещут косы,
Плещут гривы,
Ленты зорями — вразлет.
— Расцелуй меня, любимый»
Пусть нас финиш подождет.

Вьются вихры,
Мчатся кони,
Блещут радуги подков.
Нас никто не перегонит,
Не изменит нам любовь.

✧✧✧

Цыганка мне невзгод не ворожила,
А в жизни вышло все наоборот.
Меня в бою навылет смерть прошила
И, в ров швырнув, землей забила рот.

А санитар, взглянув мельком на рану,
Вздохнул, прикрыв сквозную рукавом,
И даже не разматывая марли,
Ушел за наступающим полком.
Я не в обиде на солдата-парня,
Он знал:
Вперед убитым не идти.
Он экономил, как патроны, марлю,
Чтоб там, в бою,
Другому жизнь спасти.

Когда, бывает, жизнь меня обманит,
И в ров, смеясь, безжалостно швырнет,
Я только зажимаю крепче рану
И верю: будет все наоборот.

Предзимье

Холодный ветер обрывает листья,
От гнезд родных торопит птиц на юг.
Дай, милый друг, твоих коснуться рук,
Как дни летят,
Как жизнь проходит быстро.
Давно ли ты девочкою была?
На зорьке торопилась на свиданье,
И каждый жест твой
Был моим желаньем,
Ах, как тогда чяеремуха цвела!
Но время стерло юности красу,
Как зной июля выжигает травы.
Дрожат седые прядки на весу,
О, бабье лето,
Как оно лукаво!
Уже скандалят дворники — ветра,
Сметая в кучи летние наряды.
И у чужого встретившись костра,
Мы тянемся к нему, как дети рады.
Кругом шумит, играя, детвора,
Проходят мимо парочки под руки,
Швыряют тучи блески серебра,
Как неизбежный талисман разлуки.

✧✧✧

Сколько в жизни интересного
Начиналось у нас с тобой.
Робким взглядом
И робкой песней,
Хрупкой звездною тишиной.
Начиналось
И обрывалось,
Сердце стискивало в кулак.
Ты над книгою молча склонялась,
Я, нахмурясь, курил табак.
А за окнами без умолку
Будоражила мир весна.
И мелькали девчонок челки,
Нацелованных до красна.
Недопетую нами песню
Кто-то пел на свои лады
Самой робкой
И самой нежной,
И упрямой,
Такой, как ты.

Долю я завидную ищу

И все не так...
Разборы, разговоры...
Хочется всю жизнь сбела начать.
Как хочу на зимних я озерах
Лебедей на зорьке повстречать!
Знаю, в жизни многого не сделал,
Не хватило ловкости, ума...
Вот и сеет в решетах метели
Просо недоспелое, зима.
И опять
Ветрами весь просвищен,
Я тома, и память ворошу,
И на доле перелетной птичьей
Я своей завидую, ищу.

✧✧✧

Упала ягодка —
Росток пробился к солнцу.
Орех уронит белка — кедр взойдет.
Из семечка — подсолнух расцветает,
Зерно потерянное — в колос отольется.
По капле, каплей
Землю поит дождь.
Лучи рассеются —
И озарит сиянье.
Как жаль!
Осознаем мы с опозданьем,
Что друга потеряешь -
Не вернешь.

Кто?

Серые дали,
Ворчанье ветров,
Шелест листвы под ногами.
Думы твои мне понятны без слов,
Третий стоит между нами.

Больно ревнивые струны задел,
И ускользнул по-налимьи.
Поездом скорым ноябрь налетел,
С севера — склочник предзимний,

Чайки

И моя кружилась в небе чайка.
Рвалась к солнцу,
Билась в облаках,
Кувыркалась с криком над лужайкой,
Челноком взлетала на волнах.
И крылами белыми манила,
И звала: «Скорее полетим!
К берегам заманчивого Нила,
К северным озерам зоревым!»
Как была доверчивая птица!
Ах, зачем такой ты была?!
Белый пух над омутом кружится,
Над пучиной алчности и зла.
И сочатся сукровицей зори,
Раненым крылом повис закат...
Вьются чайки,
Чайки с ветром спорят,
Чьи-то чайки к полюсу летят.

Долю я завидную ищу

И все не так...
Разборы, разговоры...
Хочется всю жизнь сбела начать.
Как хочу на зимних я озерах
Лебедей на зорьке повстречать!
Знаю, в жизни многого не сделал,
Не хватило ловкости, ума...
Вот и сеет в решетах метели
Просо недоспелое, зима.
И опять
Ветрами весь просвищен,
Я тома, и память ворошу,
И на доле перелетной птичьей
Я своей завидую, ищу.

✧✧✧

Упала ягодка —
Росток пробился к солнцу.
Орех уронит белка — кедр взойдет.
Из семечка — подсолнух расцветает,
Зерно потерянное — в колос отольется.
По капле, каплей
Землю поит дождь.
Лучи рассеются —
И озарит сиянье.
Как жаль!
Осознаем мы с опозданьем,
Что друга потеряешь -
Не вернешь.

Кто?

Серые дали,
Ворчанье ветров,
Шелест листвы под ногами.
Думы твои мне понятны без слов,
Третий стоит между нами.

Больно ревнивые струны задел,
И ускользнул по-налимьи.
Поездом скорым ноябрь налетел,
С севера — склочник предзимний,

Чайки

И моя кружилась в небе чайка.
Рвалась к солнцу,
Билась в облаках,
Кувыркалась с криком над лужайкой,
Челноком взлетала на волнах.
И крылами белыми манила,
И звала: «Скорее полетим!
К берегам заманчивого Нила,
К северным озерам зоревым!»
Как была доверчивая птица!
Ах, зачем такой ты была?!
Белый пух над омутом кружится,
Над пучиной алчности и зла.
И сочатся сукровицей зори,
Раненым крылом повис закат...
Вьются чайки,
Чайки с ветром спорят,
Чьи-то чайки к полюсу летят.

Гимн космонавтов

Готовы к полетам стоят звездолеты,
Друзья космонавты сошлися в кружок,
В минуту разлуки обнимимся, други,
Наш путь и тяжел, и далек.

Припев:

Мы космонавты,
Одна семья,
Луна — сестра нам,
А мать — земля.
Куда бы нас ни завели
Чужие дальние миры,
К тебе вернемся мы, земля,
И снова встретимся друзья,
Иначе космонавтом быть нельзя.

С улыбкой Венера откроет нам двери,
Сатурн увенчает нас звездным кольцом,
Вдали от России, посланцы земные,
Мы гимн космонавтов споем.

Припев:

Мы новые трассы откроем для счастья,
Пройдем по столицам заоблачных стран
И вымпелы наши, как братские чаши,
По кругу пойдут марсиан.

Припев:

Пусть черные думы не хмурят колумбов,
Одни мы не будем в туманной дали.
У страха и смерти мы вырвем бессмертье
Во славу родимой земли.

Вернутся с полета назад звездолеты,
Друзья-космонавты сойдутся в кружок.
И вспомнят ребята о лунных закатах
И яркие звезды рассыплют у ног.

Припев:

Мы, космонавты,
Одна семья,
Луна — сестра нам,
А мать — земля.
Куда бы нас ни завели
Чужие дальние миры,
К тебе вернемся мы, земля,
И снова встретимся друзья,
Иначе космонавтом быть нельзя.

И сон, и явь

Мне часто снится по ночам
Один и тот же сон тревожный:
Ко мне спешишь ты бездорожьем
По черным выжженным полям.

Трущобой лезешь напролом,
Изранив в кровь и грудь, и шею.
У ног плетями вьются змеи,
И рыщут лешие кругом.

А я, в метелице огня,
Бреду трясиной по болоту
И губы жжет горячим потом...
Так целовала ты меня!

Тропинка

Зачем куда-то я спешил,
Из сил выбивался в дороге?
А счастье?
Вот оно — у ржи
Тропинка к твоему порогу.

Капризы жизни

Стал похож я на шамана.
Редко бреюсь и стригусь.
Нету денежек в кармане,
Обеднела наша Русь.
Если так пойдет и дальше,
Не житье — сплошной садом.
Бородищу разукрашу
И пойду служить попом.

Все пройдет, останутся стихи

Не всегда и в виденное верится.
Глохнут в зимнем мороке шаги.
Все пройдет,
Все снова переменится,
Все пройдет,
Останутся стихи.
Иногда мальчишкой босоногим
Мне не мять уже кукушкин лен,
Не бродить с девчонкой-недотрогой,
Не плясать с луною под гармонь.
Не мои в июле перепелки
Отбивают зори на лугу.
Просвистела пулею и смолкла
Юность, оборвавшись на скоку.
И над тропкой, выбитой протезом,
Кружатся пороши лепестки...
Все пройдет...
Исчезнет дымкой вешней.
Все пройдет — останутся стихи.

✧✧✧

Ты встретилась мне поздно на пути,
Как сходятся осенние дороги.
Куда в такую непогодь идти?
Уже зима седая у порога.
Ах, думы, думы!
Сколько бы не думал,
Былое не догнать и не вернуть.
Не мне пьянеть в лесу
Весенним шумом,
Не мне купаться в зелени по грудь.
Осенний луг припорошит зазимок,
Уйдет к веринам первая лыжня.
Уже не я,
Другой промчится мимо,
На перевалах песнями звеня.
Всю ночь в окно
Холодный дождь стучится,
Сердитый ветер
Гонит птиц на юг.
И грезятся мне
В инее ресницы
И пальцы зябкие твои усталых рук.

А МНЕ МИЛА ОСЕННЯЯ ПОЛЯНА

Кремль

Кто-то выдумал очень красиво.
Кто-то видел намного вперед
И размах, и стремленье России,
И грядущего времени взлет.

Кто он был, этот древний мечтатель?
Циалковский сермяжной Руси,
Что сумел топором и лопатой
Башни-стрелы до звезд вознести.

Кто он был?
Разве это ли важно.
Кто бы ни был — он прадед был мой.
Как и я с негасимою жаждой
Мирно жить под Полярной звездой.

Тягу к солнцу и тягу к свободе
Он и в камне сумел воплотить.
Кремль ракетой, готовой к полету,
На часах у столетий стоит.

✧✧✧

Я белым журавлем
Взовьюсь под облаками,
И с высоты, рассеяв ночи тьму,
Огромный мир пробитыми крылами
В последний раз, прощаясь, обниму.
На каждый бугорок,
Омытый братской кровью,
На братские в почете и в миру,
В молчанье приклонясь у изголовья
Вплету в венки по звонкому перу.
И павшие,
Стряхнув вириги тленья,
Вернутся к нам на радостях весны,
И станет явью торжество-мгновенье
На лоне красоты и тишины.
И белым журавлем
Опять взовьюсь я в сини,
Крылами обниму сверкающий простор.
А упаду...
Заройте рядом с ними...
Пусть лучше смерть,
Чем распри и позор.

Гордость

Пусть сыновьями хвалятся другие,
У меня есть дочери, и мне
Первые букеты полевые
Девочки приносят по весне.

Это их по праздникам открытки
В адрес мой приносит почтальон,
И меня, как будто знаменитость,
Срочно вызывает телефон.

Я иду по солнечным разливам,
Не скрывая гордости своей.
Я — отец!
Счастливый из счастливых
Будущих России матерей.

✧✧✧

Едва заметной тропкою,
Где лютики цветут,
Меня, девчонку робкую,
Малиновки зовут.

Кукушки-беспризорницы
В перистую траву
Бросают колокольчики:
Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Ку-ку и даль аукнется,
Ку-ку и лес замрет.
Кукуй, пока кукуется
И рожь не отцветет.

Жаль

Давно известно: два медведя
В одной берлоге не живут.
Скворцы в скворешнике с рассвета
Семейный создают уют.
Летит на землю пух, солома,
Клочки бумаги и тряпья.
Все, все, что накопилось в доме
У эконома-воробья.
А мне, признаться, жаль беднягу,
На вид невзрачный, сер и мал.
Он с нами мерз и пел, и плакал,
Но за теплом не улетал.
Судьбой неласковой гонимый,
Он вновь под стрехой строит дом.
И не одну, бедуя, зиму
Мы с ним еще переживем.

Я — природы открытой дитя

Я — степняк.
Я не городом венчен.
Я — природы открытой дитя.
Как ребенок пытлив и доверчив,
И цветы мои — горсть ковыля.
Каждым вздохом
И каждою жилочкой
Я пронизан и связан с землей,
И мои с ней утраты, и выручки,
И надежды, и веры моей.
Я за час городскою толчеею
Ошарашен,
Стою сам не свой,
И рекламы, как кисти кипрея,
Шелестят, шелестят предо мной.

Тулуп

В углу висел не нужный никому,
А вот сегодня
Все руки тянутся к нему,
Как модно!
Немного только надо подвернуть
Наружу шерстью.
И к рукавам прибавить ворсу чуть
По-бе-ло-снежней.
Не шуба — шик!
В селе, в округе всей,
На зависть!
Не в шутку я, пожалуй, в ней
Прославлюсь.
Гляжу на модницу.
Поверьте, я не пьян,
Передо мной
Не шуба, не тулуп — живой баран
Вниз головой.

Леший

Был и я той лаской отмечен.
С длинной, длинной белой бородой
Зыбку деревянную весь вечер
Он качал костлявою рукою.
А когда на небе месяц ясный
Выплывал серебряной ладьей,
Начинал рассказывать он сказки,
Старый мой,
Хороший леший мой.
И в тревожных детских сновиденьях
Видел я то бабушку Ягу,
То в высоком тереме царевну,
То богатырей на берегу.
И сейчас, давно уж не мальчишка,
В годы окунувшись с головой,
Я ищу,
Ищу не только в книжках
Лешего с седою бородой.

Колыбельная внуку

За окошком — скрипка-вьюга,
Раскачала ночь-ладью.
Колыбельную для внука,
Как умею, пропою.

На лисиных тонких лапках
Бродит бабушка-зима.
Вяжет красненькую шапку
Внуку-первенцу сама.

Шарфик беленький, пушистый
Приготовила давно.
И стучится, и стучится
Беспокойная в окно.

Спи, внученок,
Спи, орленок,
В небе звездочки зажглись,
Наберешь в гнезде силенок
И орлом взовьешься ввысь.

Вскинешь радуги на плечи,
Свяжешь зори кушаком
И метелицам навстречу
Полетишь, покинув дом.

Может быть, в пути далеком
Ты откроешь звездный рай,
Но родимого порога
Никогда не забывай.

Может быть, тропой отвесной
Ты пойдешь, взрывая тишь
Звонкой бронзой, модной песней
Над землею прозвенишь.

Спой, что нами не допето,
Оборвались на скоку,
И за прадедов, и дедов,
Захороненных в снегу.

Бродят сказки возле дома,
Ночь баюкают — ладью.
Спи, внучонок,
Спи, орленок,
Баю-баюшки-баю...

Белорусский сибиряк

Памяти друга
Старовойтова Николая
Григорьевича

Вот и оборвалася дорожка.
Закружилась у кольца берез.
Бугорок запудрила пороша,
Бархат хвои,
Ситец скорбных роз,
С плеч свалились будничные ноши:
Как прожить?
Как уберечь посев?
Верный друг,
Товарищ наш хороший,
Как тебя нам не хватает всем.
Теплоты, приветливого взгляда,
Неуемных, деловитых рук.
Ты всегда, везде был с нами рядом,
Крестьянин и кандидат наук.
Каждый колос, каждую травинку,
Как жену, готов был целовать.
И лучились на глазах морщинки,
И из глаз струилась синева.
Надо сделать лучше и добрей.
Чтобы нивы раньше наливались,
Были зерна тверже и крупней.
Чуть весна пригреет — утром в пчельник
Золотые ульи открывать.
У тебя всегда был понедельник,
Труд и книжки — в жизни благодать.
Верный друг!
Ты был мне самый близкий
В жизни крепко связаны судьбой,
Ты родился в хуторе под Минском,
Я был ранен за Березиной.

А сейчас, в тени сибирской рощи
Оборвался твой до срока путь.
Ветер траур шелковый полощет,
Капли-слезы падают на грудь.
И весною труженицы-пчелы
Поцелуют твой тяжелый крест.
Спи спокойно, побратимый Коля.
Сибиряк из белорусских мест.

Чудо мед

Павлу Петровичу Форис

По полям, по руслам улиц
В тундру катится зима.
Открывай скорее ульи —
Восковые терема.
Зашумел народ крылатый.
Распахнись краса-весна!
Каждый кустик, цветик сада
Расцелует докрасна.
Нарасхват цветы и зори
Шумных пойм и мирных дач.
Хлопотливый Павел Форис
Улыбается, как врач.
Лечит пчелок,
Лечит маток.
Ни минуты без хлопот.
Чтоб была хорошей взятка —
Испытай соленый пот.
Собирает чудо-нектор
Вольных пашен и лугов.
Проживет до ста и... двести,
Кто попробует его.
И поют лотки, как струны
День не молкнут — напролет.
И течет в бочки-лагуны
Золотой с искринкой мед.

Ах, что наделали снежинки!

В руке последние снежинки,
И не растаяли...
И вот,
Мешаясь с утреннею синькой,
Меж пальцев капелька течет.
Капель к капелю — ручеек,
Ручей к ручью — поток гремучий.
Летит без тропок и дорог,
И кувырком —
К оврагу —
С кручи.
Поет, бунтует и шумит,
Как дьяк набравшись на поминках.
И ворон каркает в зенит:
«Ах, что наделали снежинки!»

Последний снег

Зима не сдается —
Пуржит и пуржит.
По-волчьи ночами
Гнусавят метели.
Скрестила природа
Не в шутку ножи
Зеленые,
Синие,
Белые.
А утром на поле,
Где скатертью снег
Упал, придавив
Чуть заметные всходы,
Безропотно сдавшись
На милость весне,
Снег таял на лапках
Гусей перелетных.

✧✧✧

Снова я весну встречаю, снова,
Молод, как полсотни лет назад.
За село с гурьбой белоголовой
Трактора спешу я проворжать.
По грязи, по залитым кюветам
До зари спешу в поля уйти,
Чтобы горсть земли, костром согретой,
Зачерпнуть из первой борозды.

Из детства

Хожу у речки день-деньской
С ножом, с веревочкой плетеной.
Дрожащей детскою рукой
Срезаю веточки зеленые.
А вербы тянутся ко мне,
Хотят со мной поцеловаться,
Мохнатых выпустив шмелей,
От солнца пьяные, от счастья.
А мне, а мне не до красы —
Пустое брюхо подтянуло.
Блестит холодный нож, блести,
К ногам сметая вербный улей.
Я на базар несу весну,
Связав ее, как пленницу.
Сам на людей боюсь взглянуть,
Боюсь знакомым встретиться.
На грязной площади народ
Шумит, что в поле ветер,
В ладонь сует мне всякий сброд,
Потертые монеты.
А в стороне,
А в стороне
Звенят девчонки бусами.
— Нашла помощника весне,
Грабителя И-ИСУСА.
Я в грязь швыряю пятаки:
— Дарю на счастье вербу!
Я целый день мечтал купить
Кусок ржаного хлеба.

Мне пить вино Богов не довелось

Сергею Ставеру

Мне пить вино Богов не довелось.
Перед атакой
Сто московской нашей.
Чтоб шел под пули,
Не сгибаясь, в рост,
И не дрожал, как заяц в рукопашных.
Я не хвалюсь:
Бывало, и не раз,
В шрапнельный ливень
И в свинцовый ветер
Сто граммов горькой
Выводили нас
На огненные рубежи Победы.
И только что в отбитом блиндаже,
Мы не вино богов —
Глотали водку.
И о солдатском подвиге уже,
Как ласточки весны, летели сводки.
И ни к чему надуманность поэта —
Стихи земною силой хороши.
И за ошибки наши, и победы,
Давай, «московской» выпьем от души.

Последний поцелуй

Мой старый друг,
Мой верный друг Трезор.
Тебе ли знать своим умом собачьим,
Что жизнь твоя угасла, как костер,
Да и моя угаснет не иначе.
В глазах туман...
Прибоя шум в ушах...
Тебе, наверно, чудится на зорьке,
Вздыхая запах ряски в камышах,
Сидим мы в небо, выставив двустволку.
Сидим и ждем.
Чу! Шелест крыл.
И вот фонтаны брызг,
Звеня, взлетели к небу.
Ударил гром...
И смерть скривила рот,
Не пить зари,
Не есть тебе уж хлеба.
Прощай, мой друг!
Прости, в чем был не прав я,
Что мог я все делил, не забывал.
И вздрогнул пес
И языком шершавым
Последний раз меня поцеловал.
Густой туман застлал потухший взор.
Слеза застыла на щеке собачьей.
Угасла жизнь...
Потухла, как костер.
Да и моя угаснет не иначе.

Проказы зимы

Вчера был день погожий,
Теплый.
А ночью бешеный с полей
Ворвался ветер с воем, с воплем,
Пугая маленьких детей.
Перекрутил и все взъерошил,
К рассвету обломал рога,
Улегся мягкою порошей
На опустевшие луга.

✧✧✧

Мороз сковал и речки, и озера.
Позвенькивает стылая земля.
На голых ветках инея узоры,
Укрылись белой скатерью поля.
Все тяжелей сугробы-одеяла
Натянута струною тишина.
А в проруби, как на Иван-Купала,
Всю ночь русалкой плещется луна.

Мои учителя

Они учили нас азам науки,
Вели в миры от школьного стола.
А в трудный час
Винтовки взяли в руки,
Ушли на фронт мои учителя.
И та, в бою,
Где жизнь — одно мгновенье,
Собрав в порыв
Всю красоту души,
Они нас поднимали в наступленье
И падали...
И снова рядом шли!
И падали,
И поднимались снова,
Свой трудный долг,
Исполнив до конца.
Каким огнем,
Какой, какой любовью
Пылали их горячие сердца!
Быть может, поздно,
Может слишком поздно
Не все,
Не все вы слышите меня,
Я вас прошу
За все, за все, что можно,
Простите вы меня, учителя.
За буквари в каракулях и кляксах,
За пущенный в окошко снежный ком...
Я вашим был —
Какое это счастье!
И вашим остаюсь учеником.

Я прошу вас...

Разное о ней болтали люди,
Чтоб свою жестокость оправдать.
И рубили не щадя повсюду,
На кострах сжигали — не унять.

А она зеленою щетиной
Поднимала снова пустыри,
По весне пьянила гулом синим,
Зажигала в августе костры.

Знаю, возле них мне не согреться,
Буйной мне косы не ворошить...
Но прошщу вас уберечь в наследство,
Хрупкую осинку сохранить.

Мне радость свою не унять

Последняя стая покинула плесо,
Последняя песня умолкла вдали.
Сбежались на взгорок проститься березы,
Осинки на берег проститься пришли.
А птицы кружатся, рыдают и плачут,
Им в тучах дорогу к чужбине искать.
Ах, если бы, если все сделать иначе...
Родимую землю крылами обнять.
Я тихо плыву по пустынному плесу,
Холодные волны шуршат за бортом.
И осень седые пушинки разносит,
И что-то поет в тростнике о своем.
Я тоже пою, задыхаясь сквозь слезы,
И в грусти мне радость свою не унять.
Ни мне, ни осинкам, ни этим березам
Не надо в чужие края улетать.

Осень

Что осень?
Капризная серая осень.
То слякоть,
То ветер,
То дождь.
Мне хочется очень,
Мне хочется очень
Увидеть тебя,
Да ведь ты не придешь.
Да, ты не поймешь,
Как порой не хватает
Твоих нецелованных
Маленьких рук.
А дождик идет,
И листва облетает,
И скоро зима
К нам заявится, друг.
А ты не поймешь,
Как холодною ночью
Зову я,
Ищу твои губы во сне...
Как хочется очень,
Как хочется очень
С тобою одной
Мне побыть в тишине.
Как ты,
Распустив золотистые косы,
Бесшумно подходишь
К кровати моей...
Что осень?
Капризная серая осень...
Не надо и думать о ней.

Сверстнику

Из какого, скажи, металла,
На какой наковальне, скажи,
Нам тела и сердца ковали.
На каком огне обожгли?

Знать, не даром нас жизнь трепала,
Обрывалась по двадцать раз.
Как израненных генералов,
Выносили из боя нас.

Но в шрамах,
В рубцах,
В ожогах
На поверку вставали — готов!
Нам роптать на судьбу негоже,
Мы любимы и любим вновь.

Любим девушек,
Жен
И песни,
С сентябрем перезвон весны.
Мы легко проживем по двести
Да по триста — возьмем взаймы.

Мы судьбы своей генералы.
Мы векам открываем двери.
В нас по двести процентов стали,
И по триста —
Связанных нервов.

✧✧✧

Ты думаешь, легко писать стихи?
Ты думаешь, они приходят сами?
Ты спишь, а я бессонными ночами
Петляю по извилинам строки.
Она со мной играет, как с юнцом
Поманит
И мелькнет в протоке рыбкой,
И я бреду, наощупь, с костылем
И делаю ошибку за ошибкой.
И падаю в щетину ковыля,
Лежу часами, сделать шаг не в силах.
И слышу, как шевелится земля.
И стонут в полночь братские могилы.
И храп коней,
И скрежет гусениц,
И детский вопль, молящий о пощаде,
И хохот торжествующих убийц,
И хруст костей.
И лязг,
И треск прикладов...
И выступает кровь из-под ногтей,
И раны открываются от боли,
И крик души, снаряда тяжелей,
Пластом ложится на тетрадном поле.
И не видать мне в жизни тихих дней.
За все казниться — вот удел поэта.
Стихи, стихи!
Как плеть от плети — дети,
Чем неудачней, тем они больней.

Находка

Нашел пастух однажды
Яйцо среди берез.
Находку ту на счастье
Пастух домой принес.
Под курицу-хохлатку
Его он положил.
От курицы украдкой
Его он ворошил,
Чтоб тумаком не стало,
Чтоб вывелся птенец,
Какого не видали
Ни прадед, ни отец.
И вывелся желанный —
Ни пуха, ни пера.
Глядеть его сбежалась
Вся наша детвора.
— Ай, ай, какие когти!
— А клюв?
— Совсем крючком!
— Такого не прокормишь
Ни хлебом, ни пшеном.
Но говорят в народе:
Урод, да не чужой —
Его хохлатка водит
Повсюду за собой.
Она ему букашек,
Ему и конопля,
А он голодным взглядом
Косится на цыплят.
А в дождик заберется
Квакушке под крыло.
Среди цыплят пушистых
И коршуну тепло.
Пастух ему из леса
То суслика, то мышь.
Смеется вся деревня

«Хорош растет малыш!»
Ликует долгожданный:
По всей ограде пух.
От страха в конопляник
Сбежал драчун-петух.
Сынок уж больше мамы
Растет как по часам.
Сечет зарю крылами,
Взирает в небеса.
И рослый, и красивый —
Хоть в город на показ.
С хохлатки хлопотливой
Не сводит жадных глаз.
Щелкает громко клювом,
Сверкают когти — сталь...
Уж осенью пахнуло,
В тумане скрылась даль.
Судачат о доходах
Встречаясь мужики,
Чьи уточки с приплодом,
Чьи толще боровки.
И наш пастух со словом
Не тянется в карман.
— Мой коршун во! Бедовый!
Сродни, видать, орлам!
К тому ручной, как клушка.
Э! Надо понимать...
Мы скоро с ним рябушек
Начнем в боку считать.
Их ныне всюду уйма,
Озолочусь, пойми.
Смеются, тугодумы,
Хихикает Ефим.
С такой вот вечеринки
Шагал пастух домой.
Заря костром рябины
Пылала за рекой.
И за село, в таежку,
Теряясь в облаках,
Летел хваленый коршун
С хохлаткою в когтях.

Остались средь ограды
Мышей — полевок пух.
Да кости от цыплят
И... в дураках пастух.

Скрипка

Ны пыльной полке в магазине
Лежит забытая она.
Сплетает время паутину,
На струнах стынет тишина.

В ходу балтуньи-балалайки,
Гармошки-хромки — нарасхват.
На верхней полке среди маек
Попробуй молча пролежать.

Ей бы туда, где снег по пояс,
Где от костров зажжен рассвет,
Где позабыли о покое,
Где дня без песен жизни нет.

Свои ребята-лесорубы
На зов ее гурьбой придут.
Одни, взгрустнув, прикусят губы,
Другие тихо подпоют.

И на заснеженных полянах,
На ленты расхватав зарю,
Девчонки закружатся в танце,
Аж звезды вспыхнут на ветру.

А на морозе станет жарко,
Как будто вновь пришла весна.
— Подайте скрипку — просит парень,
Она, как воздух мне нужна.

Стоит на столе журавленок

Январская вьюга со звоном
Стучится, стучится в окно,
Стоит на столе журавленок
Стоит, недвижимо, давно.

Как черное солнце пластинка
Спирали незримо вьет.
О птице, свободной и сильной,
Артист вдохновенно поет.

Стоит на столе журавленок,
Седой, в папиросном дыму.
Не надо ему уже солнца
И неба не надо ему.

На крыльях сухих не подняться,
Слепому не взмыть в облака,
Короткое птичье счастье
Стреножила пуля стрелка.

А черное солнце кружится,
Артист вдохновенно поет.
Иссохшее чучело — птиц
Мне сердце до боли клюет.

Стоит на столе журавленок
Один, в папиросном дыму,
Не надо ему уже солнца,
И неба не надо ему.

✧✧✧

Слишком рано испытал я горе
Потому, наверное, и сейчас
Не могу ничьей я слышать плачь,
Не могу ничьи я слышать споры.
О, рока беспомощная судьба!
Сколько раз она меня кромсала?
Резала, пилила и сшивала,
И в бреду сшивала мне: «Люби».
И когда терзает плачь мне душу,
Знаю, кто-то там, в потьмах идет.
Жить для тех,
Кто нас с любовью ждет.
Жить, да так,
Чтоб был ты людям нужен.

✧✧✧

С натуги трескаются губы,
А снег сыпуч.
И ветер снова ноет в трубы,
Как пламя жгуч.
И наст стеклом хрустит под лыжей,
Мороз — полста.
Я на костер в потемках вышел,
Жива мечта!
Веду с хозяином беседу,
Жгусь кипятком.
Я в ночь холодную согретый
Людским теплом.

Не пачкай

Распахнула зима
Непочатые тома.
Белоснежные страницы,
Аж слипаются ресницы.
Не спеши запачкать их,
Не пеши корявый стих.
Ребусы-каракули,
Чтоб зима не плакала.
Пусть пичужки и зверушки
Порезвятся на опушках.
И лисички, и зайчата
Обновят сои печати.
И напишут не втаи
Биографии свои.
И тогда на звонких лыжах
Поспешим мы в горы выше.
И с трамплина на трамплин
Покорим секрет вершин.
И тогда нам вслед сама
Зааплодирует зима.

Анне Ахматовой

Я вас не знал.
Я вас совсем не знал.
Да и сейчас, признаться,
Мало знаю.
Какая страсть,
Какой святой накал
Сжигал вам душу,
Правду вдохновляя!
Как был суров
И труден тот посев...
Кривым серпом
Немало нив скосило...
Не многие в то время,
Страх презрев,
В глаза, как вы,
Всю правду говорили.
Но с пьедесталов падали цари
И низвергались в пепел самозванцы.
И, как румянец утренней зари,
Вам суждено в поэзии остаться.

За новый праздник

Есть праздник — Женский день.
Есть праздник — День детей.
Нет праздника мужчин.
Нет праздника зверей.
И я кричу на весь огромный мир:
Давайте учредим
Всемирный день Зверей!
Чтоб в эти дни
Никто на всей планете
Не прикасался к ружьям и ракетам,
Не ставил мины,
Петли и капканы,
А прошлого залечивал бы раны.
И в этом я призыве не один.
Давайте учредим
Всемирный день Мужчин!
И среди бучи неприметных дней
Отметим все день птиц
И день зверей!

Что посеешь...

Одной тропой,
В одни ворота,
Потупив в землю хмурые глаза,
Друг возле друга
Молча мы проходим,
Кто с трубкою,
Кто семечки грызя.
Друг другу рук
Навстречу не протянем,
Не спросим, как здоровье?
Как живем?
Ни в Новый год,
Ни в Рождество,
Ни в мае
Мы вместе по сто грамм не разопьем
Что делим мы?
В чем яблоко раздора?
Спроси и не ответит ни один.
Черствеют души,
И мутнеют взоры,
И прибывает на висках седин.
А вечерами, млея по аллеям,
Гуляет чья-то грязная сплетня,
Что даже небо
От стыда краснеет,
И прячется за прялами плетня.
И той же возмущаемся девчонкой,
Что мимо, не здороваясь, прошла:
«Глядите, как поддернула юбчонку!
Какая нынче молодежь пошла!»

Здравствуй, Новый год!

Замыкаются стрелки круг.
Старый год обход кончает.
Новый год, как новый друг,
Настежь двери открывает.
Не спеши, не торопись,
Жизнь, как ветер, быстротечна.
Смотришь, солнце катит ввысь,
Оглянулся — встретил вечер.
А заботы полон рот,
А работы на два века.
И летит за годом год
В струях ливней,
В вихрях снега.
Не спеши,
Присядим в круг,
И по древнему закону
За тебя, товарищ новый
Выпьем с гордостью до дна
Наши полные бокалы,
Чтоб не раз еще весна
В наши окна постучала.
Чтобы жить да не тужить,
Чтобы петь нам, а не плакать,
Чтоб гореть, а не чадить
На ветру под мирным флагом.
Чтоб тепло сердец и рук
Мы хранили неустанно...
До свиданья, старый друг,
Здравствуй, Новый год желанный!

Ах, дождик, дождик...

Ах, дождик, дождик,
Ты какой беспутный!
С утра, как пьяный,
Бродишь по полям.
И нам опять
Ни праздники, ни будни,
Понурые уходим по домам.
Опять, опять синоптики пророчат
И завтра дождь.
И бредят солнцем
Бригадиры ночью,
Сзывая на уборку молодежь.
Нам солнце дайте!
Ведра дайте вволю!
Мы горы сдвинем позабыв про сон.
И день, и ночь
Молотят землю ливни,
Гудит в полях
Протяжный хлебный стон.

Последний снег

Зима не сдается —
Пуржит и пуржит.
По волчьи ночами
Гнусавят метели.
Скрестила природа
Не в шутку ножи
Зеленые,
Синие, белые.
А утром на поле,
Где скатертью снег
Упал, придавив
Чуть заметные всходы,
Безропотно сдавшись
На милость весне,
Снег таял на лапках
Гусей перелетных.

✧✧✧

Снова я весну встречаю, снова,
Молод, как полсотни лет назад.
За село с гурьбой белоголовой
Трактора спешу я провожать.
По грязи, по залитым кюветам
До зари спешу в поля уйти,
Чтоб горсть земли, костром согретой,
Зачерпнуть из первой борозды.

Не верьте!

Елене Захаровне Ангарской — врачу-окулисту

Мы на свет родимся только раз
Наследники земли, небес и моря,
И...
О, какой кошмар, какое горе,
Когда живешь с глазами и без глаз!
За годом год сжигает радость тьма,
Надежды рвутся, как гнилые стропы...
И хочется порою, чтоб зима
Скорей тебя завеяла сугробом.
И...
Вдруг!
Как сердце радостно стучит!
Огонь прошел по телу нервной дрожью...
Мне врач сказал:
— На свете все возможно...
Крепись, солдат, мы будем вас лечить.
И день за днем...
А иногда года
Врачи живут с больным одной мечтою,
И, как ночная тьма перед зарею,
Уходит молча черная беда.
Не верьте, что на свет родятся раз!
Кто жил во тьме,
Тот знает цену свету.
Хвала врачам, мудрейшим из поэтов,
Живущим от и до конца для нас.

Именины у мышей

Бродит Васька кот по крышам.
Ищет Мурку красивей.
А в кладовке пляшут мыши —
Нынче праздник у мышей.
Сам хозяин именинник
В галстуке, при орденах,
Ждет гостей, встречает чинно,
С трубкой модною в зубах.
По достоинству, как надо:
Приглашение, оркестр...
Режиссер, как жук усатый,
Приглашен из дальних мест.
Скрипачи в цветных жилетах,
В синих фраках духачи,
И чванливые поэты
Неумолчны, как грачи
А хозяйка? Просто чудо!
Вся в алмазах до хвоста,
Интерес в мужчинах будит...
Вот что значит красота!
Мышка-Зюга, что в диване
Свила мягкое гнездо,
Пляшет в красном сарафане
Скинув серое пальто.
И за нею вслед, метелью,
Кружит, кружит хоровод.
Не видать конца веселью,
Тот не пляшет, тот поет.
Только вот беда, закуску
Растащили всю тайком.
Ничего...
Обычай русский —
Обойдемся — рукавом.
И покаженных на крыше
Ищет Мурку красивей,
По кладовкам пляшут мыши,
Нынче праздник у мышей.

Скоро я...

За деревянной поскотиной
Роща — стеной тополя.
Здесь к ряду ряд похоронена
Наша большая родня.
Мать, братовья и невестки
Мирный покой обрели.
Взглядом ищу себе место —
Скорбный кусочек земли.
Где же отцова могила?
Никнут метелки травы.
Крест в лихолетье срубили,
Не замерзать же живым.
Молча хожу меж оградок
У покосивших крестов.
Молча скорблю об утратах
И вспоминаю все вновь...
С трепетным шелестом ветра
В сердце вливается грусть.
Все мы, увы! Не бессмертны.
Скоро и я вот споткнусь...
Будут плескаться метели,
Ливни на скрипках играть.
И поседевшие ели
Рифмы сквозь слезы шептать.

Я болен

Я болен настольгией до мизинца.
Зачем в дали
Искать, скитаясь, счастья?
А сам в душе
Завидую я птицам,
Они с рожденья
К вольности стремятся.

Обновленье

Вчера был дождь.
Сегодня дождь с крупой.
А завтра снег
Укроет пухом землю.
И все оцепенеет и задремлет
Объятое хрустальной тишиной.
Под девственной
Слепящей белизной
Исчезнет грязь...
Как будто не бывало.
Вот если бы нам в жизни роковой
Все с белого листа начать с начала.

Покараем все равно

У начальника милиции
Ходит кругом голова.
Убежал маньяк-убийца,
Ходит черная молва.
Все поставлены на ноги,
Всем сегодня не до сна.
Перепутались дороги...
У преступника — одна.

Думу думает полковник.
Не дотронулся еды.
«Если выскользнет сегодня —
Далеко ли до беды».

У полковника милиции
Ходит кругом голова.
Ходит по свету убийца —
Цекотило номер два.

Но куда бы он ни канул,
Хоть к чертям уйдет на дно.
Все равно его достанем,
Покараем все равно!

Рассудительный петух

Раздасадован петух,
Упрекает мать-наседку:
»Ах, какие это детки!
Ни перинки — только пух,
Не поймешь, где сын, где дочка,
Не семья — одна беда!
И сама сидишь, как кочка,
Где былая красота?!
У меня вас, крикни — свора!
Есть Жар-птицы ой, ой, ой!»
И, черкнув о шпору шпорой,
Наш петух ушел к другой.
Ничего ему квакуха
Не ответила остро.
Знает, вырастет из пуха
Настоящее перо.
Знает, осенью такие
Затанцуют петухи!
Вскинут гребни золотые,
Чем, скажи, не женихи?
А бездомному зазнайке,
(До чего же стал он глуп!)
Отсекает башку хозяйка
И собакам сварит суп.

✧✧✧

В. Мудрову

Мечтатель с пылкою душой
Пропахший мятой и полынью,
В кармане с книжкой записной,
Идет тропинкой крестьянина.
Опять проснувшись спозаранку
Спешит в росистые поля,
Где быстроногие мустанги
Копытят гривы ковыля.
Им шустрый ветер чешет челки
И плещет сильно по лугу.
А секретарши-перепелки
Уже ведут к строке строку.
Пиши без шалостей и проще,
Пиши частушки и стихи,
Чтоб вприпрыс пошли, хмелея, тещи
И озорные женихи.
И вприпрыс кружились хороводы,
Не молкли песни до утра...
И за рекой, за Белым бродом,
В полях гудели трактора.

А земля круглая

Земля и небо в мирозданье
Вечно.
Спешат друг к другу
Плача и любя.
Горят закаты
Алые при встречах,
И золотят дубравы и хлеба.
А за селом корявая дорога
Ведет к погосту,
Плача и пыля.
Опять, скрипя,
Плетутся чьи-то дроги...
Как не крути,
А круглая земля.

Листопад

Мой опустевший сад,
Не пышный и не броский,
Притих, июльским зноем пропален.
И позолоту первую березка
Осыпала на рыжеватый склон.
И тут и там сверкает паутина,
Как в русых косах нити седины.
И для раздумья будто нет причины,
Но все тревожней, беспокойней сны.
Ах, осень, осень!
Кто тебя тревожит?
Еще загар июльский не поблек,
А листопадом заметает тропы,
Все реже тень
И тише, глуше смех.
И я стою на краюшке аллеи,
И жду тебя:
Придешь иль не придешь?
Как в юности рябины пламенеют,
А осень сыплет золотистый дождь.

✧✧✧

Поэтам-назаровцам
В. Царегородцеву,
С. Ставер

Пока поэзия жива.
Пока любовь сжигает губы.
Играй, гармонь,
Звените трубы,
Кружись от счастья голова.

Пускай в лесу кукушки наши
Отбалабонили давно,
А мы еще куем и пашем,
И пьем за здравие вино.

И на лугах, и в страдном поле
Такой поднимем пласт стихов,
Что вздернет бровь Еремин Коля,
И свистнет Толя Третьяков.

И защебечут в колках птицы,
И загудит за током ток.
Приедут гости из столицы
На наш лирический пирог.

Моя милиция

Когда беда ворвется в мирный дом.
За горло схватят щупальцы убийцы
Мы, вырвавшись, на улицу бегом
Спешим найти заступницу-милицию.
От страха ходит кругом голова,
С угрозой в двери ломятся бандиты.
Мы надрываем телефон «02»
Звоним:
«Милиция!
Скорей!!
Скорей!!
Спасите!!!
Милиция — защитница моя.
Ни выходных, ни праздников не знает.
Идет на нож бандита за меня,
Невесту от насильника спасает.
Когда весь город
Спит спокойным сном,
А вор спешит с награбленным укрыться.
Милиция в погоне под огнем...
И не должна,
Не может ошибиться.
Россия-мать правдива и строга.
Мы всей твоей большой семьи частицы.
И правая надежная рука,
Твоя рука,
Моя рука — милиция.

Почтальон

Вдоль по улице крапивной,
Под собачий перезвон
Каждый день неторопливо
Маршрирует почтальон.
От избы к избе тропинкой,
Мимо прясел — до ворот.
С тонкой сумкой-парусинкой
Новость пешая идет.
Ребятишки, как галчата,
Впереди наперебой:
— Нам газеты,
Тетя Катя, нам письмо с передовой.
Брат в Чечне уже полгода...
Что-то редко стал писать.
Не до писем знать... пехота...
Надо город поднимать.
— Ваш в Чечне,
А наш в Кабуле...
— На Балканах наш,
Что там?..
Хоть бы минули их пули,
Да, скорее по домам.
У калитки, улыбаясь,
Бабки ласковые ждут
Компенсацию дождались...
Умереть, знать, не дадут.
— Умирать, бабуся, рано,
Распахнулся новый век.
Наряжайтесь на свиданье.
— Нет уж, дочь, не до потех.
Гонорары, алименты, перевод на прожитье...
В каждой раме, как на стенде,
Фотография ее.
Вдоль по улице крапивной,
Под собачий перезвон,
Каждый день неторопливо
Маршрирует почтальон.

В купе

Продрогшие,
Ветрами обожженные,
Походными кострами прокопченные,
Забывшие о ласке и уюте,
Чихавшие на гриппы и простуды,
Обшарившие в поисках полмира,
Вошли в купе с поклажей пассажиры.
На лицах пыль
Всех сопок и долин,
Соль на губах,
Соль на висках седин.
Одежда потом,
Серой прокипела
Не как-нибудь,
А с телом!
Не сели,
А упали на диваны,
Откашлялись,
Раскрыли чемоданы,
Тугие развязали рюкзаки...
— Сестренка, чаю,
Мерзнут земляки
Чайку, огнем чтоб
Губы обожгло!
Разведчики, ветрами прокаленные,
Чихавшие на гриппы,
Закаленные,
Как дети, грелки о стаканы.

✧✧✧

Наверно скоро я споткнусь в дороге.
К закату упаду на черный снег.
Хочу, чтоб у родимого порога,
Чтоб рядом был любимый человек.

К нему я протяну, прощаясь, руки,
Ему скажу прощальные слова.
Пока живой — целуй царевна-вьюга,
Пока хмельна любовью голова.

И в час, когда настанет та беда,
И холодом мои сомкнутся веки,
Хочу, чтоб на земле зажглась звезда
Не на беду,
На радость человека.

✧✧✧

Все сплелось в карусели:
И тела, и снега.
Не скользим — полетели!
Как гора высока!
И под лыжами — солнце.
И с трамплина — полет.
Кто орлом вознесется,
Кто, бывает, — об лед...
Не торгуемся в риске.
Испытаньем — слалом.
Может, в том радость жизни,
Если и... кувырком.

Бездомный пес

От крылечка к крылечку,
От избы до избы
За колечком колечко
Вьется тропка судьбы.
Пес бездомный, скитаясь,
Поджимает бока,
Гложет, зубы ломая,
На задворках рога.
Просит лаской и взглядом:
«Позови!
Приюти!
Буду детям отрадой,
Сберегу от беды.
Буду стражем и другом».
(Как скитаться устал!)...
Но никто ему руку
До сих пор не подал.
Пес, как тетерев в лунке,
Зарывается в снег,
И голодные слюнки
Пьет, рыдая, во сне.

А если, если...

Одна и птица погибает.
Одно и дерево — не лес.
Не скот, так ураган сломает,
И в одиночку глохнет песнь.
А если — хором...
Если — стаей,,,
Зеленой рощею — в штыки!
И ураган хребет сломает,
И сгинут черные пески.
...А ты опять потупясь, боком
Спешишь на кухню от меня.
И снова сердце рвут тревоги,
И насмехается луна.

Горы

Они родились в страшных муках
Родной страдалицы-земли
И, обломав в потугах руки,
До звезд папахи вознесли.
И как слепые отщепенцы
В тоске по матери своей,
Чем поднимались отвесней,
Тем становились белей.

Родник

От стужи лес корежится, трещит,
Сугробами кустарники пригнуло
А родничок, пробив седой гранит,
Лопочет бойко языком июля.

На кладбище

Степь...
На обветренном склоне
Тощий ковыль да чебрец.
Здесь, где-то здесь, похоронен
Мой, раньше срока, отец.
Годы тяжелые были.
Я не храню в душе зла.
Крест на дрова изрубили
Вдовы степного села.
Время загладило холмик.
(Сколько их в мире таких!)
Старцы, и те не припомнят,
Что уж судить молодых.
Молча хожу меж оградок.
К чьим-то склоняюсь крестам.
Так непутевым и надо,
Поздно пришедшим к отцам.
Тянет нутро наизнанку.
Падаю в рухлую прель.
А у ладони саранки
Брызнули в синий апрель.
Смотрят на мир с удивленьем...
И по дороге верхом
Мчится мальчишка к деревне,
Лихо щелкая бичом.
Волнам упругим навстречу
Вылетел юркий челнок.
Жизнь продолжается ... вечность
Делает новый виток.

В дорогу

Друзья в дорогу собирают чемоданы.
Друзья в дорогу набивают рюкзаки.
Я на вокзал иду с одним баяном
И слышу, вслед смеются старики.
Под стук колес лады потрогаю легонько.
Зажгу в глазах усталых огоньки.
И соберутся вкруг меня девчонки,
И домино оставят парeньки.
Лежат на столиках забытые арбузы,
Забыты мамины с начинкой пироги.
До самого пролива Лаперуза
Схлестнулись с песней гомоны тайги.
На дальних полустанках и разъездах
Они сойдут, кивнув, прощаясь, нам.
Они сойдут, забрав с собою песни,
Оставив чемоданы старикам.
Лежат на столиках забытые арбузы,
Забыты мамины с начинкой пироги.
До самого пролива Лаперуза
Схлестнулись песни с вихрями тайги.

Эхо

Вначале тихое и робкое,
Оно растет, как снежный ком.
И вот уже гудит, как гром,
И бьется колоколом в сопках.

И чудом полнится земля,
И даль, аукая, трезвонит.
А мне милей пустого звона
Журчанье тихого ручья.

✧✧✧

Зима — свое.
Весна — свое.
И все смешалось в карусели.
Сквозь слезы белые метели,
Капели первые запели
Чуть слышным тенором ручьев.
А утром...
Что же передряга?
Природа будто онемела:
На подоконниках и елях
Капели льдинками висели,
Как восклицательные знаки.

Абакан

Над Саянами
Тучи лиловой грядой.
Белым стругом поземка
Фуганит сугробы.
На Тайшет,
На Калтас,
Минусинскою степью седой
Разбегаются рельсы,
Как звонкие стропы.
В синем небе вечернем
Ракетами краны торчат.
Экскаватор ковшом
Зачерпнул золотое созвездье,
И ...рассыпал на землю
Искристых огней листопад.
От шумливых перронов
До тихих предместий.
В рейс спешат поезда —
В темноту безымянных полей.
На щеках проводниц
Уплывает румянец заката.
И глядит тебе вслед
Сквозь ресницы ветвей
Неопавшие кисти ранета из сада.
До свиданья!
Как старому другу тебе,
Самый памятный, лучший
Из лучших подарков,
Город сотнями радуг
Ворвался в купе,
Синим солнцем электросварок.

Малыш мечтает

Мальчишка дует губы,
Мальчик плачет.
Он чего-то любит,
Просит, не иначе.
Пойди узнай,
Не вымолвит и слова.
Ему подай,
Подай скворца живого.
Синицу в руки,
С неба журавля.
И ходит кругом
Слезная земля.
Он хочет сам
Держать в ручонках птицу,
Прижать к груди
И с ней в комочек слиться.
Малыш мечтает...
Ах, какой ты бука!
И мы толкаем
Непоседу в угол.

Дорожный фокстрот

Уезжаю, уезжаю,
Не оставив адресов.
Огорчаю, огорчаю
Домоседов-стариков.
— Ах, какой же ты упрямый!
А, признаться, молодец!
Знать характером весь в маму,
Беспокойный, как отец.

Припев

Не хочу я раньше века стариться,
Уж такой натуры человек.
Я прошу: зачислите, пожалуйста,
Следопытом в двадцать первый век.

Там, где в рог трубят олени,
Ходят вьюги ходуном,
Ждут ребята пополненье
И надежное, притом.

Припев

Завяжу потуже узел
Баламута-рюкзака.
Уезжаю — значит, нужен,
Нужен всем наверняка.

Уезжаю, уезжаю
В край метели и дождя.
Обещаю, обещаю
Всем с дороги адреса.

Припев

✧✧✧

Золото и серебро лучей
Сыплет март, расщедрившись, горстями.
Теплыми омытые ветрами,
Высыпали почки тополей.
Хочется опять брести куда-то.
Хочется, не знаешь сам, чего:
Серебра ли первых ручейков
Или золотого листопада.

✧✧✧

Мороз резвился по утрам.
Все прятал под колючий иней.
Корежил на стволах кору,
На лицах высекал морщины.
А в полдень вдруг оторопел:
К беседке только прислонился
И не заметил, как капель
Слезой повисла на ресницах.

Не верю я

Не верю я,
Что люди умирали
Вот так, как звезды, падая во мрак,
От детской колыбели до атак
Мы все идем,
Врубая в вечность шаг,
Кто в чернозем,
Кто в космос,
А кто в скалы...
И этажи вздымают города,
В степных арыках плещется вода,
Цветут сады
И плодоносят пашни.
Вот почему в конце дороги нашей
Не гаснет — загорается звезда.

ГНЕВ МОЙ НЕ ВМЕЩАЕТСЯ В СТРОКУ

Гнев мой не вмещается в строку

Не могу смириться, не могу!
Гнев мой не вмещается в строку.
Не пойму, кто прав?
Кто виноват?
Снова брата убивает брат.
Другу друг
Вонзает в сердце нож...
И Россию сотрясает дрожь!
Неужели, все что раньше было
Ничему нас всех не научило?
И как было, стало нормой снова —
Искушать ошибки мерой крови.
Кровью обреченных и безвинных,
А не тех, что в креслах дремлют чинно.
Не могу смириться, не могу!
Гнев мой не вмещается в строку.
До каких же пор мы будем верить
Белым, красным, розовым химерам?
Хамильонам всех мастей и масок,
Королям безумия и власти.
Где же наши правые законы?
Брякают пустые миллионы.
На плаву маньяки и нахалы,
Хапают подряд все: «Мало! Мало!»
Не могу смириться, не могу!
Гнев мой не вмещается в строку!
Что ни день, все новые тревоги...
Провожаем сыновей в дороги.
Что их ждет?
Что ждет тебя, Россия?
.....и рубежи какие?
Не могу смириться, не могу!

Переживем

Невезенье, неудачи,
На работе и в стихах.
Вот попробуй жить богаче,
Если по уши в долгах.
Если вместо поцелуя,
В восемнадцать — пуля в рот.
И твою любовь святую
Под венец другой ведет.
И кружась в трясине бедствий,
И в миру, и на войне,
Вспоминал я часто детство
На соленой черемше.
Вместо яблока — рябина,
Вместо торта — драники,
И кисель на именинах
Синий, как подштаники.
И поэтому, наверно,
Я твержу беззубым ртом:
— Как бы ни было нам скверно
Все равно переживем.
Окунемся в майский ливень,
Запоет взахлеб душа.
Уродилась бы рябина
И крупнее черемша.

Часами у приемника стою

Часами у приемника стою.
Чего я жду от респрей?
Сам не знаю.
Пускай не мой
Сегодня сын в бою,
Так чей-же внук
В сраженье умирает.
Где проглядели, прозевали мы?
Поставив всю Россию на прицелы?
И лапы вепрей тянутся из тьмы,
И то, что нажили, по волчьи делим.
Кто посильнее — окорок жирней...
От штрафов и налогов
Гнутся спины...
Где ум и совесть
Избранных «вождей»?
Ответа нет.
И глохнет глас в пустыне...
Гудит эфир,
Как разоренный улей.
Клыки крестами
Выперлись из тьмы...
И чей-то сын
Идет сейчас под пули,
И все, как зайцы,
На прицелах мы.

Веди нас, Петр...

Взметнув в ночи тревожный флаг,
С грозою и с ветрами споря,
Плывет Россия кое-как
Среди бушующего моря.
Встает стеной за валом вам,
Густые тучи даль застлали.
Упрямый капитан устал,
Давно матросы все устали,
Без парусов и без руля
Летит корабль, куда не зная.
Родная русская земля,
Где наша сила удалая?
Где наши вольные сыны —
Наследники петровой славы?
В каких снегах погребены?
Какою их накрыло лавой?
Хрипит усталый капитан,
В бессилье падают матросы.
Рычит от гнева океан.
Позор!
Россия помощь просит!
Краснеют от стыда кресты,
Развергались братские могилы.
Веди нас, Петр, вперед веди!
Пока жива в народе сила.
Взметнув в ночи тревожный флаг,
С громами и с ветрами споря.
Плывет Россия кое-как,
Среди бушующего моря.

Жизнь, как капризная речка

Жизнь, как капризная речка,
Выскочит в мир ручейком,
Вьет за колечком колечко,
Мчится куда-то бегом.
Месяцы, годы-скитальцы,
Только пришли и ушли.
Там, где пылали румянцы,
Сеткой морщины легли.
Словно воровки-гадалки,
Счастье посулят — но верь.
Ждешь непременно подарки —
Горе врывается в дверь.
Думаешь правда с тобою —
Ложь саданет под ребро.
Пряник и тот со слезою:
На, проглоти за добро.
Судят покой и достаток,
А наяву — все война...
Мир оглушен передрягой,
Тайная бездна черна...
Жизни капризная речка
Буйствует силою вод...
Вьет за колечком колечки
Петли-удавки плелет.

Как обидно, как стыдно, как больно...

Прокаленные зноем и стужей,
Нахлобучив карнизы до пят,
Обрастая крапивою, в лужах
Покосившие избы стоят.
Ни пройти, ни проехать — ухабы.
Захлестнула столетняя грязь.
И бредут по ней хмурые бабы
Проклиная и Бога, и власть.
А на взгорке, где редкая зелень
Просочилась сквозь хлам — сорняки,
Изнывая от хмеля и лени
Пьют взахлеб самогон мужики.
И галдят, и руками разводят,
Каждый воин и ловок, и лих,
Дождались настоящей свободы,
А кто скажет, что завтра ждет их?
На какие горячие точки
Их нежданно забросит судьба?
Кто заплачет?
А кто захохочет?
Чья на бок покосится изба?
И шумят мужики возле тына,
Заливая сивухою грусть.
Как обидно!
Как стыдно!!
Как больно!!!
За тебя, беспросветная Русь.

Терпел, терплю и потерплю

Были дни удач и неудач.
Жизнь все сложней,
Трудней торить дорогу.
Не раз потертый горем, как калач,
Терпел,
Терплю
И потерплю немного.
Немного...
И еще чуть-чуть... года.
Дай Бог, не знаю, как
Набраться силы.
Чему-чему —
(Ох, горюшко-беда!)
Терпенью нас изрядно научили.
Текут года,
Как полая вода,
Кромсая льды,
Заторы и плотины.
Но остается на плаву нужда
И тянет, тянет с головою в трясину.

Арина

(Баллада)

Собирала малину Арина.
По Чулыму за мари ушла.
Ах, какая шальная малина
В то тревожное лето была!
Как наперстки, налитые медом,
Гнули ягоды ветки к земле.
И бросались кораллами в воду,
И смотрелись в звенящем стекле.
Собирала малину Арина.
Не спешила,
Кому ее есть?
В «черном вороне» мужа и сына
Укатили в метельную весь.
И осталась кругом сиротина.
Ни вдова, ни солдатка — одна.
Как в саду позабытом рябина,
Никому, никому не нужна.
Были рядом друзья и подруги.
Отшатнулись...
Никто не зайдет.
И, скрестив исхудалые руки,
В ожиданьи стоит у ворот.
Может, кто-то живой и вернется,
Может, даст хоть какую-то весть...
И, сжимаясь под вьюгою, гнется
И боится к соседке подсесть.
Отошли.
Как пустую породу,
Отшвырнули молчком за забор.
Муж — кулак.
Сын — предатель народа.
Приклеили ярлык-приговор.
«А кулак, — вспоминает Арина, —
Не имел и на пасху сапог».
И меж пальцев роняет малину

И горячие слезы на мех:
«Уезжал до рассвета на поле,
Затемно возвращался домой.
И довольный крестьянскою долей,
Не мечтал о всевышней другой.
Хлеб насущный, просоленный потом,
С квасом ел и других наделял.
И мальца приучал он к работе,
Боронить и пахать приучал.
А найдется свободной минута —
Отдохнуть бы усталым рукам.
Детвора набежит отовсюду,
Неотступно галдит по следам:
— Дядя Вася! Порадуй обновкой...
— Дядя Вася! Ты сулил мне свисток...
И жужжала, жужжала ножовка,
И за полночь стучал молоток.
Медвежата, зайчата, кукушки,
Сто фасонов свистульки, манки...
Детворе мастерил он игрушки
И точил мужикам мундштуки.
И счастливые пряхи в округе
Похвалялись друг другу крестясь:
— Самопряха-то чудо!
— Вот руки!
Хоть в столицу вези на показ!
Он нахмурит пшеничные брови,
Если плату давали за труд:
— Я на радость вам сделал обнову,
Радость дарят — не продают.
Завернула за куст краснотала
И в испуге отпрянула вспять.
На валежнике трубка лежала,
Как же было ее не узнать?
А в траве — побуревшие кости,
И наручники рыжие-ржа...
Вот где ваши нашла я погосты!
Вот где ваши останки нашла!
Боль сдавила обмякшие руки
И глаза затуманились вновь...
Есть ли в мире ужаснее муки?!
...И малина алела, как кровь.

России верные сыны

Ревела буря на Сенатской.
Монарх во гневе, потрясен.
— Кто не доволен волей царской?!
Кто не явился на поклон?!
И под резным дворцовым сводом
Мешался с криком дикий смех.
— Я покажу еще свободу!
В Сибирь!!
На виселицу всех!!!
А гром гремел...
Ряды смыкая,
Вставала гвардия в каре.
— Не присягаем Николаю!
— Долой Романовых-царей!
Доколь измученной России
Вириги рабские влачить!
Не вами ль, други боевые,
Наполеон кичливый бит?
Встают под знаменем восстанья
России верные сыны.
— Раскрепощение и братство?
— Под сонцем люди все равны.
Но солнце тучи заслонили,
И заслонила землю мгла...
И зарыдали, зазвонили
По всей Руси колокола.
И, как набат, призывом к свету
Поэта гордый глас звучит:
— У вас веревки путней нету!
Где вам свободу задушить!!
Не заслонить вам к свету жажду!
Россию всю не расстрелять!
И счастлив я, что не однажды,
А за Отечество мне дважды,
Пришлось с друзьями умирать.

И вянет златокудрая листва

В каминах октября
Сгорает гордость лета,
Горит, горит опавшая листва.
Твоя краса,
Моя краса, Лилетта.
Седеет пепел...
Меркнет синева.
Проходят мимо бывшие друзья,
Не узнают...
И мы им тем же платим.
А сколько клятв давалось
В жизни зря!
Проходят мимо...
Будто так и надо.
И вот уже серебряным огнем
Горят снега, прожженные морозом.
А мы еще от жизни что-то ждем
И почтальона ни к чему разносим.
Стареем все.
На РОДИНУ взгляни:
Как сморщилась она!
Как обеднела!
Где лес шумел
Чернеют только пни,
И межи рвут ее на части тело.
Где поросль?
Златокудрая листва?
Сгорела на приплюснутых плешинах.
И глохнут в стылом воздухе слова,
И все чернее трещины-морщины.

Не каркай, ворон

Не каркай, ворон,
Не пророчь беду,
Не избежать ее и лиходеям.
Сейчас тебя я срежу налету,
И черный ветер
Черный пух развеет.
И ни полынь.
И ни плакун-трава
Не вырастут,
Где кровь прольешь — отраву.
Летит по свету черная молва
О черных птицах,
О делах кровавых.
Собрат собрату выклюет глаза.
Насытившись,
Прокаркает в утробу.
И чья-то снова
Закипит слеза,
И кто-то склонит
Голову у гроба,
Не каркай, ворон,
Не вещай беду,
Мир оглушен пророчеством гнусавым.
Тебя я срежу пулей налету
И оборвется
Твой обед кровавый.

Поэты, на передний край!

Не время петь о розах и любви,
Слюнявя бычьей исходить истомой.
Полмира задыхается в крови,
И тучи грудятся над нашим домом.
Под боком НАТО, притаясь, как рысь,
Готовая к прыжку, скрывает атом.
Проснись, поэт!
Родная Русь, проснись!
Мы все твои призывники-солдаты.
И на востоке пьяный самурай
Ловить мечтает рыбку в Енисее.
Поэт, горнистом на передний край!
Не прозевай!
Не росы — кровь алеет.
Земля трещит от взрывов, как арбуз,
И рвутся, рвутся, как вулканы, бомбы.
А сколько их нацелено на Русь?!
Не прозевай!
И сорок первый помни!
Поэт, горнистом — на передний край!

Довольно!

«Язык — твой враг, —
Давно мне говорят, —
Держать его не можешь за зубами.
А ты бы потихонечку, да влад.
Давно ходил в чинах бы, с орденами.
Гляди, Анисим Слизень — твой сосед,
К начальству льнет с улыбочкой, с приветом.
И новоселья закатил банкет,
И в Крым с женою по путевке едет.
И прогрессивка первому ему,
И премии за месяц,
И за квартал.
Тебе все правда надо одному,
Ты столько ею бед себе накаркал...
Ему подарок «Нива»...
Ты — пешком,
Стоишь в очередях и ждешь в приемных...
Ему все двери — настежь:
«Браво! Ждем!»
И руки жмут торжественно.
Довольно!»
Кусаю губы — раненная выть!
И уши зажимаю кулаками.
Да если так угоднически жить,
Мы станем не людьми, а — слизняками.

Содержание

МЫ ПОМНИМ ВСЁ ИЛИ БЕЗЫМЯННАЯ ПОЛЯНА
Тяжело ворошить былое ... 4
Первый день войны ... 5
Безымянная полянка ... 6
Перед боем ... 7
Когда под свист июльских трелей ... 8
В блиндаже, у печурки горящей ... 8
Черное поле ... 9
Песчаный бугорок ... 10
Склонялась над телами рожь ... 12
На Мамаевом кургане ... 13
Он был сапером на войне ... 14
На бурой расхлестанной пашне ... 15
Глаз не поднять от стыда ... 16
Фронтовой закат ... 17
Так было ... 18
Песня разведчиков ... 19
Баллада о моряках ... 20
Мы победили ... 21
Оборона ... 22
Молитесь за нас ... 23
Я в пояс поклонюсь ... 24
Я в памяти все ясно берегу ... 25
Деревья, как ракеты ... 25
Мы уходим с боем в дали ... 26
Они не говорили ни о славе ... 26
Рожь ... 27
Сердце швырну как гранату! ... 28
Такого знать нам не дано ... 28
Сталинград ... 29
Баллада о Женьке-сибирячке ... 30
Кружился ворон надо мной ... 31
Убийца ... 32
Когда рассвет над поймой Уссурийской ... 32
Хохочет девчонка ... 33
Все уходит ... 33
Над Курилами часто сгущаются тучи ... 34
Тост 9 Мая ... 35
Нас было много... ... 36
Солдатская правда ... 37
Комиссары ... 38
Не знаю как мы выжили и жили ... 38

Кровавый дождь 39
За Полярным кругом 39

ВСПОМНИМ, ДРУЗЬЯ!
Стихи о Чечне, Афганистане
Память 41
Вспомним, друзья... 42
Баллада о друге 43
Радость выдавали по пайкам 48
Не говори: «Пропал без вести» 48
У времени испытанные меры 49
Вставай, партизанка 50
В веках не смолкнет слава градов 51
Мы помним все 52
Стоит солдат 53
Ракиты 54
Письмо с того света 56
У жизни свой особый счет 58
Когда мне смерть уста сжимала 58
Помянем 59
На Руси справляют панихиды 60
Находка 60
Домино 61
Бывает и так 62
Глаза матери 62
Земля, как дремлющий вулкан 63
Пришел солдат с границы на побывку 64
День памяти 65
Былинные истории 66
Седина 66
Я о годах своих уже не говорю 67
Опять стучат в России костыли 67
И мне не век брататься с ветром 68
Я быть хочу у тишины горнистом 68
В горах Кавказа 69
В ущелье Кавказа 70
Шуми, Аракс... 71
Скажи, Кавказ 72
В песках Афганистана 73
Обед 74
Горянка 75
Глоток воды 76
У могилы друга 77
Прощанье 78

ПОЭМЫ 79
Подстава в горах 79
А в это время 85
ДВЕНАДЦАТАЯ ПОГРАНИЧНАЯ (поэма) 85
БОЕВАЯ ЮНОСТЬ (Поэма) 103

ПРИЧУЛЫМЬЕ, МОЕ ПРИЧУЛЫМЬЕ
Причулымье, мое причулымье 114
Поет Чулым 115
И рыдать, и смеяться с тобой 116
Тальник 116
Снегом кроются поля 117
Чем пахнет хлеб? 118
Откипела страда сенокосная 118
Паромщик 119
ИЮС 120
Рукопожатье 120
Сеятель 121
В полях 122
Щедрость 122
Первые ласточки мартовской рани 123
Сенокосный гул 123
Протока 124
Тропинка к родному дому 124
Закат овсяною половой 125
На покосе 126
К тихоне речке 127
Раскаяние 128
От села до села — сенокосная пора 129
Тропинки 130
Снова за деревню 130
И горло, и сердце сдавила удавка 131
Расписан заморозком лес 132
Кедр 133
Поговори со мной... 134
Заненастило. Ветрено. Холодно 135
Поспеши 136
Закат потух 136
Золотая осень 137
Не место красит человека 138
А в сердце — майская теплынь 139
Проказы весны 140
Первый дождь 140
Косачи 141
Именины весны 142

Высотники 143
Баллада о корове 144
На Чулыме, на Чулыме на реке 145
Березы 146
Чернавка 147
Поклон тебе, моя земля родная 148
Грустят в предвечерье березы 149
Растет у Чулыма размашистый кедр 150
Зимняя россыпь 151
Надежда 152
Родина 153
Подсолнух 153
В июльскую ночь 153
Июльский дождь 153
Улетело лето 154
На пойме Сережа 155
Кипит Чулым 156
По озерам, по старицам 156
Почему? 157
Я представить себя не могу без Сибири 157
Вот это лето! 158
Ночью росы звездные 158
Кузнечик 159
В страду 159
Весна пришла 159
Еще не шевельнула лед река 160
Весна! Потешная тревога 160
Когда рассвет вершины выбелит 161
Была морозная и вьюжная 161
Трава припудрена порошей 162
Как я хочу... 162
В степи 163
И ночь, и день 163
Чибис 164
Чайка 165
Отшумели ливнем листопады 166
Раздумье у Чулыма 167
На перроне 168
След 168
На разъезде дни однообразны 169
На перегон 170
А улицу Ромашковой зовут 171
Весна трезвонит в бубенцы 172
Ах, что наделали снежинки! 172
Осеннее утро 173

Щедрость осени 173
Грузнут гроздьями рябины 174
Приход зимы 175
Встреча с летом в зимней лесу 176
Золотой листопад 177
Березка под моим окном 178
Гроза в июле 179
В преддверии осени 180
Чулым — моя судьба 182
Подснежник 183
Памятники лету 184
И снова день встречаю я в пути 185
Мне все здесь близко и знакомо 185
Когда гляжу я в даль рассвета 186
Поля, поля 186
Половодье 187
Уймись, зима 187
Раздумье в поле 188
Осенний день 189
В саянах 190
Стройки начинаются мечтою 191
Трава запудрена порошей 191
На синем озере 192
На перроне поздней осенью 192
Мой поезд несется... 193
Прости меня 194
Родной этюд 196
Прорубь 196
Ужурочка 197
Город наш и родной, и любимый 199

РАССВЕТ В ТАЙГЕ
Рассвет в тайге 201
На столе брусничным соком 201
Старость 201
Удачной охоты, друзья! 202
Только здесь ты оценишь Сибирь 203
Волки 204
На Бирюсу 205
Ищу я охотничье счастье 206
Умирает огневой закат 207
На перевале 207
Льет и льет в кувшины глухомани 207
Над палаткой между веток 208
Белка 208

Закон тайги не оскверняй – не смей! 209
К далеким глухариным токовищам 209
Зверобои 210
Хороши у нас в Саянах... 211
Рысь 211
Костер 212
Дохнуло холодом с гольцов 212
Спаниель 213
Костер 213
Сверкнуло молнией лиса 214
Когда погаснет солнце над Саянами 214
Смерть лебедя 215
Нет места на земле убийцам! 216
Не дай мне бог 217
Проба 218

Я, КАК ПРЕЖДЕ, ОСТАЮСЬ ВЛЮБЛЕННЫМ

Я, как прежде, остаюсь влюбленным 220
Не убей улыбку, не убей! 220
Последние угли сгорают в печи 221
Цветите, чудо Ярославны! 222
Загляделась девчонка на парня 223
Куда?.. 224
Уйду... 225
Не солгу! 225
Вечернее 226
...Кого ждала? 226
Спешат девчонки на свиданье 227
Уходишь 227
Общипали березку поэты 228
Не жалей меня... 229
Начальник, примите билет 229
Стихи, стихи 230
Курит вечер трубку золотую 231
Тебе 232
Я Пушкина читаю наизусть 233
Встреча поэтов 234
А Пушкину достойного все нет 235
Прожитое нами не забыто 236
Матери 237
Была любовь 237
Люблю! 238
Бабье лето 238
Ах, что наделали! 239
Человека обидеть не трудно 240

И моя в саду черемуха цвела 241
Куда летишь, мой маленький челнок? 242
Непоседа 243
Нежность 244
Искры поэзии 245
Какой бы сильной птицей не была 245
Стихи, написанные кровью 245
Кинжал 245
С любовью не играйте, как с игрушкой 245
Любовь не спутаешь ни с чем 246
Как часто мы друг друга обижаем 246
Пусть кто-то посмеется надо мной 246
Человек без любви 246
Оттепель 247
Зависть 247
Почему ты холодна? 248
Голубень 248
Попробуй, догони! 249
На перекрестках, ветром обуян 250
Я и поэт, и гражданин 250
Песня полярников 251
Первый снег зимы 252
Потеряешь друга 252
Любите жизнь 253
Ты люби меня, люби! 254
У каждого есть родина своя 254
Пробуждение 255
Сколько было у тебя веснушек! 255
Чистота 256
Попробуй, догони! 257
Цыганка мне невзгод не ворожила 258
Предзимье 259
Сколько в жизни интересного 260
Долю я завидную ищу 261
Упала ягодка 261
Кто? 262
Чайки 262
Гимн космонавтов 263
И сон, и явь 264
Тропинка 264
Капризы жизни 265
Все пройдет, останутся стихи 265
Ты встретилась мне поздно на пути 266

А МНЕ МИЛА ОСЕННЯЯ ПОЛЯНА

Кремль ... 268
Я белым журавлем ... 269
Гордость ... 270
Едва заметной тропкою ... 270
Жаль ... 271
Я — природы открытой дитя ... 272
Тулуп ... 273
Леший ... 274
Колыбельная внуку ... 275
Белорусский сибиряк ... 277
Чудо мед ... 279
Ах, что наделали снежинки! ... 280
Последний снег ... 281
Снова я весну встречаю, снова ... 281
Из детства ... 282
Мне пить вино Богов не довелось ... 283
Последний поцелуй ... 284
Проказы зимы ... 285
Мороз сковал и речки, и озера ... 285
Мои учителя ... 286
Я прошу вас... ... 287
Мне радость свою не унять ... 288
Осень ... 289
Сверстнику ... 290
Ты думаешь, легко писать стихи? ... 291
Находка ... 292
Скрипка ... 294
Стоит на столе журавленок ... 295
Слишком рано испытал я горе ... 296
С натуги трескаются губы ... 296
Не пачкай ... 297
Анне Ахматовой ... 298
За новый праздник ... 299
Что посеешь... ... 300
Здравствуй, Новый год! ... 301
Ах, дождик, дождик... ... 302
Последний снег ... 303
Снова я весну встречаю, снова ... 303
Не верьте! ... 304
Именины у мышей ... 305
Скоро я... ... 306
Я болен ... 306
Обновленье ... 307
Покараем все равно ... 308

Рассудительный петух 309
Мечтатель с пылкою душой 310
А земля круглая 311
Листопад 312
Пока поэзия жива 313
Моя милиция 314
Почтальон 315
В купе 316
Наверно скоро я споткнусь в дороге 317
Все сплелось в карусели 317
Бездомный пес 318
А если, если... 319
Горы 319
Родник 319
На кладбище 320
В дорогу 321
Эхо 321
Зима — свое 322
Абакан 323
Малыш мечтает 324
Дорожный фокстрот 325
Золото и серебро лучей 326
Мороз резвился по утрам 326
Не верю я 327

ГНЕВ МОЙ НЕ ВМЕЩАЕТСЯ В СТРОКУ

Гнев мой не вмещается в строку 329
Переживем 330
Часами у приемника стою 331
Веди нас, Петр... 332
Жизнь, как капризная речка 333
Как обидно, как стыдно, как больно... 334
Терпел, терплю и потерплю 335
Арина (Баллада) 336
России верные сыны 338
И вянет златокудрая листва 339
Не каркай, ворон 340
Поэты, на передний край! 341
Довольно! 342

Петр Павлович Коваленко
ПРИЧУЛЫМЬЕ МОЕ, ПРИЧУЛЫМЬЕ
Стихи, поэмы

Текст дается в авторской редакции
Верстка *О.Г. Томиловой*

Подписано в печать 08.05.03. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$
Усл.печ. л. 18,8. Уч. изд.л. 18,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 4854.
Цена договорная

Отпечатано
Издательством «КЛАРЕТИАНУМ».
Полиграфическая лицензия ПЛД № 48-65 от 22.02.99.
660049, г. Красноярск, ул. Парижской Коммуны,33, оф. 800.
Телефоны: (3912) 27-94-00, 27-88-48
e-mail: info@claret.krsn.ru
http://claret.krsn.ru

Для заметок